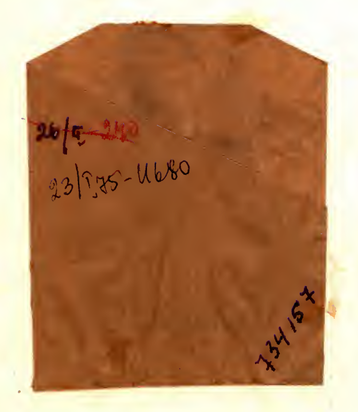
ИЗ ИСТОРИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Под редакцией
Е. Д. СТАСОВОЙ

МОСКВА
1955

26/5
23/1.75-11680
734157

Министерство культуры РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
Научно-методический кабинет библиотековедения

ИЗ ИСТОРИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Под редакцией
Е. Д. СТАСОВОЙ

МОСКВА
1955

Составитель *А. Г. Кравченко.*

ВВЕДЕНИЕ

История нелегальных библиотек революционных организаций царской России — это не только часть истории библиотечного дела, часть пока еще малоизученная, но и яркие страницы истории революционного движения в нашей стране. На протяжении всей борьбы рабочего класса в царской России за коммунизм нелегальные библиотеки помогали этой борьбе, распространяя книги, брошюры, листовки, воодушевлявшие борцов, расширявшие их кругозор.

Распространение нелегальной литературы не являлось только одним из видов революционной агитации и пропаганды, одновременно оно помогало организации масс, повышению их революционной активности. На различных этапах борьбы такая работа имела разный объем, принимала разные формы, но в годы, когда уже сложилась революционная рабочая партия, всегда преследовала одну цель: «воспитывать массы неуклонно к революционному мировоззрению и революционному действию» [1].

Теснейшая связь между развитием революционного мировоззрения и уменьем действовать, как одно из основных положений марксизма, сказалось и в постановке работы нелегальных библиотек. Книги, брошюры этих библиотек не только читались, но и служили руководством к действию, слово претворялось в дело; сама работа в таких библиотеках была революционной школой. Многие сотни наиболее сознательных рабочих и представителей революционной интеллигенции бережно хранили и умело продвигали в гущу масс нелегальные книги, брошюры, журналы, газеты, даже отдельные статьи из журналов и газет, проявляя большую инициативу, настойчивость в преодолении любых трудностей, бесстрашие перед лицом опасности. В годы реакции после первой русской революции за распространение большевистской литературы царский суд приговаривал самое меньшее к ссылке в Восточную Сибирь.

---

[1] Ленин В. И. Заметки публициста. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33, стр. 185.

Настоящий сборник является первой попыткой собрать материалы и показать работу нелегальных библиотек. Описать все разнообразие работы этих библиотек, дать полную картину их работы в разных частях России не представилось возможным. Тем не менее отбор материала, вошедшего в данный сборник, позволяет рассмотреть характерные черты работы нелегальных библиотек, понять их большое значение и совершенно особое место среди других библиотек нашей страны.

В сборник вошли материалы, знакомящие, по возможности в последовательно хронологическом порядке, с деятельностью некоторых нелегальных библиотек, начиная с 70-х годов прошлого столетия вплоть до последнего десятилетия перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Самое большое место в нем занимают материалы о работе библиотек крупных революционных рабочих организаций Петербурга, Москвы, Урала. На конкретных примерах, относящихся к разным периодам времени, показано, как вместе с возникновением и ростом организованной борьбы российского пролетариата против царизма появились и нелегальные библиотеки, как менялись содержание и методы их работы в зависимости от степени зрелости рабочего движения, от того, работали ли эти библиотеки в годы революционного подъема или в годы реакции.

Имеются материалы и о деятельности нелегальных библиотек учащейся молодежи в конце прошлого века. Этот материал свидетельствует о том, как под влиянием революционного пролетариата лучшие представители учащихся средних и высших школ становились в ряды революционной социал-демократии. На II съезде РСДРП была принята специальная резолюция об отношении к учащейся молодежи, в которой приветствовалась ее революционная самодеятельность; всем организациям партии предлагалось оказывать всяческое содействие молодежи, которая стремится к выработке цельного и последовательного социалистического миросозерцания, к серьезному ознакомлению с марксизмом; одновременно самой молодежи рекомендовалось не только заниматься теоретическими вопросами, но и переходить к практической деятельности[1].

В сборник вошло несколько статей, в которых не говорится непосредственно о работе нелегальных библиотек, например, статья «Высказывания В. И. Ленина о нелегальной литературе», статья Е. Д. Стасовой «Как мы получали и распространяли нелегальную литературу», но эти статьи помогают понять и характер литературы и способы ее распространения, без чего современному читателю, особенно молодому, будет непонятно, каким образом попадали в библиотеки нелегальные книги, ка-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание 7-е. Ч. 1. М., Госполитиздат, 1952, стр. 53—54.

кими особенностями они отличались. Названные две статьи помещены в начале сборника, являясь как бы введением к показу работы самих нелегальных библиотек.

В сборнике нет особого раздела о нелегальных библиотеках в годы первой русской революции, но некоторые статьи написаны целиком на материалах этого времени. К их числу относятся статьи В. В. Рябикова «Подпольная библиотека Симбирской социал-демократической организации большевиков в 1901—1906 гг.», Л. К. Федорова «О деятельности некоторых библиотек накануне и в годы первой русской революции», И. И. Павлова «Из воспоминаний о 1905 годе». Кроме того, о работе нелегальных библиотек в 1905 году говорится частично в статье Ф. И. Коротаева «Большевистские библиотеки в г. Кунгуре», М. Н. Коковихина «Библиотека Миньярской партийной организации Южного Урала в 1905—1917 гг.».

Как видно из печатаемых материалов, наряду с марксистской литературой нелегальные библиотеки давали своим наиболее подготовленным читателям и книги, авторы которых были выразителями буржуазной идеологии, стояли на позициях, враждебных революционному марксизму. В то время чтение таких книг приучало читателей разбираться в разного рода антимарксистских концепциях; вскрывать их классовый характер, противопоставлять им подлинно научное познание мира. О том, как велась работа с такими книгами, подробно рассказано, в частности, в статье В. В. Рябикова.

В сборник вошли статьи, разные по своему характеру и изложению. Одни из них написаны на основании литературных источников, в большинстве случаев малоизвестных, другие — являются воспоминаниями старых большевиков, которые сами вели работу в нелегальных библиотеках.

Работа над сборником началась в 1949 году. В то время при Институте теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР имелась комиссия по истории библиотечного дела в СССР, на заседаниях которой и были заслушаны первые доклады о нелегальных библиотеках. После того как работа комиссии прекратилась, собранный материал был передан Научно-методическому кабинету библиотековедения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Здесь он был дополнен, названия нелегальных книг, о которых говорится в статьях, тщательно проверены. Большую помощь Кабинету библиотековедения в этой трудной работе оказал Отдел редких книг Библиотеки имени В. И. Ленина, располагающий богатейшими фондами книг, брошюр и листовок, которые в досоветское время имелись в нелегальных библиотеках и использовались в целях пропаганды марксизма.

Выпуская настоящий сборник, Научно-методический кабинет библиотековедения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина надеется, что это даст толчок к собиранию аналогичных материалов, положит начало глубокому изучению деятельности нелегальных библиотек революционных организаций нашей страны в годы царизма. Знание истории нелегальных библиотек, их организации, содержания и методов работы имеет большое значение для всех советских библиотекарей, так как многое из опыта этих библиотек после победы Великой Октябрьской социалистической революции легло в основу теории и практики советских библиотек.

А. Г. Кравченко

ВЫСКАЗЫВАНИЯ В. И. ЛЕНИНА О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В опубликованных работах Ленина нет ничего о деятельности подпольных библиотек, но Владимир Ильич не раз писал и говорил о нелегальной революционной литературе, много сделал для ее создания и распространения, что имело огромное значение для работы библиотек революционных организаций.

В самом начале 90-х годов прошлого столетия В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» выразил полную уверенность в том, что русский рабочий, усвоив идеи научного социализма, станет во главе всех демократических элементов общества, свалит абсолютизм и пойдет прямой дорогой политической борьбы к победоносной коммунистической революции. Одним из важнейших средств успешного усвоения идей научного социализма являлись пропаганда и агитация марксизма, устная и письменная, издание в условиях тогдашней политической жизни России нелегальной литературы. Вопрос о том, какой должна быть такая литература, ставился В. И. Лениным со всей серьезностью уже в только что названной работе. «...Задача социалистов, — писал он, — сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов...». «Нельзя быть идейным руководителем без ...теоретической работы, как нельзя быть им без того,... чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации» [1].

Вооружение масс марксистской теорией в то время было нелегким делом. Начинать приходилось с листовок, с популярных брошюр, которые на простых примерах повседневной жизни рабочих показывали необходимость и неизбежность политической борьбы с царизмом, указывали пути этой борьбы. Появление такой литературы вызывало насмешки со стороны народников, в том числе Н. К. Михайловского. Михайловский, писал В. И. Ленин, «...с пафосом негодует против «этой науки,

[1] **Ленин** В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 1, стр. 279.

умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука — и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!!» Но, продолжал Владимир Ильич, социал-демократы «лишь постолько и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, ...и которые поэтому излагают эту науку в грошевых изданиях, так шокирующих филистеров» [1].

Придавая огромное значение созданию популярной марксистской литературы для рабочих, борясь за нее, Владимир Ильич прекрасно понимал, какое это трудное и ответственное дело. «Через популярные брошюры, листки стремились тогдашние революционеры, тогдашние социал-демократы приблизить теорию к рабочей массе. Мы старались с этой целью,— вспоминала Н. К. Крупская,— научиться писать просто и понятно для рабочих» [2].

Владимир Ильич в это время написал популярную брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтона». В 1895 году он написал свою первую популярную статью для рабочих — «О чем думают наши министры?» [3]. Статья эта в то время не увидела света, она была взята агентами царской охранки при аресте Ленина и его товарищей и найдена в архивах департамента полиции лишь в конце 1924 года. Для нас она ценна как один из первых образцов популярных статей В. И. Ленина, где он призывал рабочих к борьбе за знание, объяснял значение «соединения знания с рабочим людом». «Без знания рабочие — беззащитны, со знанием — они сила!» — говорится в конце статьи.

В. И. Ленин писал листовки и находясь в тюрьме; из тюрьмы же он указывал членам «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» на то, что «социалистическая работа русских социал-демократов состоит в п р о п а г а н д е учений научного социализма...», что «наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах...» [4], настаивал на издании и распространении нелегальной рабочей литературы.

[1] Л е н и н В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 1, стр. 169—170.

[2] К р у п с к а я Н. К. Высказывания Ленина по вопросам культуры и просвещения за время работы в Питере, в тюрьме и ссылке. — В кн.: Крупская Н. К. Ленинские установки в области культуры. М., Партиздат, 1934, стр. 116.

[3] Л е н и н В. И. О чем думают наши министры?—Сочинения. Изд. 4-е. Т. 1, стр. 76.

[4] Л е н и н В. И. Задачи русских социал-демократов. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 2, стр. 305.

Когда в 1897 году до Владимира Ильича дошел положительный отзыв Аксельрода и Плеханова о его популярных брошюрах и листовках, он писал Аксельроду: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» [1].

В ссылке Владимир Ильич продолжал, не оставляя работы над популярными брошюрами (к их числу относится брошюра «Новый фабричный закон»), думать о том, как хранить и распространять нелегальную литературу в условиях строгой конспирации. Разрабатывая в 1897 году план организации нелегальной партийной работы, он отмечал, что «отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны» и указывал, что среди партийных работников «нужны распространители литературы, листовок», «нужны люди для хранения литературы» и т. п. «Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо, отдельная группа,— тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха». Но «мы знаем,— писал тут же В. И. Ленин,— что такая специализация — очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации» [2].

Через два года Владимир Ильич снова возвратился к вопросу о необходимости дробных функций в нелегальной партийной работе, снова писал о хранении и распространении нелегальной литературы как о работе, требующей «гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа»[3].

В последующие годы В. И. Ленин не раз останавливался на вопросах о характере нелегальной литературы, считаясь с наличием разных по культурному уровню слоев рабочих. В своей статье «Попятное направление в русской социал-демократии», написанной в 1899 году, он развивал мысль о необходимости создания литературы для передовых рабочих («для рабочей интеллигенции»), для «средних рабочих» и «низших слоев» тогдашнего пролетариата. Для этих последних В. И. Ленин предлагал всемерно использовать легальную просветительную работу, считал необходимым «направить легальных деятелей на распашку той нови, которую засеют потом социал-демокра-

[1] Ленин В. И. Письмо к Аксельроду от 16 августа 1897 года. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 34, стр. 4.

[2] Ленин В. И. К петербургским рабочим и социал-демократам от «Союза борьбы». — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 2, стр. 324—326.

[3] Ленин В. И. Насущный вопрос. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 4, стр. 202.

тические агитаторы»[1]. Одновременно Владимир Ильич, который хорошо знал работу членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в воскресных школах, в народных читальнях, в ряде легальных просветительных обществ, вменял им в обязанность добиваться того, «чтобы легальные общества и проч. не отделяли рабочее движение от социал-демократии и революционной политической борьбы, а, напротив, как можно теснее и неразрывнее связывали их во едино»[2]. Это было написано в 1900 году; через год В. И. Ленин снова обращал внимание членов социал-демократической организации на то, что «...и при самодержавии возможна легальная деятельность, двигающая вперед российский прогресс: в некоторых случаях довольно быстро двигающая прогресс технический, в немногих случаях весьма незначительно — прогресс общественный, в совершенно исключительных случаях и в совершенно миниатюрных размерах—прогресс политический»[3]. Это последнее обстоятельство требовало от социал-демократических организаций, с одной стороны, умелого использования всех легальных возможностей, а с другой — усиления революционной марксистской пропаганды, помогающей, прежде всего, именно политическому прогрессу, революционному воспитанию масс. Владимир Ильич в этой же своей статье определил, что такое политическое воспитание рабочих масс в понимании революционной социал-демократии: «...Реальное политическое воспитание рабочим массам, — писал он, — может дать только всестороннее участие их в революционном движении вплоть... до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства»[4]. Задача просветительной, пропагандистской работы заключается в развитии стремления к такому участию в революционном движении. Эта же задача стояла и перед нелегальной литературой.

Еще большее значение приобрело уменье социал-демократов использовать в своих целях легальную просветительную работу в годы первой русской революции. Владимир Ильич призывал в это время использовать как можно шире все открывшиеся легальные возможности, не оставляя, разумеется, «...в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма»[5].

Особенно обращал он внимание на привлечение к политической работе молодежи. «Мы всегда будем партией молодежи

---

[1] Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 4, стр. 259.

[2] Ленин В. И. Письмо А. А. Якубовой. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 34, стр. 32.

[3] Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 5, стр. 53.

[4] Там же, стр. 54.

[5] Ленин В. И. Новые задачи и новые силы. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 8, стр. 191.

передового класса!»[1]—писал В. И. Ленин в 1906 году. Молодежь шла в первых рядах и боевых дружин, и забастовщиков, и стачечников, она же играла большую роль в деле распространения нелегальной литературы, сохранения ее и наилучшего использования в годы реакции.

Неоднократно, говоря о большом значении нелегальной литературы, В. И. Ленин подробно останавливался на том, какой должна быть эта литература не только с точки зрения содержания, но и изложения, подачи материала.

Критикуя мелкобуржуазный журнальчик «Свобода», В. И. Ленин писал в 1901 году: «Популяризация очень далека от вульгаризации... Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общедоступных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные выводы из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и помогает ему делать эту серьезную и трудную работу, ведет его, помогая ему делать первые шаги и уча идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые начала серьезной науки, а в уродливо-упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» все выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашицу» [2].

В 1902 году в своей работе «Что делать?» В. И. Ленин возвращается к вопросу о характере популярной литературы. «Я далек,— писал он,— от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо-популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих», но в то же время Владимир Ильич с негодованием относился ко всякому интеллигентскому сюсюканью с рабочими. «Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров»[3].

Революционная марксистская литература конца 90-х годов прошлого столетия и начала девятисотых годов текущего в основном отвечала этим требованиям. Об этом свидетельствуют следующие слова Ивана Васильевича Бабушкина, одного из самых замечательных распространителей нелегальной литера-

---

[1] Ленин В. И. Кризис меньшевизма. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 11, стр. 319.

[2] Ленин В. И. О журнале «Свобода». — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 5, стр. 285—286.

[3] Ленин В. И. Что делать? — Сочниения. Изд. 4-е, Т. 5, стр. 439

туры, организатора нелегальных библиотек в ряде рабочих центров России: «Где бы ни появлялась нелегальная литература,— писал он в 1901 году,— и в каком угодно количестве, ее все равно чувствуется большой недостаток, рабочие читают ее, интересуются ею, скрывают ее, хотя все это сопряжено с большими неудобствами и нередко не безопасно для личности». «Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но зато все книги на подбор и постоянно читаются»[1].

Нелегко было создавать популярную литературу высокого качества. И когда в 1903 году некоторая часть партийных работников стала выражать недовольство по поводу того, что ЦК партии издает и распространяет брошюры одних и тех же авторов, В. И. Ленин резко выступил в защиту выпускаемых брошюр. Он указывал, что такие популярные работы, как работы Гэда, Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта распространяются десятилетиями не только в России, но и в других странах, что «популярная литература только та и хороша, только та и годится, которая служит десятилетиями. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по полустолетиям»[2]. В этой же статье Владимир Ильич с новой силой показал всю несостоятельность и даже прямой вред псевдопопулярной литературы — поверхностной, крикливой, требовал от партийных агитаторов и пропагандистов уменья приближать к массам читателей хорошую популярную литературу, приучать брать из нее основное, главное, хорошо усваивать это основное и главное.

Как и раньше, Ленин не только говорил о том, какой должна быть популярная литература, подолгу не теряющая своего значения, но и сам продолжал работать над популярными брошюрами. В 1903 году вышла его брошюра «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы», которая сыграла большую роль в пропаганде марксистских взглядов на крестьянство; она с огромным успехом распространялась и среди рабочих и среди крестьян, переиздавалась несколько раз заграницей, а также нелегально в России. «К деревенской бедноте» В. И. Ленина издается в настоящее время (через полустолетие!) в Китае и других странах народной демократии.

О Первом мая В. И. Ленин писал листовки и в 1904 и в 1905 году.

Первая русская революция по-новому поставила вопрос о партийной литературе. Неизмеримо выросло количество читате-

[1] Бабушкин И. В. В защиту Иваново-Вознесенских рабочих. (Приложение к № 9 «Искры» за 1901 г.). — В кн.: Воспоминания Бабушкина 1893—1900 гг. М., Госполитиздат, 1951, стр. 204 и 208.

[2] Ленин В. И. Несколько мыслей по поводу письма 7 ц. 6 ф.— Сочинения. Изд. 4-е. Т. 6, стр. 280.

лей большевистской литературы, шире, разнообразнее стали требования к ней. В связи с этим Владимир Ильич писал в 1905 году: «Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле», «...это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)» [1].

Указывая на широкие перспективы развития партийной печати, В. И. Ленин одновременно предупреждал против шаблонного использования выходящей литературы. Даже по отношению к статьям Центрального Органа («Пролетария») он рекомендовал живой подход: «...использовать ЦО в местной агитации не только перепечаткой, но и **пересказом** в листках мыслей и лозунгов, **развитием** или видоизменением их сообразно местным условиям и проч.» [2].

В статье «О смешении политики с педагогикой» В. И. Ленин снова подчеркивал: «...надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, ...суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе...» [3].

Временные «свободы» в 1905—1906 гг. позволили партийным и некоторым непартийным издательствам выпустить много социал-демократической литературы. В 1908 году Владимир Ильич констатировал: в период с 1905 по 1907 год «... в России распространена такая масса серьезной, теоретической, с.-д.

---

[1] Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 10, стр. 29, 30—31.

[2] Ленин В. И. От редакции Центрального Органа РСДРП. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 9, стр. 263.

[3] Ленин В. И. О смешении политики с педагогикой. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 8, стр. 420.

литературы,— главным образом переводной,— которая еще принесет плоды. Не будем маловерами, не будем своего личного нетерпения навязывать массам. Такие количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она растет. И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже, мы не в силах изменить объективных условий нарастания нового кризиса, — но она даст плоды»[1].

В годы реакции множество легально вышедшей перед этим литературы превратилось в нелегальную. Подпольным библиотекам в годы реакции пришлось немало позаботиться о сохранении этой литературы наравне с подпольными изданиями[2].

В 1913 году В. И. Ленин во время летнего совещания ЦК РСДРП с партийными работниками предложил резолюцию, в которой специальным пунктом записано: «Ввиду обострения революционной борьбы масс за последнее время и необходимости ее полного и всестороннего освещения, недоступного легальной печати, совещание обращает особое внимание на необходимость усиленного развития нелегального партийного издательства...»[3].

Началась первая мировая империалистическая война. В это время исключительно важную роль в разъяснении классового характера войны, задач революционного пролетариата по превращению империалистической войны в войну гражданскую сыграл центральный орган большевистской партии «Социал-демократ».

В сентябре 1914 года В. И. Ленин написал тезисы о войне, которые позже были напечатаны как политический манифест ЦК РСДРП в № 33-м «Социал-демократа» под заглавием «Война и российская социал-демократия». 33-й номер «Социал-демократа», где он был напечатан, хранился партийными организациями с особой тщательностью, переписывался от руки,

---

[1] Ленин В. И. По поводу двух писем. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 15, стр. 263.

[2] Насколько такая литература пользовалась любовью масс, как берегли такую литературу рабочие, свидетельствует следующий факт, сообщенный в связи с составлением этого сборника тов. С. И. Гопнер. «В 1917 году, — пишет она, — в первые дни февральской революции рабочие-депутаты Екатеринославского Совета рабочих депутатов рассказали мне, что на Чечелевке (заводской район) рабочие откопали целый склад нелегальной литературы, спрятанной в землю в дни наступления реакции Книги были зарыты в специально приготовленной яме, выстланной скатертями и другим плотным материалом, охранившим их от порчи. Книги, спрятанные таким образом, пролежали под землей не менее 10 лет и были найдены в полной сохранности. Несомненно, это случай не единичный».

[3] Ленин В. И. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 19, стр. 381.

заучивался наизусть. Этот манифест стал важнейшим партийным документом, сплотившим силы передового пролетариата не только России, но и других стран против империалистической войны и международного социал-шовинизма. Деятельность В. И. Ленина в это время приняла широкий международный размах. Н. К. Крупская вспоминала в одной из своих статей о том, что письма Владимира Ильича к ряду товарищей в период империалистической войны были полны забот об издании и распространении большевистской литературы в возможно большем количестве стран. Денежные средства были крайне ограничены, и Владимир Ильич занимался скрупулезными расчетами, как подешевле издать возможно большее количество брошюр для заграницы и для России, нагрузил всех большевиков, знавших иностранные языки, переводами большевистских резолюций, побуждал их к выступлениям на международных конференциях. «Не имея доступа к массе, ничего нельзя сделать» — писал Владимир Ильич 15 февраля 1917 года[1].

Одновременно он продолжал заниматься изучением на разных языках множества статистических материалов, экономических работ, писанием брошюр, предназначавшихся для широкого круга рабочих.

В 1915 году вышла на русском и немецком языках брошюра В. И. Ленина «Социализм и война», в 1916 году она вышла на французском языке, затем полностью была перепечатана на норвежском языке.

Работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк», написанная весной 1916 года и переведенная затем на иностранные языки, до сих пор является основным «учебником для народа» по вопросам экономической сущности империализма. В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина эта работа в апреле 1955 года имелась на 22 различных языках мира, в том числе на персидском и японском (кроме переводов на языки народов СССР).

Этой работой заканчивается ряд популярных брошюр Владимира Ильича, написанных им до свержения царского самодержавия в России. Эти брошюры Ленина, являющиеся образцом пропаганды революционного марксизма, были ценнейшей частью фондов нелегальных и тех легальных библиотек, которые содействовали воспитанию активных борцов за коммунизм.

---

[1] Крупская Н. К. Предисловие к переписке Ленина из эпохи империалистической войны.—Ленинский сборник XI, 1929. См. также в кн.: Крупская Н. К. Ленин и партия. М., Партиздат, 1933, стр. 80—84.

Е. Д. Стасова

КАК МЫ ПОЛУЧАЛИ И РАСПРОСТРАНЯЛИ НЕЛЕГАЛЬНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В моей статье мне хочется остановиться на двух вопросах: 1) о том, как мы, учительницы воскресных школ, через своих учеников связывались с их товарищами работницами и рабочими, как мы снабжали своих учеников книгами, и 2) о том, как было организовано получение нелегальной литературы, хранение ее и распространение.

Все это касается Петербурга в период с 90-х годов прошлого столетия и до 1907 года.

Мне пришлось работать в женской воскресной школе Технического общества, но через Е. Д. Стругову и В. П. Сибилеву я была связана с так называемой Глазовской школой, т. е. с мужской школой, которая помещалась на Глазовской улице и которая в 1896 году сыграла большую роль во время знаменитой забастовки текстильщиков Петербурга, боровшихся против штрафов.

В обеих школах, т. е. женской и мужской, мы давали нашим ученикам следующие книги: «На рассвете» Ежа, «Эмма» Швейцера, «Борьба за право» Францоза, «Овод» Войнич, «Спартак» Джованиоли, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Углекопы» Золя.

Кроме того, мы читали и разбирали с учениками «Лес шумит» и «Сон Макара» Короленко и стихотворение «8 часов» Мельшина (Якубовича).

Часть книг каждый из нас имел в своей личной библиотеке, часть из них мы доставали в библиотеке матери Н. А. Рубакина, помещавшейся на Большой Подъяческой ул., 39.

На уроках географии мы пользовались книгами Е. Водовозовой «Жизнь европейских народов», которые читали наиболее развитые ученики.

Частенько мы направляли наших учеников в книжный склад и магазин А. М. Калмыковой (Литейный проспект, 60), где они могли купить дешевые издания Комитета грамотности и других прогрессивных издательств.

Ученицы женской школы Технического общества были работницами текстильных фабрик (в том числе новой бумагопрядильной на Обводном канале), а также табачной фабрики Богданова. Вспоминаю, что ученицы — работницы этой фабрики иногда опаздывали на вечерние занятия, так как после работы забегали домой переодеться: их одежда была настолько пропитана табачным запахом, что от него болела голова.

Начала я помогать партии в 1896 г., храня у себя печать «Союза борьбы», некоторые листовки, как, например, листок, на котором стояла надпись синим карандашом «Петухи». Это было воззвание к рабочим фабрики Торнтона[1], написанное В. И. Лениным, а название «Петухи» этому воззванию дали за то, что оно звучало, как предрассветный петушиный крик.

В числе брошюр были: «Рабочий день» В. Курнатовского, «Как держать себя на допросах» В. Бахарева (Вл. Махновец), «Пауки и мухи» Вильгельма Либкнехта, «Кто чем живет» Диксштейна и др.

В конце января или начале февраля 1898 г. Петербургский Комитет партии вызвал меня к себе и поручил ведать всей техникой Комитета. В мои обязанности входило получение и хранение литературы, доставка ее отдельными группами; сообщение явок и адресов ночевок приезжим. Переписка с заграницей тоже входила в мои обязанности.

Относительно получения литературы мне хочется рассказать подробнее.

Из Швейцарии мелкий транспорт литературы получался так: склеенные экземпляры «Вперед» (Ц. О. большевиков в 1905 г.), напечатанные на специальной тонкой бумаге, которую англичане употребляют для своих «миссионерских» изданий, заделывались в переплеты невинных детских книг или каких-либо альбомов. Сняв переплет, можно было размочить в теплой воде газеты, отделить лист от листа, просушить и свободно читать их.

Тов. Н. Е. Буренин вспоминает, что в Петербурге специальная мастерская на Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова) получала аляповатые гипсовые фигурки, в которые заделывалась нелегальная литература, эту литературу из них вынимали, а фигурки затем продавали на улицах Питера.

Близость Финляндии к Петербургу давала возможность Центральному и Петербургскому комитетам РСДРП использовать особое положение Финляндии, имевшей свою конституцию и свободно получавшую через свою границу с Швецией и Норвегией все издававшееся в Европе. Мы стали регулярно использовать Финляндию для получения литературы. Вначале это делалось кустарно: мы получали литературу

[1] К рабочим и работницам фабрики Торнтона. См.: Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 2, стр. 66—70.

2 Заказ 747.

в очень ограниченном количестве при посредстве сочувствующих нам кондукторов, кочегаров и машинистов Финляндской железной дороги.

Получалась эта литература через Швецию, где всем транспортом нелегальной литературы ведал литератор Конни Циллиакус. Он совершенно не разбирался в русских политических партиях, считал их все «революционными», и мы частенько вместо ожидаемых большевистских изданий получали издания меньшевиков, бундовцев или социалистов-революционеров, а также «экономистов».

Получение такой литературы приводило нас в плохое настроение, так как у нас не было ни малейшего желания нагружаться ею, подвергаться из-за нее риску быть задержанными и арестованными на ст. Белоостров. Но делать было нечего — отказ взять у товарищей-финнов привезенную литературу привел бы к тому, что они вовсе отказались бы впредь перевозить литературу из Гельсингфорса (Хельсинки). Это грозило остановить доставку из Стокгольма и погубило бы таким образом весь контрабандный транспорт литературы. А ведь наши организации так в ней нуждались!

Необходимо было поставить дело транспорта таким образом, чтобы мы могли быть уверены во всем пути, начиная от Женевы, где печаталась наша литература, и до самого Питера.

В самой Финляндии существовали в то время группировки «активистов» и «пассивистов». Одни боролись за независимость Финляндии активными путями (главным образом путем индивидуального террора), другие — пассивно (при помощи печати). Обе группы охотно помогали русским революционерам; при их посредстве мы находили достаточное количество нужных нам квартир, адресов и т. д., чтобы получать литературу, давать явки, ночевки, прятать нелегальных товарищей, бежавших из тюрьмы и пробиравшихся за границу.

Одним из активистов того времени был журналист Артур Неовиус, высланный из Финляндии и поселившийся в Стокгольме. Через него шла переписка Петербургского комитета партии с Ильичем и Надеждой Константиновной. В письме в Женеву от 4 февраля 1905 года я дала адрес Неовиуса Надежде Константиновне с просьбой посылать через него «Вперед» и указала, что лучше всего вкладывать «Вперед» внутрь какой-либо легальной иностранной газеты, которая пересылалась бандеролью.

Массовая пересылка литературы багажом шла в адрес «Народного дома» в Стокгольме. С «Народным домом» мы были связаны непосредственно через руководителя с.-д. партии Швеции Ялмара Брантинга. Из Стокгольма литература на пароходах «Борэ I» и «Борэ II» направлялась в Гельсингфорс, а

затем в Выборг, в книжный магазин, служивший передаточным пунктом для пересылки литературы ближе к границе.

Перевозка литературы из Финляндии шла разными путями.

Недалеко от почтовой и таможенной станции Коркиямяки находилось имение «Кириасалы» Софии Ивановны Бурениной, матери члена нашей партии Николая Евгеньевича Буренина, носившего кличку «Виктор Петрович», т. е. имя и отчество черносотенца писателя В. П. Буренина. Николая Евгеньевича мы часто в шутку звали «Небуренин», присоединяя к фамилии первые буквы его имени и отчества. Это имение сослужило большую службу в деле транспортировки литературы.

Е. Д. Стасова и Н. Е. Буренин в имении Кириасалы на границе Финляндии, откуда переправлялась в Россию нелегальная большевистская литература. 1903 год

Н. Е. Буренин организовал для местных жителей, в том числе и таможенников, чтения с волшебным фонарем. Он получал его из «Подвижного музея учебных пособий» в Петербурге, в составе работников которого было много революционеров. Буренину приходилось через станцию Коркиямяки в санях или телеге привозить и фонарь и картины. Он так часто ездил в Петербург и обратно с этим багажом, что в конце концов таможенники привыкли, что он возил в обе стороны фонарь и картины и перестали его досматривать; и вот, на обратном пути он в ящиках привозил в Петербург нашу нелегальную литературу.

Один раз мне пришлось отправиться за литературой, потому что Буренин не мог поехать, а литература нам была нужна. Я приехала под видом гостьи в «Кириасалы». Провожая меня

в обратный путь, Буренин поставил в телегу ящик, посадил меня на него и, сидя на ящике, я спокойно привезла литературу на дачу около станции Парголово, а оттуда к себе на квартиру в Петербурге.

Тут со мной произошел курьезный случай. Везти литературу в ящике на свою квартиру было нельзя. Я переложила всю литературу в портплед и в большую деревянную коробку из-под шляпы, благополучно привезла ее на станцию и довезла домой. Но, когда я вошла в подъезд, ремни деревянной коробки не выдержали тяжести и лопнули, крышка свалилась и литература веером высыпалась к ногам нашего швейцара, который был раньше правофланговым преображенцем. — Пропала, думаю. Но швейцар и его жена помогли мне подобрать литературу, и я поднялась домой.

Оказалось потом, что этот правофланговый преображенец сочувствовал мне и моему брату, и когда появлялись шпики, предупреждал брата. А после Октября 1917 г. он пришел ко мне, чтобы я его защитила, потому что ему как правофланговому преображенцу[1] не доверяли.

В феврале 1905 года тов. Буренин должен был по партийным делам ехать с А. М. Горьким в Америку, а мне было поручено принять от него всю работу по связи с заграницей: переправа людей в Швецию и обратно, получение оружия, организация пересылки транспортов литературы через границы — как сухопутную (Торнео — Хапаранда), так и морскую (Або, Ганге, Ваза — Стокгольм).

Обычно литературу из Финляндии доставляли к нам железнодорожники Финляндской железной дороги. Они привозили ее в Выборг, где был, как уже упоминалось, книжный магазин, в который она поступала и откуда мы должны были ее получать. Из Выборга я ее перевозила в дачные местности, а потом мои разносчики литературы, спрятав ее под одежду, на дачных поездах привозили ее в Петербург.

Литературу надо было прятать под одежду, а не везти ее открыто в пакетах, потому что все дачные местности вроде Мустамяки, Куоккала, Териоки, Оллила и др. находились на территории Финляндии. Таким образом необходимо было проходить таможенный осмотр в Белоострове, где таможенники обязаны были досматривать все пакеты и несомненно задерживали бы литературу.

А как мы получали литературу из нелегальной типографии? Для этого существовал специальный способ. Из типографии литературу отправляли в Петербург багажом. В Петербурге бы-

[1] Преображенский полк был одним из полков царской армии, считавшийся опорой самодержавия. Этот полк не раз участвовал в расстрелах бастовавших рабочих.

ла артель посыльных, так называемые «красные шапки» — они носили красные фуражки, на околышках которых была металлическая пластинка с надписью «Артель посыльных».

Одному из товарищей вручалась накладная на прибывший багаж; товарищ должен был нанять артельщика с тем, чтобы тот поехал с накладной на ту городскую станцию, где должен был находиться багаж с литературой. Затем товарищ следил за посыльным: как он выйдет из вокзала, будет ли кто-нибудь его сопровождать, кроме носильщика.

Увидев, что все благополучно, товарищ спешил на ту квартиру, где я его дожидалась и откуда надо было унести всю литературу. Ее надо было всегда нагружать на себя. Выносить пакеты в руках не полагалось, так как это привлекало внимание полиции и шпионов. Заметив человека с пакетом, шпик следил, куда он идет, в какой дом и в какую квартиру вошел, а через дворника устанавливал, кто живет в доме, и за этой квартирой, за ее обитателями устанавливалась слежка. Следовательно, проваливались и люди и литература. Итак, спрятав на себе литературу, люди уходили по одиночке.

Я уходила последней, чтобы унести всю оставшуюся литературу. Надо сказать, что я установила привычку никуда не ходить без портфеля, даже в театр или концерт. Поэтому у шпиков я была известна, как «девушка с портфелем». Если я заранее знала, что мне предстоит нести литературу, то дома набивала портфель мятой бумагой, чтобы он казался полным, и на улице от времени до времени перекладывала его с руки на руку, как очень тяжелый. Ну, а набив его литературой, я уже естественно перекладывала его с руки на руку.

Нагрузившись литературой, товарищи, конечно, полнели; один владелец квартиры, где мы получали литературу, врач по профессии, смеясь, говорил, что он великолепно лечит больных, так как его пациенты полнеют в течение 2—3 часов.

При помощи портфеля и благодаря своему росту я уносила до пуда литературы.

Когда на квартиру прибывала литература, то через час там не должно было остаться ни одной книги, ни одной брошюры; там не должно было оставаться и то, в чем была упакована литература — чемодан, корзина. Хозяин квартиры обязан был сжечь их с тем, чтобы при возможном появлении полиции никаких следов от полученного не было. Таковы были правила конспирации.

Кто были разносчики литературы в то время? Главным образом студенческая молодежь. В Петербургский комитет входил тогда представитель от студенческой молодежи всех высших учебных заведений. Студенчество нам помогало в очень многих отношениях, студенты давали квартиры для явок. На здании Технологического института в Ленинграде сейчас имеет-

ся памятная доска Р. С. Землячки, потому что в столовой Технологического института была ее явка. Была явка и в Военно-медицинской академии, в столовой Петербургского университета, были явки на многих частных квартирах.

Студенты же служили нам разносчиками литературы, предоставляли в своих общежитиях ночевки, т. е. устраивали на одну-две ночи товарищей, которые приезжали нелегально из-за границы или из провинции и не могли остановиться на квартире, где требовалось предъявить паспорт. Литература тоже часто хранилась в общежитиях у некоторых студентов. В числе многих квартир, где хранилась литература, была одна квартира и в профессиональной школе имени Дервиза на Петербургской стороне, на Большой Ружейной улице. Вообще всех явок и квартир, которых у меня было очень много, конечно, не вспомнишь[1]. Этим я и хочу закончить свой краткий рассказ о работе Петербургского комитета по доставке и распространению нелегальной литературы.

---

[1] От составителя: Вот что пишет об этой части деятельности Е. Д. Стасовой М. М. Эссен: «...У Елены Дмитриевны были огромные связи в обществе и она мастерски использовала их для партийной работы. Благодаря ей мы имели массу квартир для явок, собраний, безопасных мест для хранения литературы и пр.

Елена Дмитриевна умела заинтересовать людей нашей работой, создавать атмосферу активного содействия. Правда, время тогда было такое, что «либеральная публика» сочувствовала революции, думая, что, по примеру западноевропейских революций, русские рабочие будут вытаскивать для нее каштаны из огня и потому всячески расшаркивались перед нами...» («Интернациональный маяк», 1933, № 19, стр. 10).

Л. К. Федоров

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ С НАЧАЛА 70-х ГОДОВ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х ГОДОВ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

1. Библиотеки рабочих кружков самообразования на юге России в 70-х годах

Первой революционной нелегальной организацией рабочих России был «Южнороссийский союз рабочих». Он знаменовал собою определенный этап в истории пролетарского движения, когда передовые рабочие начали требовать политических прав и «...понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация» [1].

Возникновению «Южнороссийского союза рабочих» предшествовала деятельность сначала общеобразовательных, а затем политических кружков среди одесских рабочих.

Чего хотели от общеобразовательных кружков, какие задачи ставили перед ними рабочие, видно из слов Д. Е. Изотова, который сказал, что он «желал как-нибудь доставить себе образование с той целью, чтобы иметь возможность читать книги и, таким образом, теоретическим способом познакомиться с техническою стороною ремесла» [2].

Первый общеобразовательный кружок возник в конце 1872 г. среди рабочих крупнейшего в городе завода Беллино-Фендрих. Была создана и библиотека кружка. Студенты Новороссийского университета преподавали рабочим: Ярошенко — арифметику, Победоносцев — грамматику, Костюрин — геометрию.

В мае 1873 года этому кружку начал читать лекции Е. О. Заславский, будущий руководитель «Южнороссийского союза рабочих». В своих лекциях по политической экономии и истории рабочего класса он отмечал, что «фабриканты эксплуатируют рабочих, а правительство этому покровительствует...» и

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 9.

[2] Итенберг Б. С. Возникновение первой пролетарской организации в России — «Южнороссийского союза рабочих». — «Исторические записки», т. 44, 1953, стр. 104.

говорил также «о необходимости свержения правительства и передачи фабрик и заводов рабочим»[1].

Революционно-политическая пропаганда Заславского сперва не встретила отклика у одесских рабочих, в среде которых еще сильны были элементы мелкобуржуазной идеологии. С большей охотой откликнулись рабочие на предложение Заславского об устройстве рабочих производительных ассоциаций, к организации которых призывала и мелкобуржуазная литература, довольно широко распространенная среди одесских рабочих, например, Л. М. «Артели рабочих для основания фабрик или мастерских», «Рабочий вопрос» Бехера[2], а также журнал «Современник», опубликовавший в 1864—1865 гг. ряд статей о производительных ассоциациях.

Революционная пропаганда велась и среди рабочих литейного завода Зебека и фон Валя (бывшего Фалька). В качестве одного из активных пропагандистов на этом заводе выступал слесарь Виктор Павлович Обнорский. Приехав из Петербурга в конце 1873 г. в Одессу, Обнорский поступил на завод Фалька. Проработав там около месяца[3], он перешел на газовый завод, затем на водопроводную станцию и в железнодорожные мастерские.

Из Петербурга Обнорский привез запрещенную литературу и, распространяя ее среди передовых рабочих, группировал их вокруг себя и вел среди них революционную пропаганду. Целями революционной пропаганды объясняются и частые переходы Обнорского с одного предприятия на другое.

В 1874 году кружковая революционная работа среди одесских передовых рабочих настолько расширилась и окрепла, что Е. О. Заславский решил при помощи своих кружковцев начать революционную пропаганду и в других городах юга России. В Ростов-на-Дону в том же году были им направлены тт. Федоров и Эрманов, из которых первый поступил на работу в главные железнодорожные мастерские, а второй — на завод Фронштейна. В июне 1875 года после того как оформился в Одессе «Южнороссийский союз рабочих», Е. О. Заславский послал в Ростов-на-Дону еще Н. Наддачина и П. Сикочина.

Все эти ученики Е. О. Заславского получили от своей организации наказ: «Начинайте с небольшого; терпеливо, настойчиво разъясняйте рабочим, в чем выход из тяжелого положения,

---

[1] Итенберг Б. С. Возникновение первой пролетарской организации в России — «Южнороссийского союза рабочих». — «Исторические записки», т. 44, 1953, стр. 104.

[2] Следует отметить, что в книжке Бехера был напечатан устав Первого Интернационала.

[3] Итенберг Б. С. Возникновение первой пролетарской организации в России — «Южнороссийского союза рабочих». — «Исторические записки», 1953 г., т. 44, стр. 106.

давайте читать книжки — пусть сперва поймут необходимость борьбы всех за одного, одного за всех».

Эта группа посланцев Одессы образовала Ростовское отделение «Южнороссийского союза рабочих». Руководящую роль в группе играл Николай Борисович Наддачин, который работал в токарно-колесном цехе железнодорожных мастерских. Среди рабочих этого цеха он и начал пропаганду. Ему вскоре удалось распропагандировать и вовлечь в свою организацию местных рабочих — И. Крупского и Дорошенко, которые стали активными подпольщиками.

Н. Г. Наддачин привез из Одессы нелегальные революционные книжки. Чтобы как можно полнее использовать каждую книжку, решили организовать библиотеку и поручили Наддачину выработать ее устав. На общем собрании членов организации представленный Наддачиным проект устава библиотеки не был принят и составление нового проекта было поручено Ивану Крупскому. Текст устава, разработанный И. Крупским, до нас, к сожалению, не дошел; он, повидимому, погиб в дебрях полицейских канцелярий, но факт организации подпольной «Общественной библиотеки рабочих Ростовско-Владикавказской железной дороги» можно считать твердо установленным [1]. Имеются некоторые, хотя и очень неполные сведения о деятельности этой библиотеки. В ней имелись такие книжки, как «Дедушка Егор» Цебрикова, «Сказка о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского, «К русской социально-революционной молодежи» П. Лаврова, «Бог-то бог, да сам не будь плох» М. Антонова и другие. Часть этой литературы Н. Наддачин хранил у себя на квартире, а часть — в инструментальном ящике в мастерских. Там он украдкой подкладывал книжки рабочим.

«Южнороссийский союз рабочих» насчитывал в своем составе 50—60 рабочих (интеллигенты составляли исключение), активно участвовавших в революционной пропаганде, выполнявших программные требования устава «Союза», регулярно плативших членские взносы. Это было ядро «Союза», основной костяк революционной рабочей организации. Вокруг «Союза» группировалось около 200 рабочих, сочувствовавших его деятельности, читавших нелегальную литературу.

Руководитель «Союза» Е. О. Заславский еще не был социал-демократом, но он являлся представителем блестящей плеяды революционеров 70-х годов, предшественников русской революционной социал-демократии.

В декабре 1875 года «Южнороссийский союз рабочих» в Одессе подвергся жандармскому разгрому. Вслед за Одесским центром «Союза» жандармы выследили и Ростовское-на-Дону отделение «Союза».

[1] Итенберг Б. С. Деятельность «Южнороссийского союза рабочих». — «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 95—96.

«Южнороссийский союз рабочих» перестал существовать, но его члены, уцелевшие от разгрома, использовали опыт своей борьбы и работы, сделали его достоянием других рабочих организаций. Это нашло свое отражение и в работе «Северного Союза русских рабочих».

2. Подпольная библиотека «Северного союза русских рабочих» (1878—1880 гг.)

«Северный союз русских рабочих» был второй после «Южнороссийского союза рабочих» политической организацией русского рабочего класса, созданной самими рабочими. Его организаторами были Виктор Павлович Обнорский, работавший ранее (в конце 1873—начале 1874 г.) среди передовых рабочих Одессы, и столяр Степан Николаевич Халтурин [1].

В целях политического просвещения рабочих при центральном кружке «Союза» была организована библиотека. Эта библиотека, как говорилось в программе «Союза», стремилась «бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже и не принадлежащих к Союзу». «Расходы на ее содержание и на выписку книг шли из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими».

Г. В. Плеханов следующим образом характеризовал эту библиотеку: «Что касается библиотеки, то ею особенно дорожил и гордился Союз. И, действительно, она была самым ценным его достоянием. Число книг было так велико, что нельзя было хранить их в одной рабочей квартире. Вследствие этого библиотека была подразделена на несколько частей и развезена по различным рабочим кварталам. Каждый квартал имел своего библиотекаря, у которого был полный список всех принадлежащих союзу книг...» [2].

Какие требования предъявляли к книгам, к библиотеке члены «Северного союза русских рабочих», лучше всего можно судить по тому, как читал Степан Халтурин.

Г. В. Плеханов так пишет об этом: «Халтурин отличался большой начитанностью. Это вызывало невольное уважение к нему, но и эта черта не могла особенно удивить человека, знавшего заводских рабочих: страстные любители чтения вовсе не были редкостью между ними. При ближайшем знакомстве оказывалось, однако, что и читал Степан так, как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал, зачем именно раскры-

---

[1] С. Н. Халтурин (1857—1882) — один из самых крупных деятелей революционного рабочего движения 70-х годов. Казнен правительством Александра III в 1882 г.

[2] Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. М., Политиздат, 1940, стр. 86—87.

вал такую-то книгу. К тому же мысль постоянно шла у него рука об руку с делом. Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения»[1].

Другой современник, С. М. Степняк-Кравчинский, пишет: «Халтурин занялся активной пропагандой в мастерских, где сам работал, организуя в разных частях города социалистические кружки. В 1878 г. он старался соединить их в одну организацию и связать пропаганду с основанием тайной рабочей библиотеки, заключавшей несколько сот популярных социалистических книг и брошюр, доступных всем, и сочинения Чернышевского, Лассаля, Флеровского, Михайлова для более интеллигентных рабочих. Первым прочитал все Халтурин, выбранный библиотекарем. Он употреблял все усилия, чтобы приохотить своих товарищей к чтению и рыскал с Александро-Невской заставы на Васильевский остров, оттуда в Измайловский полк, раздавал книги, беседуя по поводу прочитанного и объясняя читателям неясно понятое, освещая им идеи социализма и революции»[2].

Эта библиотека, созданная передовыми петербургскими рабочими для своих товарищей, несмотря на тяжелые условия нелегального существования, имела отделения в районах и давала свои книги на фабрики и заводы. Что самое примечательное — в ней имелся каталог всего книжного фонда, который был в ходу в районных отделениях. Таким образом читатели каждого отделения были осведомлены о всех имеющихся в библиотеке книгах, могли затребовать нужную им книгу.

Библиотека «Северного союза русских рабочих» в сравнении с библиотеками «Южнороссийского союза рабочих» отличалась, несомненно, более тщательным, целенаправленным подбором литературы: наряду с популярными книгами и брошюрами в ней имелся специальный отдел для более начитанных рабочих, состоявший из серьезных научных трудов Чернышевского, Лассаля, Флеровского. Организатор библиотеки С. Н. Халтурин с большой серьезностью относился к комплектованию библиотеки и знал, какому читателю что именно дать читать в связи с точно определенной целью — ширить рабочее движение, делать идеи социализма и революции близкими и понятными рабочим.

В марте 1880 года при полицейском разгроме «Союза» погибла и эта замечательная библиотека.

---

[1] Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. М., Политиздат. 1940, стр. 86—87.

[2] Степняк-Кравчинский С. М. Степан Халтурин. — В кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. Т. 5. Спб., «Светоч», 1908.

3. Подпольная библиотека гимназистов в г. Троицке, Оренбургской губернии

Удушливая атмосфера полицейско-самодержавного режима царской России нашла свое выражение и в порочной реакционной системе воспитания и образования.

Учащаяся молодежь, неудовлетворенная программами и всей системой обучения, стремилась приобрести нужные знания путем самообразования. В классических гимназиях, как известно, особенно плохо было поставлено изучение естественных наук. Поэтому в кружках самообразования занимались их изучением. Но учащиеся кружков не ограничивались этим. Они стремились к выработке своего общественного мировоззрения, которое формировалось в значительной степени под влиянием знакомства с произведениями революционных демократов — Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, а также под воздействием чтения классической художественной литературы и передовой журналистики 60-х—70-х годов.

Учащаяся молодежь все сильнее испытывала на себе влияние роста революционного рабочего движения в стране. В библиотеках кружков самообразования появилась нелегальная революционная литература.

Среди членов кружков самообразования росло стремление к объединению сперва в пределах своего города, а затем и с кружками других городов.

Это в той или иной мере нашло свое отражение в истории возникшей в 1877 году нелегальной библиотеки кружка гимназистов в городе Троицке, Оренбургской губернии.

В 1877 году в Троицкой классической гимназии по инициативе бывшего ученика Уфимской духовной семинарии Паппия Подбельского был организован нелегальный кружок самообразования. Когда кружок окреп и расширился, Паппий Подбельский предложил создать нелегальную библиотеку, причем сообщил, что отец его, сочувствуя учащейся молодежи, отдает для этой цели всю свою библиотеку, состоящую из произведений прогрессивных русских писателей, передовых журналов и газет.

Библиотека была помещена в квартире сына местного полицейского пристава гимназиста Чернышева, который жил отдельно от отца во флигеле. Впоследствии, когда полиция узнала о существовании библиотеки, ее долго и безуспешно искали, не подозревая, что она находится у пристава под носом.

Библиотеке было присвоено название «Коммуна»; оно было вырезано на каучуковой печати, которая ставилась на всех книгах и журналах. С 1878 года кружок стал издавать рукописный журнал «Бродяга».

В 1879 году в Троицкой гимназии появился в качестве преподавателя математики активный народник-революционер, привлекавшийся в 1874 году по известному процессу 193-х, впоследствии довольно известный статистик и журналист Петр Александрович Голубев. Быстро сблизившись со своими учениками, Голубев вскоре вошел в кружок и занял в нем руководящее положение, особенно после отъезда в 1880 году в Петербург Паппия Подбельского[1].

В конце 1882 г. кружок подвергся первому удару со стороны полиции. Во время ареста по политическому делу на Благовещенском заводе (Уфимской губ.) у одного ученика Благовещенской учительской семинарии было обнаружено письмо троицкого гимназиста Попова с сообщением о существовании в Троицке нелегальной библиотеки «Коммуна» и об издающемся там журнале «Бродяга». Полетели телеграммы в Троицк. При обыске на квартире у Попова были обнаружены один из номеров журнала «Бродяга» и несколько книг с печатью «Библиотека Коммуна». Попов был арестован. Члены кружка немедленно приняли меры для спасения библиотеки. Все наиболее ценные по содержанию книги были упрятаны в безопасное место. По предложению Чернышева их заменили сонниками, песенниками, житиями святых, ерусланами лазаревичами и т. п. Чернышев на всю эту бросовую литературу наложил печать «Библиотека Коммуна», каталог прежних книг заменил новым. Когда после долгих поисков полиция, наконец, нашла библиотеку, то был обнаружен и этот явный, очевидный для самой полиции, подлог.

У П. А. Голубева был также произведен обыск. Весной 1883 г. его уволили со службы, а потом выслали[2].

Из Троицкого гимназического кружка вышел ряд будущих «благоевцев»[3].

---

[1] Подбельский П. П. (1859 (1860?) — 1889), — с 1880 года студент Петербургского университета. На его квартире происходили собрания революционной рабочей организации, на которых присутствовали А. И. Желябов и С. А. Перовская. В 1881 г. по постановлению Центрального революционного студенческого кружка дал пощечину душителю студенческого движения министру просвещения Сабурову. В 1882 г. был арестован и сослан в Якутскую область; в 1889 г. убит во время зверского избиения ссыльных полицейскими по распоряжению губернатора. Сын П. П. Подбельского Вадим (1887—1920) — большевик с 1906 г., после Великой Октябрьской социалистической революции — Народный комиссар почт и телеграфа.

[2] Сажаев И. П. П. Подбельский в его гимназические годы. (Воспоминания сверстника). — «Каторга и ссылка», 1929, №№ 8—9 (57—58), стр. 267—272.

[3] «Благоевцы»—одна из первых социал-демократических организаций, возникшая в декабре 1883 г. в Петербурге и получившая название группы Благоева по имени ее организатора студента-болгарина Димитрия Николаевича Благоева, впоследствии ставшего основателем и вождем болгарской социал-демократической партии («тесняков»).

Согласно исследованию ленинградского профессора Ш. И. Ганелина, деятельность кружка самообразования в Троицкой гимназии выходила за пределы города; из Троицка исходили инструктивные и программные указания кружкам самообразования, существовавшим в других городах.

В одном своем письме к кружковцам П. А. Голубев излагал свой взгляд на литературу, какую должна читать молодежь. Литература, говорилось в письме, «должна служить только выработке убеждений и идеалов правды и справедливости и проведению их в жизнь...» Задача литературы — «воспитание твердости характера для будущей деятельности». Голубев одобрял стремление молодежи к чтению «определенной» литературы, отказ от изучения «литературы для литературы», от «искусства для искусства...» «Недостаточно одного сочувствия народу, нужно указывать причины народного горя и намечать пути к уничтожению его».

Такова программа чтения Голубева, по которой, очевидно, работал ряд кружков [1].

Завершающим моментом в деятельности кружка троицких гимназистов было составление им под руководством П. А. Голубева «Систематического указателя лучших книг и журнальных статей (1856—1883 гг.)». В составлении указателя в числе прочих членов кружка принимал участие П. П. Инфантьев, впоследствии «благоевец». Из найденной в жандармских делах переписки видно, что кружком была задумана целая серия рекомендательных указателей для разных читательских групп, в том числе для «народного чтения» и для учащихся казачьих, сельских и городских училищ.

Систематический указатель был издан следующим образом. Один из бывших членов троицкого кружка, студент Н. М. Зобнин, исключенный в 1883 году из Казанского университета за участие в «беспорядках», жил в родном городе Челябинске и приводил в порядок публичную библиотеку братьев Покровских (либерально настроенных владельцев винокуренного завсда). Составляя каталог этой библиотеки, он в то же время дополнил рукопись составленного в Троицке указателя. Среди рабочих типографии, где печатался каталог, велась революционная пропаганда и были свои люди. Зобнин организовал дело так, что одновременно были напечатаны и разрешенный исправником каталог библиотеки Покровских и составленный в Троицке нелегальный указатель. По внешнему виду они были идентичны: один и тот же титул, одна и та же обложка, один и тот же формат, одна и та же разрешительная виза исправ-

[1] Ганелин Ш. И. Очерки по истории среднего образования в России во II-й половине XIX века. — Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена. Т. 50. Кафедра педагогики. Л., 1947, стр. 187—189.

ника (на каталоге библиотеки Покровских — фактическая, а на указателе — фиктивная). Легальный каталог был напечатан в количестве 200 экземпляров, а нелегальный указатель — 1 300 экземпляров. Сначала ни цензура, ни жандармерия не заметили этого, и только после перлюстрации посланного Зобнину из Одессы письма студента Н. М. Овчинникова (распространявшего в Одессе челябинский указатель) жандармы узнали о существовании этого указателя. Но им не удалось выяснить способ его издания [1].

Челябинский указатель был конфискован [2].

В упомянутой работе Н. В. Здобнова дается довольно детальная характеристика содержания челябинского указателя в сопоставлении с двумя аналогичными указателями, выпущенными почти одновременно в Одессе, и освещается история распространения челябинского указателя [3].

4. Подпольные библиотеки учащейся молодежи во Владимире

На долю учащейся молодежи средней школы выпала роль основного «бродила» в культурной жизни также и во Владимире, тихом губернском захолустье. Даже в начале 80-х годов прошлого столетия во Владимире не было ни одной публичной библиотеки, если не считать так называемой епархиальной[4] библиотеки с тенденциозным подбором «духовных» книг. В библиотеке мужской гимназии не было ни произведений Тургенева, ни произведений Л. Толстого.

Во Владимирской духовной семинарии с конца 80-х годов XIX в. существовала официальная ученическая библиотека, созданная по воле семинарского начальства на средства, собираемые принудительно с воспитанников семинарии. Эта библиотека не могла удовлетворять духовных запросов и интересов семинаристов, почему рвущаяся к знанию, к выработке своего мировоззрения молодежь пошла по пути создания своей собственной подпольной библиотеки.

Зарождение нелегальных самообразовательных кружков и создание тайной библиотеки во Владимирской духовной семинарии относится еще к 60-м годам XIX в.

---

[1] Здобнов Н. В. История русской библиографии. Т. II. М., 1947, стр. 162—163.

[2] Систематический указатель лучших книг и журнальных статей (1856—1883 гг.). Челябинск, Оренбург. губ. Изд. б-ки т-ва «Братья Покровские», 1883.

[3] Здобнов Н. В. История русской библиографии. Т. II. М., 1947, стр. 165—168.

[4] Епархиальная библиотека — библиотека духовного ведомства.

Библиотека, насчитывавшая в первые годы после организации всего лишь до 200 томов, в 80-х и 90-х гг. выросла до 1 000 томов.

Периоды подъема в жизни библиотеки чередовались с периодами упадка и затишья в работе. Особенно тяжелый момент пришлось пережить библиотеке и кружку в 1864 г., когда весь наличный состав книг был разобран членами кружка, и лишь вмешательство уроженца гор. Владимира писателя-народника Николая Николаевича Златовратского спасло от гибели ценные культурные начинания — народившийся молодой кружок и библиотеку, создание которой потребовало от организаторов массу энергии и труда.

Период 70-х годов до половины 80-х годов прошел с переменным успехом. Библиотека количественно то уменьшалась, то значительно увеличивалась, как и состав членов тайного кружка, о существовании которого уже к концу 70-х годов стало известно полиции, начавшей усиленную слежку за ним.

В конце 80-х годов во Владимир была сослана целая группа студенческой молодежи из Петербурга, обвиняемой в соприкосновении с организаторами первомартовского покушения 1887 года, в частности, с Александром Ильичем Ульяновым. Из этой группы невольных обитателей Владимира наиболее существенную роль в жизни библиотеки владимирских семинаристов сыграл в 1887—1890 годах Г. А. Фальборк, в будущем известный деятель в области народного образования, активный работник петербургского Комитета грамотности.

В начале 90-х годов библиотека и кружок семинаристов пережили период упадка и затишья в работе, но уже в 1893 году в связи с энергичной и инициативной работой Николая Алексеевича Омутецкого стали явно ощущаться признаки возрождения.

В эти годы ректором Владимирской семинарии был установлен исключительно тяжелый полицейский режим, который вызывал у воспитанников семинарии чувство негодования и глубокого возмущения.

Атмосфера в семинарии все больше сгущалась. 9-го мая 1894 года один из семинаристов, Виссарион Селинин, действуя единолично, произвел покушение на жизнь ректора, стрелял в него. Это событие произвело в городе ошеломляющее впечатление, а семинария лишилась затем самых лучших своих воспитанников, число семинаристов сократилось с 650 до 430 человек. Тайный семинарский кружок потерял большинство своих членов, а уцелевшие его члены в течение следующего учебного года (1894—1895) не в силах были возобновить свою деятельность, пока местная передовая, революционно настроенная интеллигенция не пришла им на помощь. Среди семинаристов снова возникли кружки чтения по разным отраслям знания,

появились рукописные журналы собственного издания, устраивались довольно многолюдные сходки, началась коллективная выписка газет и журналов. Временное затишье сменилось оживлением [1].

О влиянии на молодежь подпольной библиотеки Владимирской семинарии в конце 90-х и начале 900-х годов мы узнаем из автобиографии старого большевика, в советское время — крупного литературоведа П. И. Лебедева-Полянского, учившегося в этой семинарии с 1896 по 1902 гг. Вот что рассказывает он о библиотеке.

«Четырнадцати лет меня перевели в семинарию. На первом же году учения я стал усердным читателем «подпольной» библиотеки, организованной старшими семинаристами, где было немало нелегальных книг, частично рукописных. Биография Добролюбова в издании Павленкова была первой книжкой, которая открыла мне новый мир. Потом пошли сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Герцена, журналы «Современник» и «Отечественные записки», наконец, русская классическая художественная литература. «Кто виноват?», «Былое и думы» А. И. Герцена, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Знамения времени» Д. Л. Мордовцева перечитывались по нескольку раз, укрепляя в сознании социалистические настроения. Увлекался Некрасовым, Г. Успенским и Щедриным. Читать уходил в лес или в поле, книги прятал в дровах, в матраце, на чердаке. Под влиянием Писарева и Дарвина увлекся естествознанием, и у меня созрело решение поступить в университет на естественное отделение.

В 1900 г., 19-ти лет, я познакомился с марксизмом, прочитал книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», затем «Манифест Коммунистической партии», отдельные сочинения Маркса и Энгельса, Эрфуртскую программу немецкой социал-демократии. Мировоззрение мое определилось, я приобрел уверенность. Начал вести пропаганду среди учащихся и рабочих, писал социалистические стихи и рассказы...» [2].

* * *

Наряду с подпольной библиотекой духовной семинарии существовала во Владимире также подпольная библиотека кружка самообразования и в мужской гимназии. Начало ее деятельности относится к 1880 году.

---

[1] Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Кострома, Костромское науч. о-во по изучению местного края, 1921, стр. 8—13.

[2] Лебедев-Полянский, П. И. Автобиография. — В кн.: «Литературное наследство», т. 55. М., 1948, стр. 579.

Вот что рассказывает об этой библиотеке один из ее организаторов С. П. Шестернин.

«Библиотека,— пишет он,— стала предметом нашей горячей любви, неустанных забот и тревожных опасений, как бы наше любимое детище не попало в руки гимназического начальства. В мое время во Владимирской гимназии было не более 200 человек, и хотя наш кружок обнимал 15—20 человек, тем не менее наша библиотека с каждым месяцем увеличивалась. Бедняки уделяли на покупку книг последние гроши, а более состоятельные товарищи давали уроки и весь свой заработок передавали на пополнение библиотеки... Покупать книги было тоже нелегко, так как в то время книжных магазинов во Владимире не было, для покупок пользовались разными оказиями в Москву; главными же нашими поставщиками были двое-трое московских букинистов, которые ежегодно приезжали к нам весною на ярмарку. Помню, с каким увлечением мы перебирали привезенные книги, разыскивая среди них «Что делать?» Чернышевского, «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Шаг за шагом» Омулевского, «Знамения времени» Мордовцева и другие наши любимые книги, которые мы не только перечитывали по несколько раз, но даже переписывали, ибо каждая книга ценилась в 20—25 рублей, а ведь это был целый капитал при нашем нищенском бюджете. Через 3 года настойчивых трудов у нас была солидная библиотека, а когда наш гимназический кружок объединился с семинарским, то мы обладали уже большой библиотекою в 3 000 томов.

Хранить такую библиотеку в конспиративных условиях было трудно, и мы решили превратить ее в публичную. Наши планы, однако, не осуществились: губернатор не утвердил А. Н. Златовратскую-Харламову (сестру писателя Н. Н. Златовратского) ответственным лицом по библиотеке, а другого подходящего лица мы подыскать не могли. Так эта библиотека и оставалась до середины 90-х годов на положении нелегальной...» [1].

В своей книге «Пережитое» С. П. Шестернин подробно описывает наиболее благоприятный период в жизни этой объединенной библиотеки, когда она в течение полутора лет обладала обширным помещением из трех комнат в особняке архитектора Филаретова, предоставившего своим сыновьям, членам кружка, полуподвальный этаж дома, где жила семья, с отдельным ходом. В этом же помещении кружковцы (а их число доходило тогда до 60) проводили вечера в спорах и раз-

---

[1] Шестерин С. П. Владнмирский кружок молодежн н Н. Е. Федосеев. (Странчка воспоминаиий). — В кн.: Федосеев Николай Евграфович. Одии из пноиеров революциоииого марксизма в России. (Сборник воспоминаиий). М.—Л., 1923, стр. 104—105.

говорах. Но пожар, возникший в доме Филаретова, разрушил это временное благополучие. Правда, несмотря на сильный огонь, немедленно сбежавшимся на пожарище кружковцам удалось спасти библиотеку, книги были вынесены в сад, а вечером их переправили в новое помещение, но это помещение было значительно меньше, в нем неудобно было проводить собрания кружка, пришлось устраивать их за городом, в оврагах или в лесу [1].

В книге С. П. Шестернина довольно подробно характеризуется книжный фонд тайной библиотеки. Состоял он, прежде всего, из произведений классиков русской художественной литературы: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Некрасова. Помимо того, с увлечением читались такие произведения, как «Что делать?» Чернышевского, «Шаг за шагом» Омулевского, «Знамения времени» Мордовцева, «Сказки», «Ташкентцы», «Господа Головлевы» и «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, «Подлиповцы» Решетникова, сочинения Златовратского, Глеба Успенского, Гаршина, Наумова [2].

Из иностранной литературы с интересом читались следующие книги: «Углекопы» Золя, «93-й год» и «Отверженные» В. Гюго, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Эмма» Швейцера, «Принц-собачка» и «Париж в Америке» Лабуле и особенно «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана.

В почете была критика: сочинения Белинского, Добролюбова, Писарева.

Из научных книг по экономике с особым интересом тогда читались: «Положение рабочего класса в России» Флеровского и «Основания политической экономии» Милля с примечаниями и дополнениями Чернышевского. Имелся в библиотеке и I том «Капитала» Маркса, который был похищен из библиотеки дворянского клуба членами гимназического кружка, считавшими, что эта книга совсем не нужна была дворянам.

По истории Западной Европы в библиотеке были: «История цивилизации в Англии» Бокля, «История умственного развития в Европе» Дрэпера, «История возникновения и влияния рационализма в Европе» Лекки, «История крестьянской войны в Германии» Циммермана, «Пролетариат во Франции» Михайлова-Шеллера, «Гражданская война во Франции» К. Маркса (лито-

---

[1] Шестернин С. П. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940, стр. 14—15.

[2] Наумов Николай Иванович (1838—1901), писатель. Расцвет его литературной деятельности и известности относится к 70-м годам. Его рассказы из крестьянской жизни печатались в «Отечественных записках» и в «Деле». В дальнейшем они были изданы отдельными сборниками. («Сила солому ломит». Спб, 1874. «В тихом омуте». Спб, 1881. «В забытом краю». Спб, 1888). В 1897 г. в Петербурге были изданы Сочинения Н. И. Наумова. Некоторые его произведения были запрещены цензурой.

*

графированное издание) и др. По русской истории читались, главным образом, сочинения, относящиеся к политическому устройству древней Руси и к крестьянскому движению: «Бунт Стеньки Разина» и «Северно-русские народоправства» Костомарова, «Вече и князь» Сергеевича.

По естествознанию и по первобытной культуре наиболее ходовыми изданиями были: «Происхождение видов» и «Происхождение человека» Дарвина и «Первобытная культура» Тэйлора.

При покупке и чтении книг кружковцы пользовались рекомендациями старших и более опытных товарищей, в частности, Н. Н. Златовратского и его сестер.

«Большую пользу оказал нам,— пишет М. П. Шестернин,— изданный правительством в секретном порядке «Список книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и читальнях». Раз правительство запрещает известные книги, значит, их следует читать, догадывались мы. Так список запрещенных книг превратился у нас в свою противоположность — в список рекомендуемых книг. Маленькая курьезная подробность: этот «список» мы получили от помощника исправника Смирнова, сын которого — хороший товарищ — был деятельным членом нашего кружка...» [1].

Владимирская революционная молодежь находилась сперва всецело во власти народнических идей. В этом, несомненно, сказалось в известной мере и влияние Н. Н. Златовратского. Но в начале 1892 года во Владимир приехал Н. Е. Федосеев, только что освобожденный из петербургских «Крестов» после долгого заключения по делу казанского марксистского кружка. Он установил связь с кружком молодежи и начал энергично пропагандировать в нем идеи марксизма.

«Мы засели за Маркса, — рассказывает в своих воспоминаниях С. П. Шестернин.— Приходилось пересмотреть весь свой идейный багаж, и в результате под влиянием Федосеева мы стали переходить в лагерь марксистов. С принятием нового мировоззрения мы стали думать о практической работе среди фабричных рабочих» [2].

В конце 1892 года произошел провал подпольной библиотеки гимназистов, обнаруженной жандармами.

Книги и книжные шкафы по распоряжению губернатора были проданы с аукциона; к счастью, часть книг приобрела

---

[1] Шестернин С. П. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940, стр. 17—18.

[2] Шестернин С. П. Владимирский кружок молодежи и Н. Е. Федосеев. (Странички воспоминаний). — В кн.: Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М.—Л., 1923, стр. 109—110.

только что открытая незадолго перед этим городская общественная библиотека [1].

В 1896—1897 учебном году Владимир стал центром объединения нелегальных кружков и подпольных библиотек следующих семинарий: Нижегородской, Самарской, Ярославской, Тверской, Тульской, Костромской, Московской, Вифанской (в Троицко-Сергиевской лавре), Рязанской, Казанской, Воронежской, Орловской, Смоленской, Архангельской, Тифлисской, Томской, Саратовской, Ставропольской, Черниговской, Киевской, Оренбургской. Во Владимире был создан Центральный Комитет всех объединенных семинарских кружков и подпольных библиотек, возглавивший в дальнейшем все общесеминарское движение вплоть до революции 1905—1907 годов [2].

5. Частные библиотеки, способствовавшие распространению нелегальной литературы

Чрезвычайно своеобразным явлением в развитии библиотечного дела в царской России было существование частных нелегальных и полулегальных библиотек.

Начнем с получившей благодаря А. М. Горькому широкую известность подпольной библиотеки Андрея Степановича Деренкова.

Подпольная библиотека А. С. Деренкова в Казани (80-е годы XIX в.).

В 80-х годах в Казани, на Старо-Горшечной улице, в доме Марусова, где ютилось беднейшее студенчество, жил и имел бакалейную торговлю Андрей Степанович Деренков. «Это был совершенно необычный лавочник. Постоянное общение со студенчеством расширило его кругозор и сделало глубоко преданным сторонником революционного движения. Для учащейся молодежи он был поистине другом и всегда оказывал ей всяческую помощь. Сестру свою он отдал в гимназию, и она, будучи еще гимназисткой, была уже участницей революционных кружков. Квартира Андрея была своего рода клубом для радикальной молодежи. Сюда сходились, чтобы обменяться мыслями по вопросам момента, поделиться впечатлениями о прочитанных книгах, поговорить о последних новостях из общественной и учебной жизни, а иногда и по конспиративным делам» [3].

---

[1] Шестернин С. П. Владимирский кружок молодежи и Н. Е. Федосеев. (Страничка воспоминаний). — В кн.: Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М.—Л., 1923, стр. 108—109.

[2] Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Кострома, Костромское науч. о-во по изучению местного края, 1921, стр. 14.

[3] Быховский Н. Я. Булочник Алексей Максимович Пешков и казанская революционная молодежь конца 80-х годов. — «Былое», 1925, № 4(32), стр. 210.

А. М. Горький, познакомившийся в августе 1888 года с А. С. Деренковым, так харктеризует последнего и его «злокозненную» библиотеку: «Деренков, сухорукий человек, с добрым лицом в светлой бородке, умными глазами, обладал лучшей в городе библиотекой запрещенных и редких книг,— ими пользовались студенты многочисленных учебных заведений Казани и различные революционно настроенные люди... Часть ее книг была переписана пером в толстые тетради,—таковы были «Исторические письма» Лаврова, «Что делать?» Чернышевского, некоторые статьи Писарева, «Царь голод», «Хитрая механика» [В. Варзара] — все эти рукописи были очень зачитаны, измяты» [1].

Н. Калинин в своей статье «М. Горький» дает следующий перечень литературы, прочитанной Алексеем Пешковым в подпольной библиотеке А. С. Деренкова: «Здесь нашел он 1-й том «Капитала» Маркса, статьи Энгельса, «Коммунистический манифест», «Царь голод» А. Баха [2], «Политическую экономию» Д. С. Милля с примечаниями Чернышевского, много статей по рабочему вопросу на Западе, о профессиональных рабочих союзах Англии, о германской социал-демократии, о Фурье, Оуэне и других. Он читал статьи русских просветителей-демократов Чернышевского и Добролюбова, знакомился с историей общественных движений в России, с жизнью Степана Разина, Пугачева, декабристов, Герцена, Некрасова, Щапова, Белинского, Помяловского и многих, многих других. Это чтение по объему знаний, по их глубине и значительности заменило молодому Горькому желанный университет».

В той же статье Н. Калинин отмечает, что А. С. Деренков подобрал свою библиотеку, руководствуясь «Челябинским указателем», который усердно распространялся среди посетителей квартиры Деренкова казанским студентом Н. М. Зобниным, сумевшим легально выпустить этот указатель в Челябинске в 1883 году [3]. Здесь же в квартире А. С. Деренкова произошла встреча А. Пешкова с Н. Е. Федосеевым.

Подпольная библиотека И. В. Духовского в Нижнем-Новгороде

Из воспоминаний С. И. Мицкевича «На грани двух эпох» мы узнаем о существовании в Нижнем-Новгороде еще одной превосходной подпольной библиотеки изъятых из обращения

[1] Горький А. М. Мои университеты. — В кн.: Горький М. Собрание сочинений. Т. XVIII, М.—Л., Госиздат, 1933, стр. 25.

[2] Бах Алексей Николаевич (1857—1946), — один из видных народовольцев, крупный ученый, биохимик. При советской власти — член Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда.

[3] Калинин Н. М. Горький. — В кн.: Жизнь замечательных людей в Казани. Кн. 1. Казань, 1941, стр. 95—96.

книг, принадлежавшей Ивану Васильевичу Духовскому, владельцу небольшой переплетной мастерской, а потом книжного магазина.

В библиотеке И. В. Духовского имелись: «Исторические письма» П. Л. Лаврова, сочинения Писарева, Добролюбова, Лассаля, «История французской революции» Луи Блана, «Что делать?» Чернышевского, «Знамения времени» Мордовцева, «Эмма» Швейцера, «Один в поле не воин» Шпильгагена. Учащиеся гимназий и семинарий в течение ряда лет широко пользовались этой библиотекой.

В 90-х годах И. В. Духовской, между прочим, слепой музыкант, великолепно игравший, по словам С. И. Мицкевича, на рояле, уехал вместе с женой в Швейцарию [1]. Библиотека прекратила работу.

6. Нелегальная библиотека марксистского кружка Н. Е. Федосеева в Казани (1887—1891 гг.)

В 1887—1889 гг. в Казани среди учащейся молодежи средней и высшей школ довольно широко развернулась работа одного из первых марксистских кружков в России — кружка Николая Евграфовича Федосеева.

Кружок этот обладал довольно солидной подпольной библиотекой. Основу библиотеки составили книжные фонды закрытой правительством в 1884 г. «Студенческой читальни при Казанском университете», своевременно спасенные и сохраненные студенческими земляческими организациями. Фонд библиотеки делился на две раздельно хранившиеся части: фонд легальной литературы и фонд нелегальной, в том числе изъятой из обращения литературы.

С этой библиотекой соприкасались Александр Митрофанович Стопани, Николай Эрнестович Бауман, Егор Васильевич Барамзин [2].

Члены кружка Н. Е. Федосеева не только добывали где и как могли марксистские книги, но и пытались самостоятельно издавать их. Они успели напечатать на гектографе брошюру

---

[1] Мицкевич С. И. На грани двух эпох. (80-е годы в Нижнем-Новгороде по личным воспоминаниям). — «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 40.

[2] Стопани А. М. (1871—1932) — социал-демократ, большевик. В революционном движении участвовал с начала 90-х годов. Один из организаторов искровской группы в Казани.

Бауман Н. Э. (1873—1905) — активный член Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Один из выдающихся социал-демократов, большевик. Участвовал в создании нелегальных библиотек, в частности, в селе Ириновке, Саратовского уезда. В 1905 г. убит агентом охранки.

Барамзин Е. В. (1867—1920) — социал-демократ, большевик. В 90-х годах работал в кружках учащейся молодежи и народных учителей.

Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» и перевести на русский язык книгу К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» [1].

В июле 1889 года кружок подвергся полицейскому разгрому: был арестован Н. Е. Федосеев и захвачена часть библиотеки с фондом легальной литературы.

В делах департамента полиции не сохранилось никаких «вещественных доказательств», но дознание дает некоторые сведения о составе этой библиотеки.

В донесении начальника Казанского жандармского губернского управления от 31 авг. 1889 г. говорится:

«В библиотеке числилось 300 книг, разделенных на отделы: исторический, политико-экономический, государствоведения и беллетристический... В отделах были сочинения, известные по своему тенденциозному направлению, в том числе все отличавшиеся таким характером русские периодические издания за старые годы» [2].

Из изъятых в библиотеке были книги Маркса, Чернышевского «Что делать?», Д. Милля «Основания политической экономии», Мордовцева «Знамения времени», Швейцера «Эмма» и др.

В сентябре того же года жандармы нашли и конфисковали еще небольшую часть библиотеки. Там оказались сильно зачитанные, грубо переплетенные печатные и гектографированные брошюры [3]. В числе их находились напечатанная на гектографе в Казани в 1889 г. брошюра Энгельса «Развитие научного социализма», гектографированная обложка этой брошюры и переписанная от руки статья «Письмо Карла Маркса», опубликованная в октябрьском номере «Юридического вестника» за 1888 г. [4].

Нелегальный фонд библиотеки в большинстве своем уцелел и на этот раз. В этом фонде, спрятанном у студента университета К. И. Кобелева, было около 100 гектографированных и печатных брошюр, носивших следы частого пользования. Из марксистских изданий там находились: К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», Ф. Энгельс «Развитие научного социализма», брошюра «Чего хотят социал-демокра-

---

[1] Радзиловская Ф. Подпольные библиотеки первых марксистских групп и кружков в царской России. (80-е — начало 90-х годов XIX в.). — «Красный библиотекарь», 1939, № 8, стр. 62—63.

[2] Архив революции, фонд департамента полиции, 7-е делопроизводство, 1889 г., д. № 129, т. 1, стр. 132, 133.

[3] Полный список найденной литературы см. в Архиве революции, фонд департамента полиции, 7-е делопроизводство, 1889 г. д. № 129, т. 1, стр. 177—180.

[4] В письме критикуется статья Н. К. Михайловского, помещенная в «Отечественных записках» под заглавием «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского».

ты?», социал-демократическая программа, изданная группой «Освобождение труда», Дикштейн «Кто чем живет» и т. д. В этой же библиотеке было около 100 экземпляров напечатанных на гектографе брошюр Энгельса «Развитие научного социализма» (часть из них была незакончена брошюрованием) [1].

В 1891 году был арестован и К. И. Кобелев, вместе с ним в руки жандармов попала последняя часть библиотеки кружка Н. Е. Федосеева [2].

Приведенные данные о составе книг библиотеки кружка убедительно свидетельствуют, что в это время в нелегальных библиотеках все в большем и в большем количестве собиралась марксистская литература и что именно эта литература усиленно читалась. Одновременно эти данные подтверждают то большое революционизирующее значение, какое имели тогда передовые русские журналы 60-х и 70-х годов, где печатались произведения революционных демократов, предшественников марксистов в России.

7. Превращение фонда офицерской библиотеки Ревельского пехотного полка в нелегальную библиотеку

В 80-х годах в Ревельском пехотном полку, стоявшем тогда в Казани, существовал офицерский революционный кружок, поддерживавший тесную связь с революционными кружками казанской учащейся молодежи.

Офицеры — члены кружка — вели очень демократический образ жизни, жили общежитиями, которые среди революционной молодежи назывались «офицерскими коммунами». Эти «коммуны» широко использовались учащимися высших учебных заведений для занятий кружков самообразования [3].

Кружок молодых офицеров Ревельского пехотного полка находился под идейным влиянием появившегося в Казани в середине 80-х годов отставного офицера Георгия Павловича Смирнова. Офицер с боевыми заслугами, побывавший в боях под Плевной, участник Ахал-Текинской экспедиции Скобелева, потерявший руку в боях, Смирнов по своим политическим воззрениям всецело примыкал к программе «Народной воли» и считал себя народовольцем.

---

[1] Радзиловская Ф. Н. Подпольные библиотеки марксистских групп и кружков в царской России (80-е и начало 90-х годов XIX в.).—«Красный библиотекарь», 1939, № 8, стр. 63—64.

[2] Сергиевский Н. А. Федосеевский кружок 1888—1889 гг. — «Красная летопись», 1923, № 7.

[3] Быховский Н. Я. Булочник Алексей Максимович Пешков и казанская революционная молодежь конца 80-х годов. — «Былое», 1925, № 4(32), стр. 203—214.

Но основная роль в жизни этого офицерского кружка принадлежала штатскому человеку — бывшему преподавателю самарского городского четырехклассного училища Акиму Васильевичу Чекину, по характеристике А. М. Горького, «превосходному пропагандисту, человеку поразительной душевной чистоты».

Занятия в кружке начали с изучения «Исторических писем» Миртова (Лаврова). Затем принялись за экономические науки и прежде всего за политическую экономию. Начали при этом с «Царя голода» А. Н. Баха. Книжка эта была тогда нелегальной и ходила по рукам чаще всего в переписанном виде. Затем перешли к курсу «Политической экономии» московского профессора И. И. Иванюкова и к его же книге по истории политической экономии под названием «Теория экономической политики от Адама Смита до настоящего времени». Усвоив Иванюкова, перешли к первому тому «Капитала» К. Маркса.

Книги для занятий в кружке в значительной своей части брались из полковой библиотеки Ревельского пехотного полка. История этой библиотеки очень интересна и лишний раз показывает, какая упорная борьба шла в то время за сохранение каждой книги, каждого номера журнала, имевших значение для развития революционного движения.

В фондах названной офицерской библиотеки сохранились почти все передовые, радикальные журналы 60-х и 70-х годов, а также немалое количество изъятых к этому времени книг. Распоряжение об изъятии всех этих журналов и книг из библиотек по чьей-то оплошности не коснулось полковых библиотек. Поэтому долго еще после появления запретительного индекса книги и журналы из полковой библиотеки ходили по рукам среди передовой и революционной молодежи Казани. Когда же через некоторое время высшее начальство спохватилось и издало предписание о применении запретительного индекса и в полковых библиотеках, радикально настроенная часть офицерства сделала увенчавшуюся успехом попытку спасти драгоценные фонды библиотеки.

Заинтересованные в этом деле офицеры уговорили простодушного и недалекого командира полка дать разрешение на продажу подлежащих запрещению книг казанскому букинисту Ерыгину. Добившись этого, они попросту перенесли книги на частную квартиру и создали особую библиотеку, которой продолжала широко пользоваться вся передовая молодежь Казани.

Когда при обысках запрещенные к обращению книги со штампом полковой библиотеки стали попадать в руки жандармов, последние обратились с запросом к командиру полка, который заявил, что книги были проданы букинисту Ерыгину.

Жандармы обрушились на ни в чем не повинного Ерыгина... Кое-как удалось замять всю эту историю.

Вскоре от высшего начальства пришло распоряжение: изъятую литературу хранить в опечатанных ящиках. Прикосновенные к этому делу офицеры, не желая расставаться с ценной литературой, решили вторично пойти на риск. Собрав малоценную и ненужную литературу, поставили на книгах штемпель полковой библиотеки и, пользуясь неосведомленностью командира полка, уложили их в ящики и запечатали, а ценные фонды полковой офицерской библиотеки уже в качестве нелегальной библиотеки продолжали обслуживать кружки революционной молодежи [1].

8. Тайная библиотека самарских кружков (1889—1894 гг.)

Почти одновременно с марксистским кружком Н. Е. Федосеева в Казани сформировался и действовал в Поволжье другой марксистский кружок — кружок В. И. Ульянова и А. П. Скляренко в Самаре. Кружок этот также имел свою библиотеку.

История библиотеки этого кружка настолько интересна, что на ней стоит остановиться подробнее.

Самара в конце 80-х годов представляла собою крупный торговый город, растущий вместе с развитием капитализма в России, но в промышленном отношении она была развита слабо.

В те времена Самара считалась «спокойным» городом и служила местом ссылки политически неблагонадежных лиц, главным образом, принадлежавших к различным направлениям народничества и отбывавших уже тюремное заключение. Под их влиянием находились нелегальные революционные кружки учебных заведений города — духовной семинарии, гимназии, реального училища, железнодорожного училища, земской фельдшерской школы.

В 80-х годах прошлого столетия в Самаре жил и работал врач Василий Иванович Попов, человек передовых взглядов, отбывший заключение в Оренбургской крепости за какие-то запрещенные правительством стихи. У В. И. Попова была библиотека, в которой он хранил герценовский «Колокол» и другие нелегальные издания, комплекты передовых журналов 60-х, 70-х и 80-х годов — «Современник» Чернышевского и

---

[1] Быховский Н. Я. Булочник Алексей Максимович Пешков и казанская революционная молодежь конца 80-х годов. — «Былое», 1925, № 4(32), стр. 210—211 и 220 (см. там же заметки и поправки А. М. Горького).

Добролюбова, «Отечественные записки» Краевского и Некрасова, а затем Салтыкова-Щедрина, «Слово», «Дело», в котором профессор Н. И. Зибер помещал свои статьи об экономическом учении Маркса, «Знание», «Устои», «Вестник Европы», «Юридический вестник», «Русское богатство» — первое издание группы народников во главе с Златовратским и т. п. В библиотеке были работы Шлоссера, Бокля, Щапова, Добролюбова, первое 10-томное издание Писарева, «Что делать?» Чернышевского и т. п. Были книги по русской истории, например, И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси», В. И. Семевского — по истории сектанства, книги и статьи по философии позитивизма—В. В. Лесевича[1], английского физиолога и философа Д. Г. Льюиса и др.

Во главе нелегального революционного кружка в самарской классической гимназии стоял Алексей Скляренко, ученик 6-го класса. Алексей Скляренко был внебрачным сыном В. И. Попова и унаследовал от отца «свободолюбивые мечты гражданственности». Он же сделал отцовскую библиотеку достоянием кружков революционно настроенной молодежи.

С переходом библиотеки в собственность кружков она стала пополняться путем покупки книг; приобретались, главным образом, старые книги, которые разыскивались у букинистов, новых книг покупалось сравнительно немного, так как их выходило в то время очень мало. Средства на покупку книг составлялись из взносов членов кружка.

Алексей Скляренко, вынужденный расстаться с гимназией (отец взял его оттуда во избежание исключения), целиком отдался революционной работе. В 1889 году он был арестован и отправлен в Петербург для заключения в «Крестах», петербургской одиночной тюрьме. Одиночное заключение в течение целого года подействовало на юношу сильнее, чем всякая революционная пропаганда. Он провел год в чтении серьезных книг, упорно работая над своим умственным развитием.

После возвращения в Самару А. П. Скляренко в целях изучения крестьянского быта и исследования на месте жизни деревни поступил на должность делопроизводителя к либеральному земскому начальнику Самойлову[2].

Осенью 1889 года в Самару приехал 19-летний Владимир Ильич Ульянов. Через М. Т. Елизарова[3] он познакомился и

[1] Лесевич В. В. (1887—1915) — русский философ, которого В. И. Ленин охарактеризовал в 1908 году как «первого и крупнейшего русского эмпириокритика». — Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е, т. 14, стр. 44.

[2] Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916). М., 1922.

[3] Елизаров Марк Тимофеевич (1862—1919), с 1893 г. социал-демократ, видный деятель большевистской партии. После Великой Октябрьской социалистической революции — народный комиссар путей сообщения.

сблизился с Алексеем Павловичем Скляренко. В. И. Ульянов оказал огромное влияние как на Алексея Павловича, так и на все кружки революционной молодежи, группировавшейся вокруг последнего.

Зимой 1889—90 гг. В. И. Ульянов в нелегальных кружках Самары вел борьбу против народнических идей, помогал участникам кружков понять сущность марксистской революционной теории. Эта пропагандистская работа основывалась как на глубоком изучении произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, так и на изучении действительности. По инициативе В. И. Ульянова члены самарского кружка по разработанным им же таблицам обследовали крестьянские хозяйства в ряде волостей Самарского уезда. А. П. Скляренко написал серию статей по вопросу о расслоении деревни, которые читались и обсуждались в кружке, а затем опубликовал их в «Самарской газете». Под влиянием Владимира Ильича А. П. Скляренко встал на позиции марксизма. В кружке произошел раскол на народническую и марксистскую группы.

Изменение направления деятельности кружка быстро сказалось на составе книг библиотеки кружка. В самом начале 90-х годов стараниями главным образом В. И. Ульянова библиотека пополнилась новыми книгами. Появились: 1-й том «Капитала» Маркса, работы Плеханова (он же Волгин, Бельтов) и др.

На немецком языке в библиотеке имелись «Нищета философии» К. Маркса (2-е издание), «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса; в ней хранилось довольно много номеров журнала «Neue Zeit» — теоретического органа тогдашней немецкой революционной социал-демократии, стенографические отчеты заседаний германского рейхстага, женевские издания группы «Освобождение труда» [1].

Позднее в этой библиотеке образовался отдел нелегальной литературы, которая хранилась особо.

Пользуясь книгами библиотеки, В. И. Ульянов во время пребывания в Самаре писал работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (по поводу книги В. Е. Постникова—«Южно-русское крестьянское хозяйство»)» [2], применяя марксизм к русской действительности.

В 1892—1893 гг. члены кружка составляли каталог книг для систематического чтения; в этой работе принимал участие и В. И. Ульянов. Отдельные части этого каталога, по свиде-

[1] Лалаянц И. Х. У истоков большевизма. Вып. 1. Под ред. А. И. Елизаровой и Ф. Кона. М.—Л., «Молодая гвардия», 1930.

[2] Волин Б. М. О первой работе В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». — «Вестник Московского университета. Серия общественных наук», 1949, № 1, стр. 55.

тельству М. И. Семенова (М. Блана), были переписаны М. И. Лебедевой, но каталог из узкого круга его составителей и близких к ним лиц не вышел [1]. Работа над каталогом осталась не законченной в связи с арестом многих членов кружка в начале 1894 г.

Осенью 1892 г. в самарских революционных кружках отчетливо наметился раскол на сторонников марксизма и закоренелых приверженцев народничества. Окончательно отделившиеся в кружках последователи марксизма стали группироваться вокруг В. И. Ульянова, А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца и в марте 1893 года образовали марксистский кружок.

После отъезда В. И. Ульянова в Петербург созданный им кружок марксизма продолжал революционную работу в городе. Состав кружка увеличился, в него вошли: М. И. Семенов, С. А. Семенова, слесарь Воткинского завода Вахрушев, бухгалтер мельницы А. Буянов, его жена и сын, Е. Козманова и Ф. Козманов, фельдшерицы С. Моршанская и Р. Поморцева, фельдшер М. В. Беляков, помощник железнодорожного машиниста И. А. Кузнецов. Центральный марксистский кружок под руководством А. П. Скляренко и И. Х. Лалаянца создал еще два нелегальных марксистских кружка — на мельнице и в фельдшерской школе. Работа велась не только среди интеллигенции и учащейся молодежи, но и среди рабочих депо и железнодорожных мастерских.

В марте 1894 г. жандармы разгромили марксистские кружки в Самаре. А. П. Скляренко вместе с другими двенадцатью товарищами был арестован и после годичного тюремного заключения в Самаре выслан на север, в Архангельскую губернию [2]. При обыске была обнаружена, захвачена и, повидимому, полностью уничтожена большая и разнообразная библиотека кружка.

9. Книжная лавка в Иваново-Вознесенске (1894—1897 гг.)

В начале 90-х годов рост социал-демократических организаций, для пропагандистской работы которых нужна была определенная литература, повышение культурных потребностей рабочих побудили иваново-вознесенских социал-демократов взять на себя инициативу по организации в Иваново-Вознесенске книжной торговли.

---

[1] Семенов М. И. (Блан М.). Памяти друга. — В сб.: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916). М., 1922.

[2] Грибанова Е. А. Марксистские кружки Самары в 90-х годах XIX века. Автореферат диссертации (Ленинградский гос. ун-т). Л., 1954, стр. 9—10.

Полицейские условия того времени заставили социал-демократов-подпольщиков воспользоваться в качестве легального прикрытия содействием кружка либеральных интеллигентов, группировавшихся вокруг инженера Ф. А. Еремина — директора Лепешкинского химического завода.

В конце 1894 года в Иваново-Вознесенске открылась книжная лавка, созданная официально кружком либеральных интеллигентов, но фактически организованная по инициативе городского судьи Сергея Павловича Шестернина, члена социал-демократической организации.

На центральной торговой площади сняли помещение, очень небольшое и скромное, собрали 300 рублей на первоначальную закупку книг.

С. П. Шестернин отправился в Москву для закупки книг и установления связей с московскими прогрессивными издательствами, в том числе издательством Прянишникова, которым в то время заведовал В. Д. Бонч-Бруевич.

Для работы приказчиком в лавке иваново-вознесенская социал-демократическая организация выделила своего активного члена Николая Николаевича Кудряшова[1], тогда 20-летнего юношу.

Вот как характеризует С. П. Шестернин работу Н. Н. Кудряшова в книжной лавке: «Тихий, скромный, он был настойчив в достижении поставленных перед собой целей и свои обязанности приказчика выполнял с необыкновенной пунктуальностью. Он тщательно записывал все проданное за день и выручку сдавал Ереминой в установленные дни. Такая аккуратность была крайне необходима, ибо закупка книг происходила всегда на векселя. Векселя же учитывались нашими кредиторами в банках и должны были оплачиваться своевременно, иначе, в случае опротестования хотя бы одного векселя, мы лишились бы кредита, и наше предприятие немедленно лопнуло бы. Кудряшов же так повел дело, что за все время существования книжного магазина ни один вексель не был доведен до протеста.

Наша книжная торговля шла успешно и не нуждалась больше в денежной помощи либералов. Не взирая на свою неприглядность (все оборудование состояло из прилавка и некрашеных полок, даже не имелось вывески), — лавочка быстро привлекла к себе внимание рабочих: многие потянулись в «лавочку за рядами, где продают хорошие книги»... Среди бес-

[1] Кудряшов Николай Николаевич (1874—1935), рабочий, член Иваново-Вознесенской социал-демократической организации с 1892 года; позднее активный участник «Северного рабочего союза». В 1904 г. вместе с Н. Э. Бауманом организовал в Москве нелегальную типографию для издания большевистской литературы. Всю свою сознательную жизнь отдал борьбе за победу коммунизма.

культурья и темноты наша лавочка стала огоньком, привлекавшим к себе все живое, все тянущееся к свету и знанию, а в лавочке находился «наш торговец», зорко наблюдал за покупателем, вступал с ним в разговоры, рекомендовал книгу, расспрашивал о прочитанном и с некоторыми вступал в близкие отношения. Так Кудряшов постепенно «улавливал» среди покупателей кандидатов в рабочий кружок. При его содействии через лавочку были завербованы и впоследствии стали деятельными членами: Н. П. Грачев, Д. Л. Бутин, Н. И. Махов и многие другие. В лавочке происходили свидания членов кружка, обмен легальными и нелегальными книгами, здесь же узнавали о собраниях, квартирах и пр. Особенно часто пользовалась лавочкой в этих целях О. А. Варенцова. По общему отзыву работников-революционеров того времени, лавочка имела громадное культурное значение. Она была одновременно и явкой и справочным бюро для членов организации»[1].

Летом 1895 года Н. Н. Кудряшову сообщили, что книжная лавка находится «на подозрении» у жандармов. После предупреждения Кудряшов расстался с книжной торговлей и возвратился на работу в железнодорожное депо, а в лавке его заменили молодой девушкой М. А. Капацинской. Пришлось прекратить передачу через книжную лавку нелегальной литературы, но лавка продолжала выполнять роль явочной квартиры.

В 1895 году был организован «Иваново-Вознесенский рабочий союз», который установил связь с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. В октябре 1895 года в виде протеста против снижения расценок стихийно вспыхнула стачка двух тысяч рабочих мануфактуры (ныне фабрика имени Балашова). Эта стачка всколыхнула всех ивановцев, повысился интерес к книгам, журналам, газетам. Через книжную лавочку «Рабочий союз» приобрел значительное количество литературы для своей библиотеки.

С. П. Шестернин сообщает, что в этой библиотеке в то время имелись: 1-й и 2-й томы «Капитала» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Экономическое учение К. Маркса» Каутского, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова (Плеханова), «История цивилизации в Англии» Бокля, «Промышленная жизнь Англии» Гиббинса, «Восьмичасовой рабочий день» Вебба и Кокса, «Социальная жизнь животных» Эспинаса, «История первобытной культуры» Липперта, «Рабочий вопрос» Ланге, «Дарвинизм» Ферьера, «Ч. Дарвин и его учение» и «Жизнь растений» Тимирязева, «Пролетариат во Франции» и

[1] Шестернин С. П. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940, стр. 103—104.

«Ассоциации» Михайлова-Шеллера, «Жизнь европейских народов» Водовозовой, много книжек из серии «Жизнь замечательных людей» в издании Павленкова, сочинения Шелгунова, а также сочинения Милля, Рикардо и Родбертуса (в популярном изложении), «Политическая экономия» Иванюкова, «Экономические беседы» Карышева, «Фабрика (что она дает населению и что она у него берет)» Дементьева и др.

Из беллетристики в библиотеке имелись: «Хроника села Смурина» Засодимского, «Спартак» Джованьоли, «Гаспар Фикс» и «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Овод» Войнич, «На рассвете» Ежа, «Париж в Америке» и «Принц-собачка» Лабуле, «Жакерия» Меримэ, «Долой оружие» Зутнер, «Через сто лет» Беллами, «Шаг за шагом» Омулевского, «Тяжелые времена», «Домби и сын» и «Святочные рассказы» Диккенса, «Сказки», «Господа Головлевы», «Ташкентцы» и «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, «93-й год» и «История одного преступления» Гюго, «Углекопы» Золя, а также сочинения Тургенева, Толстого, Некрасова (последний особенно читался рабочими), Златовратского, Глеба Успенского, Решетникова, Гаршина. Из критической литературы были сочинения Добролюбова и Писарева. У «Союза» были также изъятые из библиотек «Эмма» Швейцера, «Что делать?» Чернышевского и др. [1].

Благодаря хорошо подобранной библиотеке «Рабочего союза» и книжной лавочке нелегальные и ценные легальные книги широко распространялись не только среди членов «Союза», но и вообще в рабочей массе. Жажда чтения и стремление понять каждое слово в читаемой книге были настолько велики, что каждый стремился приобрести «Словарь иностранных слов», составленный Н. Дубровским [2]. Книжная лавочка этот словарь, стоивший 50 копеек (деньги по тому времени немалые), продавала в громадном количестве.

В июне 1897 года жандармы произвели многочисленные обыски и аресты. Был произведен обыск и в книжной лавке. По распоряжению владимирского губернатора лавка была закрыта, книги конфискованы.

---

[1] Шестериин С. П. Пережитое. Из истории рабочего и революциоиного движения 1880—1900 гг. Иваново. 1940, стр. 126—127.

[2] Дубровский Н. Полиый толковый словарь всех общеупотребительиых иностраиных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. Настольиая справочная книга для всех н каждого при чтеиии книг, журиалов и газет. Трииадцатое издаиие. Москва, 1894. Изд. киигопродавца А. Д. Ступииа. (Первое издаиие словаря: Толковый словарь иностраиных слов, вошедших в русский язык, с указанием корией. Сост. Н. Дубровскнй. Москва, синодальиая типография, 1866).

10. Книжный склад и издательство А. М. Калмыковой в Петербурге (конец XIX — начало XX в.)

В 1889 г. в Петербурге на Литейном проспекте (д. № 60) открылся книжный склад, а затем и издательство Александры Михайловны Калмыковой. В дальнейшем, особенно в конце 90-х годов и в начале 900-х как складу, так и издательству суждено было сыграть немаловажную роль в истории рабочего движения, в частности, в развитии и укреплении первых «искровских» социал-демократических организаций, в пополнении фондов народных библиотек популярной литературой, закладывавшей основы материалистического миропонимания.

Александра Михайловна Калмыкова была энергичной и разносторонней деятельницей в области народного просвещения. В молодости, живя в Харькове, А. М. Калмыкова принимала участие в работе созданной Х. Д. Алчевской женской воскресной школы и составила для известной книги «Что читать народу», изданной кружком Х. Д. Алчевской, отделы географии и истории[1]. Принимала она также горячее участие в создании Харьковским комитетом грамотности народных библиотек.

А. М. Калмыкова сперва участвовала в народовольческом движении, позднее поддерживала связь с группой «Освобождение труда», с Плехановым, Аксельродом и Засулич.

По приезде в 1885 г. в Петербург А. М. Калмыкова сразу же начала педагогическую работу в Смоленской («Корниловской») воскресно-вечерней школе за Невской заставой. По свидетельству Н. К. Крупской, «лекции ее в этой школе были необычайно талантливы и смелы», учитывая особенно, что «это было время, когда нельзя было слова сказать, когда все было придушено»[2].

Стоит еще привести отзыв о лекционной работе А. М. Калмыковой В. А. Шелгунова: «Замечательные лекции читала для рабочих в то время А. М. Калмыкова. На каждую лекцию приходило до 150—200 рабочих. Можно было бы собрать и больше народу, но не было подходящего помещения. Лекции устраивались на разные темы: об устройстве мира, по географии, истории, литературе»[3].

Одновременно Александра Михайловна издавала популярные научные книжки, стремясь выпускать их возможно де-

---

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Вып. 27. Спб, 1895, стр. 64.

[2] Крупская Н. К. Памяти А. М. Калмыковой. — «Правда», 1926, 3 апр. См. также. в кн.: Крупская Н. К. Политпросветработа. Т. 2. М.—Л., 1932, стр. 52.

[3] Шелгунов В. А. Мои воспоминания о воскресных школах. — «Школа взрослых», 1939, № 7, стр. 44.

шевле. Распространение этой литературы шло через упоминавшийся выше книжный склад, который делал большую скидку при продаже книжек народным библиотекам. Через книжный склад А. М. Калмыковой можно было выписывать книги и других издательств.

В сибирской ссылке В. И. Ленин все время пользовался услугами книжного склада А. М. Калмыковой, выписывая оттуда подчас в кредит необходимые ему книги, в частности, для работы над «Развитием капитализма в России». В переписке Владимира Ильича с родными из ссылки довольно часто, особенно в письмах его к Анне Ильиничне Елизаровой, упоминается А. М. Калмыкова и ее книжный склад[1].

После смерти А. М. Калмыковой в 1926 году Н. К. Крупская писала: «Александра Михайловна очень много сделала для издания и распространения популярных, дельных, лучших книг. Но склад Калмыковой служил и другим целям — он был своеобразной явкой, где происходили постоянно разные свидания, куда съезжались люди с разных сторон. Когда в Питере образовалась группа социал-демократов с Владимиром Ильичем во главе, она встретила у Александры Михайловны всяческую поддержку. Владимир Ильич частенько забегал в склад к Александре Михайловне, много говорил с ней о группе «Освобождение труда», он был тогда самым горячим учеником Плеханова; Александра Михайловна доставала ему книги, связи»[2].

А. М. Калмыкова сама работала преимущественно над созданием популярных книжек по естествознанию, ею же были составлены две серии дешевых книг для народа под заглавием: «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека»[3].

Свою статью «Памяти А. М. Калмыковой», помещенную в «Правде» от 3 апреля 1926 г., Н. К. Крупская закончила так: «Александра Михайловна Калмыкова принадлежала к числу тех, кому дороги были интересы народных масс, кто хотел сделать все, что возможно, чтобы приблизить марксизм к рабочим, кто понимал и любил Ильича»[4].

---

[1] Ленин В. И. Письма к родным 1894—1919. М., 1931, стр. 75, 127, 147, 151, 164, 168, 184, 193, 201.

[2] Крупская Н. К. Памяти А. М. Калмыковой. — «Правда», 1926, 3 апр. См. также в кн.: Крупская Н. К. Политпросветработа. Т. 2, М.—Л., 1932, стр. 50.

[3] Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Вып. 27. Спб., 1895, стр. 64.

[4] Крупская Н. К. Памяти А. М. Калмыковой. — «Правда», 1926, 3 апр. См. также в кн.: Крупская Н. К. Политпросветработа. Т. 2, М.—Л., 1932, стр. 51.

11. Библиотеки марксистских кружков М. И. Бруснева в Петербурге

К концу 1888 года в Петербурге возникли полулегальные кружки самообразования или, как их тогда называли, — кружки саморазвития, где под руководством М. И. Бруснева[1] изучалась политическая экономия, штудировались такие фундаментальные работы, как «Политическая экономия Милля с примечаниями Чернышевского», «Капитал» Карла Маркса.

В 1889 году организовалось «Социал-демократическое сообщество», куда вошла часть членов кружков саморазвития, главным образом студенты технологического института. Это сообщество поставило перед собой уже определенную политическую задачу — вооружить своих членов знаниями для пропаганды марксизма среди рабочих. Члены сообщества шли к рабочим с целью подготовить из них сознательных и преданных руководителей рабочего движения, так как, по словам М. И. Бруснева, «основою наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»[2].

Во главе сообщества стоял центр или, как его тогда называли, «центральный кружок», объединявший социал-демократические кружки в разных высших учебных заведениях Петербурга.

С конца того же года сравнительно быстро стало расти количество нелегальных рабочих марксистских кружков. Ведя занятия в этих кружках, стремясь сделать политически активных рабочих наиболее восприимчивыми к идеям научного социализма, брусневцы считали необходимым прежде всего расширять общий кругозор кружковцев, знакомить их с основами естествознания, с дарвинизмом и затем уже переходить к изучению общественных наук. С этой целью была разработана весьма обширная программа занятий в кружках.

На занятиях руководители кружков излагали в форме беседы или лекции, смотря по уровню подготовки собравшихся, самое главное в содержании того или другого раздела программы, а затем рекомендовали книги для самостоятельного чтения. Одновременно давались указания, как читать книги, брошюры, газеты, как связывать прочитанное с жизнью. На

---

[1] Брусиев Михаил Иваиович (1864—1937) иачал свою революциониую деятельиость с 1881 года, вел борьбу с иародовольческими идеями, пропагандировал марксизм; будучи еще студентом технологического иститута, оргаиизовал студеические и рабочие социал-демократические кружки. В 1891 году переехал в Москву, где продолжал революциоиную деятельность. В 1892 году был арестован и сослаи в Восточиую Сибирь.

[2] Брусиев М. И. Возиикновеиие первых с.-д. оргаиизаций. (Воспомииаиия). — «Пролетарская революция». 1923, № 2(4), стр. 19.

Группа курсисток Высших женских Бестужевских курсов, собиравших литературу для рабочих социал-демократических кружков в Петербурге. В среднем ряду сидят слева направо: крайняя — З. П. Невзорова (Кржижановская), пятая — О. И. Чачина

ближайших последующих занятиях велись беседы о прочитанном, разъяснялось непонятое.

В зиму 1889—1890 годов в Петербурге насчитывалось уже около 20 кружков для пропагандистов и параллельно с ними ряд рабочих кружков.

С осени 1890 года во главе всех кружков встал комитет, состоявший из представителей рабочих кружков районов города и одного представителя от кружков интеллигентов. При каждом кружке была учреждена касса, средства которой составлялись из членских взносов. Часть денег кружковой кассы ежемесячно отчислялась в центральную кассу при комитете, а остальные суммы тратились по усмотрению членов кружка на помощь пострадавшим от стачек и другие подобного рода нужды, а также на покупку книг, из которых составлялись небольшие библиотеки.

Книг, подходящих для самостоятельного чтения рабочих, в то время выходило очень мало и доставать их было трудно. Члены студенческих кружков сами отыскивали и собирали нужные книги, привлекали к этому сочувствующих студентов и курсисток. Собирали книги для таких библиотек, в частности, и курсистки Высших женских Бестужевских курсов, привлеченные к этому делу Зинаидой Павловной Невзоровой (Кржижановской), которая была членом одного из студенческих кружков брусневской группы.

Бруснев цы не только собирали книги для библиотек нелегальных рабочих кружков, но и составили рекомендательный список книг, на основании которого следовало создавать основное ядро каждой библиотеки. Сохранился экземпляр списка, исправленный рукой М. И. Бруснева; приводим его полностью.

СПИСОК КНИГ ДЛЯ ЧТЕНИЯ[1]

I. Разные научные статьи и сборники (для первоначального чтения)

Свет божий. Общедоступный курс мироведения (заключает в себе краткие сведения по астрономии, физике, химии и минералогии). Изд. Павленкова.

Иванов А. А. Рассказы о земле и о небе. (Краткая общедоступная астрономия).

Зобов Н. М. Беседы о природе. (Популярно-научный сборник, дающий сведения по астрономии, физике, химии, ботанике и зоологии).

Бекетов А. Н. Беседы о земле и тварях на ней живущих 1—2 кн.

Кн. 1 — о земле.

Кн. 2 — о живых тварях.

[1] См. в кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы». Сборник статей и воспоминаний. Материалы по делу М. И. Бруснева и Юв. Мельникова. Речи рабочих 1 мая 1891 года. Гос. изд-во. Донское отделение, 1921.

Калмыкова А. М. О воздухе и невидимых врагах в нем. ц. 12 к.

II. Статьи естественно-научные по различным отделам (для последующего чтения)

1. Астрономия.

Фламмарион К. Общедоступная астрономия.
Гильмен А. Миры. Популярная астрономия.
Бетхер А. Н. Начальный курс космографии.

2. Физика и химия.

Герасимов М. А. Краткая физика.
Бернштейн А. Что всякому нужно знать из химии.

3. Зоология и ботаника.

Бер Поль. Зоология.
Тимирязев К. А. Жизнь растения. 10 общедоступных бесед.

4. Анатомия, физиология и гигиена.

Латышев П., врач. Здоровье. Беседы о том, как устроено человеческое тело и чем оно живет.

Герасимов М. А. Элементарная анатомия, физиология и гигиена. С 28 рисунками (с добавлением о первой помощи в несчастных случаях).

5. Теория Дарвина

Симонович Я. Теория естественного отбора и применение ее к человеку. Общедоступное изложение. Составил по Дарвину. Изд. «Медицинский сборник», 1872.

Ферьер Эмиль. Дарвинизм. Популярное изложение теории Дарвина и ее приложение к жизни растений, животных и человека. Изд. Павленкова.

Тимирязев К. А. Теория Дарвина.

Писарев Д. И. Соч. Изд. 2-е, 1871—1872, ч. VI. Процесс жизни (по Фохту). Физиологические эскизы Малешота. Физиологические картины Бюхнера. Прогресс в мире животных и растений.

Как видно из этого списка, в него вошли популярные книги по естествознанию, авторы которых впоследствии стали крупнейшими учеными нашей страны. К числу их принадлежат К. А. Тимирязев, М. А. Герасимов, А. Н. Бекетов. Авторы переводных книг также в большинстве своем являлись известными иностранными учеными-популяризаторами.

Чтение книг по приведенному списку должно было служить как бы введением к чтению книг по политической экономии и истории культуры, оно служило главным образом для того, чтобы сломить понятия, которые давались тогдашней официальной школой, внушались церковью.

Вслед за этими книгами указывались книги по общественным вопросам. Среди них, наряду с легальными изданиями, рекомендовались и нелегальные.

Для начинающих:

Кудрявский Д. Н. Как жили люди в старину.
Что такое подати и для чего их собирают.
Горянская С. Ф. Беседы о законах и порядках. (Азбука законоведения).

Для более подготовленных:

Липперт Ю. История культуры.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [1].
Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет.
Маркс К. Капитал.

Из нелегальных изданий рекомендовались:

Бах А. Н. Царь голод.
Дикштейн С. Кто чем живет?

Для ознакомления с рабочим движением того времени в других странах пользовались «Русскими ведомостями», где часто появлялись отчеты о заседаниях германского рейхстага с речами социал-демократических депутатов, в числе которых тогда был Август Бебель.

Имелся и довольно большой список рекомендованной художественной литературы как легальной, так и нелегальной. Более подготовленные члены рабочих кружков особенно высоко ценили роман Чернышевского «Что делать?» (который был тогда запрещен) и сказки Щедрина. Широко распространялся роман «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана.

Список книг, составленный для библиотек рабочих марксистских кружков, использовался и вне их, в частности, пользовалась им и Надежда Константиновна Крупская в бытность свою учительницей в рабочих воскресно-вечерних школах за Невской заставой Петербурга.

Занимаясь в этих школах, Н. К. Крупская, изучавшая перед этим марксизм в одном из кружков М. И. Бруснева, рекомендовала своим ученикам, желавшим читать, те же книги, которые рекомендовались и членам рабочих марксистских кружков. Она не только рекомендовала эти книги, но и сама привозила их за Невскую заставу из платной библиотеки Н. А. Рубакина.

В своих книгах и статьях Н. К. Крупская неоднократно вспоминает об этом периоде своей деятельности, рассказывает она там и о том, как влияло чтение таких книг на рабочих, как способствовало оно воспитанию сознательных, стойких борцов за рабочее дело.

Условия пропаганды марксизма в воскресно-вечерних школах были совсем другие, чем в нелегальных марксистских

[1] В первые годы занятий кружков эта работа Ф. Энгельса ходила по рукам в виде переписанных от руки тетрадок.

кружках. За деятельностью учителей следили и инспектора школ, и священники, преподававшие обязательный по тем временам в вечерних школах закон божий, и сыщики.

И тем не менее учителям-марксистам удавалось, не упоминая имени Маркса, разъяснять ученикам марксизм. «Меня удивляло, — вспоминала потом Н. К. Крупская, — как легко было, стоя на почве марксизма, объяснять рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма»[1].

Большое место в чтении рабочих — учащихся воскресно-вечерних школ, как и в чтении членов кружков, занимали также книги по естествознанию. Эти книги расшатывали религиозные взгляды верующих, убеждали в силе человеческих знаний, науки, способности человека устраивать свою жизнь на земле.

Яркие примеры такого влияния чтения приводит в своих воспоминаниях Н. К. Крупская. Привлекает внимание ее рассказ о рабочем Точилове. «В группе Лидии Михайловны Книпович, — вспоминала Н. К. Крупская, — был ученик, рабочий фабрики Максвела, Точилов. Он от казенной церковности отошел, ходил на юг к штундистам, потом еще к каким-то сектантам. Однажды он написал Лидии Михайловне на вечернем уроке: «Я всю жизнь искал правды против капиталистов у бога. На страстной я узнал от Рудакова (другого ученика вечерней школы), что бога и вовсе нет. И так легко мне стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим, тут тебе податься некуда. Рабом человечьим легче быть, тут борьба»[2].

Многие рабочие, освободившиеся от веры в бога, становились читателями литературы по общественным вопросам. И учителя-марксисты всячески стремились связать это чтение с теми практическими задачами политической борьбы, которая тогда велась. Это находило свое отражение и в рекомендации художественной литературы.

Выше уже говорилось о том, что среди рекомендуемых книг был роман «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. С чтением этой книги произошло чрезвычайно показательное происшествие. В одной из школьных групп Н. К. Крупской был ученик, пожилой рабочий Сергеев, работавший на стеариновом заводе. «Глотал он книги, — писала о нем Н. К. Крупская, — с необыкновенной жадностью. Сергеев взял читать «Историю одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. Взял книгу на работу, ушел ворочать сало, а в это время

---

[1] Крупская Н. К. Моя жизнь.— В кн.: Крупская Н. К. Избранные педагогические произведения. М.—Л., Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 14.

[2] Крупская Н. К. Антирелигиозная пропаганда. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 51.

Н. К. Крупская (в годы учительства в воскресно-вечерних школах для рабочих за Невской заставой Петербурга)

инже
лась
казни
бы та
Белла
гееву
лиоте
щени

Та
поиск
о соц

В
откры
родну
поста
Иван
это в
борьб
В. И.

Ра
читал
время
вел в
кружк
стран
выше
так и
прост
потом
своим
пеек,
ния Г
кало
общал

Уч
«Был
нала

Не
списо
групп
послу
ты, в
средс

[1] К
петерб
[2] Т

инженер увидел книгу и стал ее рассматривать. Книга оказалась испещренной надписями. Против места, где говорилось о казни Людовика XVI, было написано: «Вот и с нашим надо бы так расправиться». Инженер страшно возмутился, «Вы бы Беллами «Через 100 лет» лучше читали», выговаривал он Сергееву. «Историю одного крестьянина» забрали, отвезли в библиотеку и взяли с ее владельца расписку об изъятии из обращения данного экземпляра»[1].

Такого рода инциденты еще сильнее толкали рабочих на поиски книг, которые давали бы им не отвлеченные знания о социализме, а подсказывали, что надо делать.

В 1895 году Невское общество народных развлечений открыло первую на Шлиссельбургском тракте бесплатную народную библиотеку-читальню. Во главе этой библиотеки была поставлена одна из учительниц воскресно-вечерних школ Анна Ивановна Чечурина (Мещерякова). Анна Ивановна была в это время связана с Н. К. Крупской, а через нее и с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», в котором В. И. Ульянов объединил все марксистские кружки Петербурга.

Рабочие с большой охотой стали посещать библиотеку-читальню. Один из членов первых кружков Бруснева, в это время уже член «Союза борьбы», Петр Кузьмич Запорожец вел в помещении библиотеки занятия марксистского рабочего кружка; он же давал Анне Ивановне Чечуриной для распространения книги и брошюры по общественным вопросам как вышедшие легально, но запрещенные в народных библиотеках, так и выходившие нелегально. Анна Ивановна не только распространяла такие книги среди знакомых рабочих, но и вела потом с ними беседы о прочитанном. Иногда она добывала своим читателям билеты в театр (платили за билеты по 20 копеек, а сидели на местах за рубль), где ставились произведения Грибоедова, Гоголя, Островского. Это еще больше привлекало рабочих к чтению. Благодаря чтению многие рабочие приобщались к общественной жизни, к революционной борьбе.

Учительницы-марксистки широко использовали читальню. «Была эта читальня своеобразным агитпунктом»[2]. — вспоминала Н. К. Крупская.

Небольшие библиотеки рабочих марксистских кружков, тот список книг, который был составлен для их комплектования группой Бруснева, методы работы с читателями — все это послужило дальнейшему развитию широкой культурной работы, в том числе и библиотечной, которая явилась одним из средств соединения социализма с рабочим движением.

---

[1] Крупская Н. К. Из далеких времен. Политпросветработа среди петербургских рабочих. 90-е годы. М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 15.

[2] Там же, стр. 14—15.

Как известно, в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года царское правительство нанесло серьезный удар «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»: были арестованы руководители «Союза», в том числе В. И. Ульянов, П. К. Запорожец и другие.

Но ни эти, ни последующие аресты не могли остановить роста революционного рабочего движения в России, формирования его передового руководящего отряда — революционной социал-демократической партии. Под руководством этой партии российский пролетариат продолжал готовиться к боям с царизмом и выступил как грозная сила в годы первой русской революции.

О нелегальных и полулегальных библиотеках этого периода истории революционной борьбы рабочих и крестьян нашей страны рассказывается в следующих статьях сборника.

12. Первая подпольная библиотека на Путиловском заводе в Петербурге

Непрерывный рост числа рабочих на предприятиях в разных частях России, их крепнущая солидарность в борьбе против жестокой эксплуатации хозяевами предприятий, убийство народовольцами царя Александра II, которое не привело ни к каким улучшениям в положении трудящихся, — все это способствовало росту классовой сознательности российского пролетариата. Из его среды в процессе борьбы все в большем количестве стали выдвигаться организаторы, пропагандисты. И, как правило, выдвигались наиболее начитанные рабочие.

К числу таких людей принадлежал и организатор первой подпольной библиотеки на Путиловском заводе токарь Василий Буянов. В 1880—1881 гг., в пору своей юности и первых исканий, Буянов принадлежал к народовольческой организации.

В мае 1881 года Буянов по высочайшему повелению был выслан из Петербурга. Три года скитался Василий Буянов по городам и селам России. Ему пришлось увидеть жизнь рабочих в различных ее проявлениях и многое услышать о борьбе рабочих за свои права. У него возникли глубокие сомнения в необходимости террора. Особенно сильно поразила его небывало крупная и упорная морозовская стачка, вспыхнувшая в январе 1885 года. Эта стачка показала ему, какой силой является рабочий класс. Вернувшись в Петербург, Буянов снова поступил токарем на Путиловский завод.

Единомышленников по вопросу о терроре в народовольческом кружке Буянов не нашел. Мучительно искал он ответа на свои сомнения в книгах, много читал, ходил по толкучкам,

выискивая литературу. Покупал старые журналы: «Отечественные записки»—ради печатавшихся там рассказов Глеба Успенского и Златовратского, «Русское слово», в котором его привлекали вдумчивые обзоры Н. Шелгунова и острые статьи Писарева, «Современник», где были произведения Чернышевского, Добролюбова и сатиры Салтыкова-Щедрина. Три года назад он не встречал в книжных рядах на Александровском рынке рабочих, покупающих книги. Теперь он часто сталкивался с людьми рабочего облика, которые так же, как и он, бродили по книжным рядам.

Счастливый случай столкнул как-то Буянова с выдающимся рабочим того времени Егором Афанасьевичем Климановым, который был уже знаком с учением К. Маркса. Через Климанова Буянов в 1888 году вошел в кружок, связанный с группой П. В. Точиского, одного из первых русских марксистов. В этом кружке Буянов получил, наконец, ответ на вопросы, которые долгие годы не давали ему покоя.

В том же 1888 году полиция разгромила группу Точиского, но Буянов сохранил связь с новыми друзьями: кузнецом Егором Климановым, слесарем Василием Шелгуновым и старым товарищем Павлом Победимским, который работал на Путиловском заводе конторщиком.

Буянов недолго оставался вне организации. В 1889 году в Петербурге создалась новая марксистская группа, во главе которой стояли студенты Технологического института М. И. Бруснев, братья Л. Б. и Г. Б. Красины, В. Ф. Цивинский. Егор Климанов одним из первых связался с брусневцами. Вслед за ним в организацию вошел и Василий Буянов. Вскоре они оба стали членами рабочего центра Брусневской группы.

Брусневцы вели пропагандистскую работу среди небольшого числа передовых рабочих. Их ближайшей целью была подготовка квалифицированных пропагандистов марксизма. В свой кружок они принимали с большой осторожностью.

Из русских рабочих составился кружок, которым сперва руководил студент Голубев, а потом сам В. Буянов. Он вел занятия таким образом: сперва читал книжку Дикштейна «Кто чем живет?», а затем переходил к чтению «Манифеста Коммунистической партии» и брошюры Маркса «Наемный труд и капитал». Теперь В. Буянов, будучи знаком с сочинениями Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», мог самостоятельно выступать против народников.

В связи со своей пропагандистской работой Буянов приступил к организации нелегальной библиотеки. Члены кружка систематически отчисляли определенные денежные суммы на покупку книг. Сбор денег, хранение приобретаемых книг, а равно связь с рабочими других районов были возложены на токаря Николая Поршукова. Он работал на многих заводах

Выборгской стороны, за Невской заставой, а оттуда перешел за Нарвскую заставу. На взносы в 15—25 копеек, которые собирались из получки в получку, покупались книжки и была создана библиотека.

В марте 1890 года полиция напала на след собраний путиловских кружков. Арестовали Василия Буянова и еще нескольких рабочих.

Спустя три месяца был арестован и Павел Победимский. Через некоторое время Буянов и Победимский были высланы в Тулу. Туда же был впоследствии выслан и Николай Поршуков. Из путиловских кружковцев на свободе остался лишь один Николай Иванов. Вместе со своим младшим братом Константином Ивановым он пытался нащупать новые связи. Он посещал кружок у резинщицы Фени Норинской, иногда встречался с Василием Шелгуновым, связанным с кружком студентов Технологического института. Но кружка за Нарвской заставой ему не удалось создать, так как пропагандистских сил у студентов было недостаточно.

С появлением в Петербурге В. И. Ульянова положение в марксистской группе студентов Технологического института резко изменилось. По настоянию Владимира Ильича группа начала создавать рабочие кружки во всех районах Петербурга, особое внимание обращалось на крупные заводы столицы.

Через Германа Красина, члена группы студентов-технологов, В. И. Ульянов познакомился со слесарем Василием Шелгуновым, а через него и с другими передовыми рабочими Петербурга.

К этому времени в Петербург после высылки возвратился старый друг Шелгунова путиловский токарь Николай Гурьевич Полетаев. Появился выпущенный из тюрьмы Егор Афанасьевич Климанов. Они поступили на Путиловский завод и вместе с В. А. Шелгуновым взялись за организацию там рабочего кружка. Разыскали Николая Иванова, подобрали нескольких сознательных рабочих, группа студентов-технологов выделила руководителя — Петра Запорожца, и в начале 1894 года, после двухлетнего перерыва, на Путиловском заводе создался новый кружок. Полетаев стал деятельным членом кружка и выполнял роль хранителя подпольной литературы.

У Иванова сохранилась часть библиотеки, собранной на взносы членов кружка еще 5 лет назад Буяновым. Среди книг было несколько сборников революционных стихотворений, переписанных от руки или вырезанных из журналов и склеенных в самодельные брошюры. Иванов бережно хранил эти сборники[1]. Стихотворения с особенным подъемом читались

[1] Мительман М., Глебов Б., Ульянский А. История Путиловского завода 1789—1917. Под ред. В. А. Быстрянского. Изд. 2-е. М.—Л., 1941, стр. 84.

и запоминались новичками рабочего революционного движения. В библиотеке тщательно собиралась марксистская литература, отсюда распространялись листки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Эта подпольная библиотека на Путиловском заводе, на которой отразились все переходные ступени развития революционной пропаганды, погибла при разгроме охранным отделением «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1895 году вместе с Ульяновым, Кржижановским, Старковым, Ванеевым, Запорожцем и другими членами центральной группы были арестованы и 10 путиловцев, в том числе Никслай и Константин Иваноғы и Полетаев, у которых как раз и хранилась библиотека.

В. В. Рябиков

ПОДПОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА СИМБИРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ в 1901—1906 гг.

(Воспоминания)

Каждое общественное явление может быть правильно понято и изучено только в связи с историей его возникновения и развития, в связи со всей общественной жизнью. Говоря о большевистских подпольных библиотеках, их методах работы, мы должны хотя бы вкратце коснуться партийной организационной и агитационно-пропагандистской работы в массах, а также тех политических условий, которые эти библиотеки вызвали к жизни. Нельзя забывать при этом, где именно, в какой части России действовала та или другая нелегальная библиотека.

До революции 1905 года вся промышленность города Симбирска состояла из небольшого чугунно-литейного, двух винокуренных и одного пивоваренного заводов, нескольких типографий и паровой мельницы. Были еще пекарни, столярные и портновские мастерские, парикмахерские, в которых число рабочих колебалось от 1 до 15.

Симбирская губерния была сугубо сельскохозяйственной. Незначительное число суконных (грубошерстных) фабрик, винокуренных и стекольных заводов мало меняло характер экономики губернии.

Расслоение крестьянства в губернии шло так, как это описывал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Крестьяне страдали от безземелья и малоземелья, брали у помещиков на кабальных условиях в аренду землю, количество безлошадных и безземельных крестьян увеличивалось из года в год.

Промышленный кризис в России 1900—1903 гг. оставил без работы свыше ста тысяч человек. Борьба рабочих принимала все более революционный характер, от экономических требований рабочие перешли к лозунгу «долой царское самодержавие». Обуховская забастовка 1901 г., вылившаяся в кровавое

столкновение рабочих с полицией и войсками, вызвала волну солидарности среди рабочих всей страны. Революционное пролетарское движение оказало влияние на пробуждение трудящихся масс и в Симбирске.

Возникновение в Симбирске группы социал-демократов относится к концу 1901 года. Остановимся кратко на том, как это произошло. Только что окончившие Симбирское городское 6-классное училище его первый и второй ученики — Василий Орлов — сын приказчика, и Валентин Рябиков — сын служащего винного завода Сачкова — после экзаменов поехали в Казань для поступления в Промышленное училище. Поступить в училище удалось только Орлову, Рябикову же в приеме было отказано «как опасному в религиозном отношении». «Неблагонадежность» его заключалась в том, что в поисках правды и справедливости он во время уроков закона божия задавал священнику вопросы, которые ставили преподавателя закона божия, академика, в тупик, что подрывало в классе его авторитет, расшатывало наивную веру в бога у религиозных учеников. По доносу этого «батюшки» Валентину и было отказано в приеме в Казанское промышленное училище. Оба друга на примере действия поповского доноса начали понимать систему сыска и расправы царских слуг в мрачные годы царизма. Валентин вернулся в Симбирск и поступил на службу в местную почтово-телеграфную контору.

В конце 1901 г. Валентин получил от Василия из Казани двухфунтовую почтовую посылку с различной нелегальной литературой. Здесь были прокламации Казанской социал-демократической организации, популярная политическая литература, сборники революционных песен, антирелигиозные брошюры, антицерковная литература, в частности, брошюра Л. Толстого «В чем моя вера» и другие.

Присланная в посылке нелегальная и полулегальная литература стала основой подпольной библиотечки в Симбирске.

Полученную литературу Валентин начал распространять среди учащихся ремесленного училища графа Орлова-Давыдова. В этом училище обучались мастерству исключительно дети рабочих, крестьян и бедных горожан. Из училища выходили мастера по металлу, деревообделочники, механики. Связь с ремесленниками установилась через ученика старшего класса Ивана Пахомова, заходившего к Валентину за книгами раз в неделю.

Библиотечка непрерывно пополнялась новой литературой, присылаемой Василием из Саратова, куда он перевелся из Казани в 1902 г. Среди присланной литературы оказалась книга Каутского «Экономическое учение К. Маркса». Эта книга была прислана на время, поэтому Валентин принужден был ее переписать, делая это по ночам в течение месяца.

Появление книги Каутского, а затем и других марксистских работ сделало фонд библиотечки более фундаментальным. Будущие пролетарии зачитывались в своем общежитии нелегальной литературой и многие из них получили свое первое марксистское образование при ее содействии. При выдаче книг учащимся учитывался возраст, общее развитие и надежность читателя.

Со временем библиотека стала обслуживать учеников фельдшерской школы. Учащиеся этой школы — Чарочникова, Матвеева, Макс и другие — организовали кружок, в котором читали всю получаемую из библиотечки нелегальную литературу; читали в кружке и легальные марксистские книги. Из этого кружка вышли первые пропагандисты симбирской организации социал-демократов; Чарочникова стала техническим секретарем группы. Значение связи библиотеки с учащимися ремесленного училища и фельдшерской школы для дальнейшей организации партийной работы в Симбирске и в Симбирской губернии трудно переоценить. Окончившие эти школы и получившие в кружках начальные знания по марксизму шли потом работать на предприятия, в деревню, становились там пионерами партийной подпольной работы.

Несколько позже Рябиков стал распространять нелегальную литературу из библиотечки среди служащих и рабочих Симбирской почтово-телеграфной конторы, насчитывавшей, примерно, человек 300. С большой осторожностью здесь был создан постоянный круг читателей, постепенно разраставшийся. Во время ночного дежурства в аппаратной телеграфисты отдавали Валентину прочитанные книги и получали взамен другие. Подходили и новые читатели и шопотом просили: «Может, дашь чего-нибудь почитать, я, ей-богу, не подведу». Униженные, обезличенные и запуганные мелкие почтовые чиновники пробуждались вместе со всею страной. Но кто-то из чиновников проговорился и на донос начальника конторы, взяточника Воробьева, из Казанского округа связи поступила телеграмма, имевшая к Валентину прямое отношение: «Нам такого не нужно». Валентин был уволен с «волчьим билетом», т. е. без права поступления на государственную службу.

Освободившись от суточных дежурств на телеграфе, Валентин Рябиков целиком отдался политической работе.

Отец Василия Орлова работал в Симбирске приказчиком в магазине; до сих пор остается неизвестным, каким образом в его адрес начала приходить «Искра». Повидимому, кто-то из казанских или саратовских товарищей Василия, работавшего в это время в группе саратовской социал-демократической организации учащихся, дал заграницу этот адрес. Сперва «Искра» пришла на адрес магазина в заграничном фирменном конверте, а потом стала приходить заклеенной между слоями картон-

39—49

ной трубки, в которую был вложен какой-нибудь детский рисунок или картинка. Отец Василия не имел никакого отношения к политике, но знал, что ею занимается его сын, и не противился получению сначала «Искры», а потом и других нелегальных газет.

Пока за распространение нелегальной литературы пострадал только Валентин; скоро, однако, жандармы добрались и до Василия. Зимой 1902 года Валентин получил из Саратова условную анонимную телеграмму: «Вася опасно заболел», что означало, что Василий арестован. Пришлось принять меры к спасению нелегальной библиотеки. Часть книг и листков была роздана читателям, а часть Валентин замуровал в потолочной части голландской печи. Меры предосторожности были приняты своевременно. Не прошло и недели, как на квартиру, где жил Валентин, нагрянули полицейские и жандармы, возглавляемые прокурором и помощником полицмейстера. Тщательный обыск не дал жандармам никаких результатов, но все же Валентин был арестован и под конвоем отправлен в губернскую тюрьму. Допросы Валентина в течение трех месяцев дали жандармам не больше того, что им дал обыск. Валентин отвечать отказался. И вот однажды в своей одиночке Валентин получил передачу из дома. В одной из булочек он обнаружил бумажную трубочку, оказавшуюся запиской: «Я приехал, из тюрьмы меня выпустили, из училища выгнали. У меня изъято твое письмо, не сознавайся, не унывай, пиши на салфетках от передачи соком лимона. Василий». На следующем же допросе Валентин заявил, что никаких писем Василию он не писал, но допускает, что письмо мог писать приехавший в Симбирск реалист Иван Васильевич Ильин — репетитор сестры Орлова. Родители Орлова на допросе подтвердили существование вымышленного Ильина, сообщив дополнительно, что Ильин в последнее время почему-то не приходит заниматься с их дочкой; подготовленные соседи по квартире указали полиции даже приметы мифического реалиста. Жандармы, попавшись на эту детскую удочку, принялись разыскивать Ильина, а Валентина выпустили под надзор полиции.

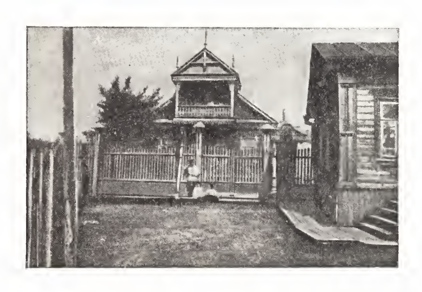
В Казани и в Саратове Василий приобрел некоторый опыт нелегальной работы, оставалось применить его и в Симбирске.

Второй съезд партии повысил спрос членов группы на партийную литературу. С трудом удалось достать «Что делать?» Ленина; купили у самарской социал-демократической организации «Эрфуртскую программу» К. Каутского; присвоили из общественной библиотеки, уплатив 10 р. за утерю, «Развитие капитализма в России», оправдывая себя тем, что эта книга в библиотеке не имеет спроса; раздобыли Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и другие подобного рода произведения.

Образовавшиеся кружки рабочих, фельдшеров, семинаристов, служилой интеллигенции предъявили в свою очередь требование на самую разнообразную литературу для самообразования как нелегальную, так и легальную. Недостаток в библиотеке марксистских книг вынуждал пользоваться и немарксистской литературой. В библиотеке были: «Политическая экономия» А. И. Чупрова, «Очерки политической экономии» В. Я. Железнова, «Курс русской истории» В. О. Ключевского, «Эпоха великих реформ» Г. А. Джаншиева, «Психология» Джемса, «История культуры» Липперта и другие. Такие книги читались сообща. Зная, что тот или иной автор не марксист, более опытный из товарищей разъяснял его идеологические концепции. Таким образом, членам кружка приходилось учиться марксизму не только по марксистским книгам. Это повышало уменье вникать в существо вопроса, критически разбираться в разных мнениях и суждениях. Книги немарксистского содержания давались только кружкам, члены которых были более подготовленными.

Нелегальная библиотека продолжала расти, в ней было уже до 250 названий книг и брошюр.

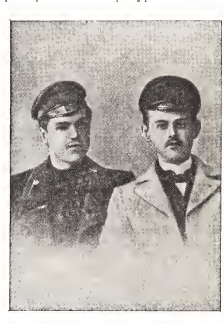
Родители Орлова, имея большую семью, построили во Введенском переулке, при спуске от главной улицы города к Волге, деревянный домик с мезонином. Валентин, отец которого к

Симбирск. Дом, в мезонине которого помещались книги нелегальной библиотеки большевистской организации. 1903—1906 гг

этому времени умер, переехал к Орловым. Вместе с Василием они заняли мезонин, что дало им возможность избежать наблюдения за их работой со стороны членов семьи. Здесь печатались прокламации и здесь же за стеной мезонина они устроили большое конспиративное помещение, где хранились библиотечные книги, а позже — и оружие.

В 1904 году в Симбирск прибыл агент ЦК партии В. Н. Соколов[1] с целью организации транзитных перевозок через Симбирск нелегальной литературы, печатаемой Бакинской типографией, известной под названием «Нина». Эта типография была организована в 1901 г. и после раскола партии на II съезде осталась в руках большевиков. За время своего существования типография издала и переслала по организациям свыше одного миллиона экземпляров разной литературы весом в 548 пудов[2]. Литература эта рассылалась по всей стране и способствовала созданию нелегальных библиотек на местах. Симбирская группа, став транзитным звеном, оставляла из присылаемой литературы один-два экземпляра каждого названия для своей библиотеки, в которой все больше и больше появлялось большевистской литературы. Несколько позже в Симбирск стала прибывать нелегальная литература из-за границы через Одессу. В больших ящиках с заграничными клеймами и надписями на иностранных языках приходила главным образом книжная литература. С первой партией этой литературы приехал агент «Виктор» с явкой к Василию и Валентину. Придя на квартиру Орловых, Виктор никак не мог поверить, что эти стоявшие перед ним два юнца и есть те самые товарищи, к которым он привез

«Младенец старший» (Валентин Рябиков) и «Младенец младший» (Василий Орлов)

[1] Соколов В. Н., член РСДРП с 1898 г., автор книги «Партбилет № 0046340».

[2] Бакинская типография. — Большая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1930, стр. 397—398.

груз нелегальной литературы большой ценности, а когда убедился в этом, то удивленно воскликнул: «Ну, и младенцы!». С тех пор в поволжских организациях за Василием установилась кличка «Младенец младший», а за Валентином — «Младенец старший».

Увеличение числа членов симбирской организации большевиков заставило по-новому организовать нелегальную библиотечную работу. Нельзя было допускать, чтобы на конспиративную квартиру «младенцев» ежедневно приходили за литературой десятки товарищей. Такая неосторожность могла привести к провалу не только библиотеки, но и группы по транзиту литературы. Было вынесено решение создать передвижные «карманные библиотечки». Каждый организатор на предприятии, как, например, Миша Гимов на чугунно-литейном заводе Соколова, стал получать на одну-две недели пачку брошюр и прокламаций; таким образом он сам становился библиотекарем и приходил обменивать книги к «младенцам» гораздо реже, нежели до этого. Такая организация пользования библиотекой дала положительные результаты: улучшилась конспирация, ускорился оборот литературы.

Особенно большую работу группе пришлось вести с началом русско-японской войны. Выпуск прокламаций в то время увеличился в несколько раз. Кризис промышленности, мобилизация в армию, поражения царских войск усиливали недовольство населения, ненависть к царизму. В декабре 1904 г. вспыхнула бакинская забастовка, которая послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России.

Стачки, «Кровавое воскресенье» 9 января положили начало революции, вызвали в массах интерес к политике и общественной жизни. Библиотекари карманных библиотек стали предъявлять большой спрос на книги и прокламации. Библиотекарям и руководителям кружков много приходилось работать над повышением уровня своих политических знаний, они нуждались в книгах не менее других.

Полученный группой первый том «Капитала» Маркса, произведения Ленина, Плеханова прочитывались вместе кружком в 20 человек. Страстные споры о прочитанном затягивались иногда до рассвета. Во главе этого кружка стоял студент Военно-Медицинской академии Юрий Кролюницкий, прибывший в Симбирск рядовым в местную воинскую часть как исключенный из Академии за принадлежность к социал-демократической партии. Он разъяснял членам кружка все трудные для понимания места в книгах по вопросам политики, экономики, философии. Вскоре в группу вошли студенты Московского университета П. Винокуров и А. Георгиевский, оба местные уроженцы, хорошо знавшие условия работы. Эти товарищи привлекли в группу еще нескольких студентов.

Необходимо сказать несколько подробнее о том, как симбирские большевики вели пропагандистскую работу, которой много помогала подпольная библиотека. Товарищи, руководившие агитацией и пропагандой, пришли к выводу, что коллективное чтение книг начинающими приобщаться к общественной работе было весьма эффективным. При совместном чтении книга становилась более доступной, так как более сильные помогали слабым. Руководитель кружка наблюдал за выступлениями членов кружка, помогал им разбираться в прочитанном и одновременно определял степень усвоения прочитанного отдельными товарищами, их общее развитие и наклонности. При обсуждении прочитанных книг страстные прения затягивались до глубокой ночи; «молчальников», как правило, не было, выступали все. Через столкновение мнений точка зрения автора, его аргументация становилась яснее, прочитанное усваивалось глубже. К тому же занятия в кружках приучали людей быстро формулировать свои мысли, оспаривать неправильные мнения, выступать на собраниях.

С ростом партийной организации стали возникать рабочие кружки; в них велась лекционная работа. Перед началом занятий пропагандист обычно выяснял уровень развития своих слушателей. От каждого пропагандиста требовалось, чтобы он говорил популярно, приводил примеры по возможности из местной жизни. Для лучшего понимания прочитанной лекции пропагандист рекомендовал слушателям определенную литературу, а после задавал им вопросы о прочитанном, выясняя, понравилась ли им та или иная брошюра или книга, понятна ли она. Обычно члены рабочих кружков интересовались и вопросами, выходящими за рамки программы кружка. Пропагандист всегда отвечал на такие вопросы, рекомендовал и в таких случаях соответствующую литературу, а подчас и приносил нужные книги из библиотеки.

Слушатели кружков иногда вели конспекты читаемых книг, формулировки наиболее ответственных положений записывались при содействии пропагандистов.

Никаких итоговых занятий в кружках тогда не существовало; каким же способом определял пропагандист, что и как усвоил каждый член кружка, можно ли доверить ему партийную работу? Только постоянные встречи и беседы с членами своего кружка давали пропагандисту возможность правильно оценить уровень политических знаний каждого из них, уменье отстаивать свое мнение. Но надо было знать не только это. Член кружка, обладающий хорошей памятью и способностью излагать прочитанное, мог иногда гладко ответить на поставленные вопросы, но его подготовленность к вступлению в партию проверялась еще на практической подпольной работе. Если

член кружка выполнял с охотой любое, хотя бы и весьма рискованное поручение партийной организации, то, значит, он правильно воспринял идеи революционного марксизма, достоин стать членом партии, пользоваться ее доверием.

Революционное движение захватывало все более и более широкие массы, просыпалась от векового сна и деревня. К счастью, в Симбирск прибыли два новых земляка, крупные для того времени партийные работники — Дмитрий Ильич Ульянов [1] и Зиновий Петрович Соловьев [2]. С их приездом группа получила возможность создать коллегию пропагандистов. Коллегия делилась на три секции: руководившую работой в городе, во главе которой стояли П. Винокуров и А. Георгиевский, руководившую работой среди крестьянства во главе с учителем Агафоновым и двумя местными товарищами из числа студентов, и руководившую работой среди учащихся, во главе которой был Д. И. Ульянов. С помощью Д. И. Ульянова и З. П. Соловьева секции вырабатывали программы занятий в кружках высшего типа (для пропагандистов), среднего и низшего. Эти программы были связаны между собою, что создавало возможность перехода слушателей из низшего кружка в высший. Каждая программа кончалась списком книг, которые должны были прочитать члены кружка. В связи с этим к библиотеке были предъявлены новые требования.

В списке книг, рекомендованных для кружков и для самообразования, было немало редких или дорогостоящих. В этом случае помогли домашние библиотеки Ульяновых, Соловьева и еще одного врача, примыкавшего к социал-демократам; пользовались книгами и из местных городских библиотек.

Распространение нелегальной литературы не ограничивалось только библиотечной работой. В сотни, а затем во многие тысячи раз увеличивалось число читателей нелегальной литературы, благодаря массовому распространению прокламаций и листовок помимо библиотеки. Формы такого распростране-

---

[1] Ульянов Д. И. (1874—1943) — родной брат Владимира Ильича, член КПСС с 1903 г. В 1897 г. был арестован за революционную деятельность. После окончания Юрьевского университета в 1902 г. работал врачом в Херсонском земстве. В 1903 г. работал в «Искре». Делегат II съезда от Тулы. В 1904 г. был арестован в Киеве. После Великой Октябрьской социалистической революции в 1919 г. был членом Евпаторийского Ревкома, затем зам. пред. Крымского СНК, в 1920 г. — член Крымского Обкома ВКП(б). С 1921 г. работал в Наркомздраве.

[2] Соловьев З. П. (1876—1928) — член КПСС с 1898 г. Первый раз был арестован в 1899 г. С начала 1905 по февраль 1906 г. работал в Симбирским губернском земстве. В 1909 г. арестован в Саратове и выслан в Вологодскую губ. В советское время был начальником воен. сан. упр. Советской Армии, пред. Российского Красного Креста, профессор Второго Медицинского института, основатель «Артека». Умер в Москве в 1928 г.

ния менялись в зависимости от условий конспирации, от политической обстановки. До революции 1905 года прокламации расклеивали ночью по заборам, разбрасывали по улицам, по заводским дворам, подкладывали в ящики верстаков на предприятиях, бросали в дверные почтовые ящики, пересылали по почте. Распространение прокламаций шло и другими путями. Однажды в Симбирск прибыла на гастроли знаменитая артистка Вера Федоровна Комиссаржевская, человек передовой, прогрессивный. Посланному к ней казначею партийной группы она дала 25 рублей на революционную работу и 25 контрамарок для рабочих. Последние, среди которых были и члены партийной группы, получив контрамарки, разместились на галерке. Когда после первого антракта огни в зрительном зале потухли, с галерки во все стороны веером полетели прокламации. Это произвело неописуемое впечатление. Симбирск за все время своего существования не видел ничего подобного.

Второй яркий пример массового распространения прокламаций относится к началу русско-японской войны. Группа напечатала на гектографе 4 000 экземпляров прокламаций против войны. Воинское управление, куда съезжались со всей губернии призванные на военную службу, находилось на Сенной улице, в центре города. Эта улица с утра была заполнена до отказа новобранцами и охранялась с обоих концов густой цепью городовых. С четырьмя пачками по тысяче штук прокламаций в каждой «младенцы» подошли к Сенной улице со стороны толкучки. Но как можно было среди бела дня на глазах у городовых раздавать прокламации новобранцам? Плохие минуты переживали в этот момент «младенцы», один для конспирации одетый в отцовское пальто с рыжим воротником, а другой в надвинутом на шапку башлыке (была зима). Десятка два мальчишек катались на коньках около толкучки, мешая прохожим, и вдруг мысль:

— Ребята, хотите заработать по гривеннику на брата?

— Хотим, дяденьки, хотим, а что надо делать?

— Вот вам объявления о продаже теплых шапок, раздайте их вон тем солдатам. Вот вы идите с той стороны улицы и начинайте раздавать, а вы зайдите через двор типографии Токарева и раздавайте объявления в середине улицы, вы — начинайте с этого конца, где городовые, а вот вы — бегите по главной улице. Да смотрите, нужно кричать громче: «Купите шапки теплые!»

— А гривенник? — с сомнением в голосе спросили ребята.

— Вот держите по гривеннику, а как раздадите, приходите сюда и получите еще по гривеннику.

Что тут началось, трудно себе представить. Ребята с криком — купите шапки теплые! — неслись по улице, группа за группой врывались в толпу новобранцев, в руках которых

быстро забелели прокламации. Раздача объявлений по улицам была обычным делом и потому городовые не мешали ребятам, мирно постукивая на морозе нога об ногу. Фокус с шапками открылся случайно. Один из мальчуганов на главной улице порекомендовал купить теплую шапку офицеру. Офицер быстро пробежал глазами всунутую ему в руку бумажку и кинулся за мальчиком, а тот с испугу стал удирать и, чтобы легче было бежать, бросил прокламации. Все же он был пойман и на допросе сообщил приметы продавцов теплых шапок. Вероятно, в этот день пострадали многие обыватели Симбирска, которые были одеты в пальто с рыжими воротниками и ходили в башлыках.

Особенно много прокламаций распространялось обычно перед 1-м мая. В ночь перед этим пролетарским праздником на разбрасывание прокламаций выходила почти вся организация.

Много прокламаций разбрасывалось также в полях за городом к моменту прихода многих тысяч богомольцев с иконой казанской божьей матери.

Были и другие способы распространения прокламаций среди широких масс в годы перед первой русской революцией. Как правило, массовое распространение прокламаций приводило к повышению спроса на революционную литературу, нелегальной библиотеке прибавлялось работы.

В период революции 1905 года многие нелегальные издания стали выходить легально и распространялись они некоторое время беспрепятственно. Большевики использовали дни свободы для выпуска своей литературы как научной, так и агитационно-пропагандистской; к осени 1905 г. в стране не осталось, вероятно, ни одного уголка, куда не проникли бы большевистские книги, брошюры, листовки.

Под давлением революционного движения пролетариата царское правительство принуждено было издать манифест от 17 октября 1905 г., которым разрешалась свобода слова, собраний и союзов. Революционное движение разлилось еще шире, но либеральная буржуазия стала отходить от него. В это время и в Симбирской группе социал-демократов тоже произошли значительные изменения. Вместо гектографа и мимеографа стал работать типографский станок, выпускавший прокламации в удвоенном против прежнего количестве; число кружков быстро росло; митинги, собрания происходили систематически как в городе, так и в деревне.

За короткое время группа организовала 9 профсоюзов. С начала своего возникновения профсоюзы шли за большевиками. Революция развивалась по пути, который предвидел III съезд партии и о котором писал Владимир Ильич в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Лозунги съезда о немедленной организации рево-

люционных крестьянских комитетов для проведения революционным путем всех демократических преобразований вплоть до конфискации помещичьей земли помогли симбирским большевикам по-новому развернуть работу среди крестьян. Потребность крестьян в партийной литературе увеличилась в несколько раз, и, конечно, ни ручной станок, ни библиотека удовлетворить эту потребность уже не могли. Нужно было снова перестраивать работу, чтобы приблизить имеющуюся литературу к деревне. С этой целью решили и там организовать небольшие библиотечки по типу «карманных». Агитатор, отправляясь в деревни, брал с собой по пачке литературы на каждую деревню, где он должен был побывать. Библиотечка сдавалась особо проверенному крестьянину, который, обычно, прятал нелегальщину в чистой тряпице за икону, в надежде, что полиция туда не полезет. В следующую поездку агитатор обменивал книги библиотечки на новые. Снабжая деревню литературой, агитаторы проделали большую работу, укрепляя таким путем связи партии с крестьянством (к 1906 году имелась связь с крестьянами 40 сел и деревень) [1].

Столкнувшись с огромным спросом на политическую литературу, симбирские большевики, во-первых, при помощи ЦК партии приобрели в Петербурге на имя подставного лица новую американскую печатную машину «бостонку» и стали выпускать в большом количестве прокламации и брошюры, во-вторых, открыли на главной улице города красивый книжный киоск в стиле «модерн» для продажи книг политического содержания.

С открытием киоска у рабочих и вообще у горожан появилась возможность приобретать интересующие их книги, составлять свои библиотечки, чего они раньше делать не могли за отсутствием в городе книжной торговли политической литературой. Киоск имел как политические, так и общеобразовательные книги, продавал чрезвычайно популярные в то время юмористические журналы («Зритель», «Пулемет» и др.), книги и брошюры, выпускавшиеся издательствами Мягкова «Колокол», «Донская речь», «Молот», «Буревестник», «Знание» и многими другими. Из этого же киоска социал-демократическая группа пополняла частично и свою библиотеку.

Организация большевиков в Симбирске к этому времени насчитывала до 400 членов, иначе говоря, большевистская группа выросла до значительной партийной организации. Был избран партийный комитет.

Страна подходила к вооруженному восстанию, к вооруженной борьбе готовились и симбирские большевики. Но ни на

---

[1] 1905 г. в Симбирске. Сборник по истории революционного движения в губернии в 1905—6 годах. Ульяновск, Истпартотдел Ульяновского губкома РКП(б), 1925.

один день не прекращали они своей агитационно-пропагандистской работы в широких массах, не прекращали библиотечной работы.

Прежние методы и формы работы библиотеки уже не соответствовали требованиям разросшейся организации. Комитет пришел к выводу о необходимости создать отдельно для рабочих и отдельно для солдат полулегальные библиотеки-читальни. У знакомых домовладельцев сняли для этого две квартиры. Библиотека для рабочих состояла из двух комнат для чтений и одной — для хранения книг. Эта библиотека-читальня была на Шатальной улице, солдатская помещалась около казарм и была более законспирирована. Третья библиотека — ученическая — находилась на квартире одного гимназиста.

Рабочие после работы, а солдаты после военной муштры шли в свои библиотеки-читальни. Согласно установленному правилу, читатели приходили в библиотеку и уходили из нее по одиночке, книг открыто в руках не носили. Приятно было видеть рабочих и солдат за книгой в библиотеке. Эти плохо грамотные люди, не бравшие раньше в руки ни газет, ни книг (кроме, может быть, лубочного Бовы-королевича), с жадностью набрасывались на книги и брошюры, отвечавшие на вопросы о жизни и борьбе.

Постепенно реакция, распространяясь по стране, докатилась и до Симбирска. Митинги губернатором были строго запрещены, а созванные явочным порядком разгонялись силой. Напор реакций вызвал сопротивление масс, но это уже не могло повлиять на ход событий. Летом 1906 года рыночные торговцы с помощью своих «молодцов» разгромили манифестацию, подошедшую к губернской тюрьме на базарной площади. Среди манифестантов оказалось много раненых и искалеченных.

В такой обстановке комитет принял меры к усилению конспирации; собрания проходили под охраной дружинников. Узнав о намерении черносотенцев разгромить книжный киоск, комитет дал указание перевести его во двор дома Орловых.

Партийная организация перестроилась и ушла в подполье. Возник вопрос и о библиотеках. Рабочую и солдатскую библиотеки пришлось закрыть, так как дальнейшее их существование угрожало провалом и им и партийной организации. Нелегальные книги этих библиотек были распределены по предприятиям среди партийцев, легальные — по профсоюзам, которые пока еще существовали. Только ученическая библиотека продолжала свою работу, ограничившись сокращением круга своих читателей.

В сентябре 1906 года, в связи с покушением эсеров на симбирского губернатора, в городе произошли массовые обыски и облавы. Кролюницкий и «младенец младший» не ночевали

дома и избежали ареста, «младенец старший» был во время обыска арестован, но бежал. В тот же день на срочно созванном собрании комитета было решено Кролюницкому и обоим «младенцам» немедленно выехать из Симбирска и перейти на нелегальное положение. Все дела комитета были переданы Винокурову и другим оставшимся членам комитета.

Аресты продолжались. Две городские тюрьмы были переполнены политическими. У некоторых из арестованных были отобраны и книги из нелегальной библиотеки, но значительная часть их все же сохранилась на руках у отдельных товарищей.

Таков путь, который прошла библиотека Симбирской организации большевиков в 1901—1906 годах. Она сыграла большую организующую, агитационно-пропагандистскую и просветительную роль в годы первой русской революции на родине Владимира Ильича Ленина.

Время шло. Через десять лет победа Великой Октябрьской социалистической революции положила в нашей стране конец капитализму и возвестила начало новой эры — эры социализма. На фоне величайших революционных событий, потрясающих последние десятилетия весь мир, революционное прошлое Симбирска казалось совсем далеким. Но вот в 1950 г. проживающий в Москве «младенец старший», имевший к этому времени 65 лет от роду, неожиданно получил от работников Партийного архива Ульяновского обкома ВКП(б) сообщение о том, что при сносе дома № 1 по улице Радищева в августе 1950 г. в его стене найден каталог книг Симбирской группы РСДРП и сохранившееся почти полностью красное шелковое знамя группы с надписью золотистым шнуром «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Оставшиеся в живых члены бывшего Симбирского комитета большевиков П. Винокуров, А. Георгиевский и В. Рябиков, автор данной статьи, крайне обрадованные находкой, попросили ульяновских товарищей Бутаева и Кривова прислать им копию с этого каталога. Знакомство с найденным каталогом показало, что перечисленная в нем нелегальная литература — это лишь небольшая часть прежней нелегальной библиотеки, собранной после разгрома большевистской организации осенью 1906 года, но и эта часть представляет значительный интерес, почему и дается в качестве приложения к этой статье.

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о возникновении и работе подпольной библиотеки Симбирской организации большевиков за годы с 1901 по 1906.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ

ИЗДАНИЕ СИМБИРСКОЙ ГРУППЫ РСДРП
1906 г.

[1] Материал, найденный в стене дома № 1 по ул. Радищева г. Ульяновска в августе 1950 года.

БРОШЮРЫ ИЗДАНИЯ ПАРТИИ С.-Д.

Бакинская стачка в декабре 1904 г.
Бебель А. О Бернштейне.
Бебель А. Социалистическое общество.
Доклад делегации РСДРП Амстердамскому конгрессу.
Каутский К. Эрфуртская программа.
Каутский К. Классовые интересы.
Каутский К. Социальная революция.
Лассаль Ф. О сущности конституции.
Лассаль Ф. Гласный ответ Центральному Комитету.
Лассаль Ф. Программа работников.
Лафарг П. Религия капитала.
Либкнехт К. От обороны к нападению.
Либкнехт К. Пауки и мухи.
Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.
Маркс К. Гражданская война во Франции.
Маркс К. Первый манифест 1864 г.
Маркс К. Революция и контрреволюция.

ИЗДАНИЯ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ С.-Д.

Ко всем рабочим.
Как отобрать землю помещиков и уделов.
К рабочим и работницам г. Москвы.
К рабочим Лефортовского района.
Песни борьбы.
Отчет о распространении литературы.

ИЗДАНИЯ САМАРСКОГО КОМИТЕТА С.-Д.

К рабочим и крестьянам (Ц. К.).
О чем говорили с царем земские и городские представители.
Господа и братцы.
Всеобщая стачка.
К крестьянам.
К крестьянам о Государственной думе.
К железнодорожным служащим и рабочим.
К рабочим.

К новобранцам.
Царская служба.
Отчет за июнь.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО КОМИТЕТА С.-Д.

Граждане! Холера идет...
К татарам.
Он прощает.
Новый обман.
Ко всем рабочнм н работницам.
К новобранцам.
Ко всем.
К обществу.
В память 9 января.
К запасным.
Всенародное Учредительное Собрание.
Солдатская памятка.
Второе воззвание к рабочнм.
Ко всем гражданам Росснн (Ц. К.).
Ко всем прнказчнкам г. Казанн, русскнм и татарам.
Крестьянской бедноте.
Бюллетень № 4 (по поводу органнзацни губернатором Хомутовым еврейскнх погромов в Казанн).
К офнцерам русскнх войск.

ИЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА С.-Д.

Ко всему цнвнлнзованному мнру.
Пнсьмо крестьянам.
К учащейся молодежн.
К рабочему люду.
Кто будет платнть контрнбуцнн.
Ко всем рабочнм н солдатам Москвы.
К новобранцам.
Они столковалнсь!
Борьба началась.
Ко всем рабочнм н работнвцам г. Серпухова.
Вы знаете нз газет об ужасах.
К офнцерам русскнх войск.
Плеханов Г. В. Новый поход протнв русскнх с.-д.
Плеханов Г. В. На два фронта.

Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов.
Песни.
Песни борьбы.
Первое мая в России.
Песни революции.

ИЗДАНИЯ «ИСКРЫ»

К железнодорожным рабочим и служащим.
Восстание в Одессе.
Суд над крестьянами.
От матроса к солдату.
Пора кончать.
Идти ли на войну.
К солдатам.
Первая победа революции.
В бой за свободу.
Пора.
Социал-демократы на суде.

ИЗДАНИЯ СИМБИРСКОЙ ГРУППЫ С.-Д.[1]

К всем запасным.
К новобранцам.
К солдатам.
Рабочим (Как весенний поток...).
Типографщикам.
Дорогой ценой достается.
Солдаты!
Наша партия и война (Ц. К.).
К типографщикам.
К рабочим города Симбирска.
Требования типографщиков.
К обществу.
Товарищи новобранцы!
Резолюция учеников городского училища.
Об аграрной программе.
К рабочим фабрики Кузнецовых.
Граждане! (Что может дать народу Дума, стоящая на страже интересов помещиков и капиталистов).
К крестьянам (по поводу созыва 1-й Госуд. думы).
Чего хотят социал-демократы.

[1] См. сборник: «Прокламации Симбирской организации РСДРП (1904—1907 гг.). Ульяновск, «Ульяновская правда», 1951.

Ко всем.
Революция идет.
Наши требования.
К товарищам крестьянам.
Правительство забило отбой.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ С.-Д.

«Искра»: №№ 8, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 24, 25, 25, 26, 26, 27, 27, 28, 29, 33, 34, 34, 35, 36, 37, 38, 38, 40, 41, 42, 43, 50, 50, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 59, 59, 60, 60, 65, 67, 68, 72, 73, 74, 75, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 80 (4 экз.), 83, 84, 85 (4 экз.), 86 (4 экз.), 87, 88, 89, 90 (3 экз.), 91, 92, 93 (3 экз.), 95, 96 (2 экз.), 97, 99 (2 экз.), 100, 101, 102, 104, 105, 108 (2 экз.), 110, 111 (2 экз.).

«Социал-демократ»: №№ 1 (2 экз.), 2, 3 (5 экз.), 4, 5, 8, 9, 10, 12 (3 экз.), 13, 14 (2 экз.), 15 (3 экз.).

«Пролетарий»: №№ 1, 4, 7, 10, 11 (4 экз.), 12, 13 (3 экз.)

«Вперед»: №№ 2, 3, 16, 17, 18.

«Рабочий» (ЦК): №№ 1, 2, 2, 4.

«Рабочий» (Казанского комитета) № 2.

«Южный рабочий» №№ 11, 18.

«Голос труда» №№ 3, 5, 7.

«Рассвет» № 4.

«Рабочее дело» №№ 6, 10.

«Работник» №№ 3, 4, 5, 6.

«Последние известия» № 1.

«Хроника» № 1.

«Листки жизни» № 8.

«Заря» №№ 2, 3, 4.

«Вперед». Журнал Симб. гор. училища №№ 1, 2.

МАТЕРИАЛЫ О ТЕКУЩЕЙ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ

Программа Российской с.-д. партии, принятая на втором съезде партии (Ц. К.).

Извещение о втором очередном съезде Российской соц.-демократ. рабочей партии (Ц. К.).

Полный текст протоколов II съезда РСДРП.

Комментарий к протоколам II съезда заграничной лиги русской революционной социальдемократии.

Главнейшие резолюции, принятые II очередным съездом РСДРП.

II съезд РСДРП. Отчет делегации Бунда.

Положение Бунда в РСДРП.

Извещение о III съезде Российской социальдемократической рабочей партии.

IV съезд всеобщего еврейского рабочего союза.

Резолюции, принятые на III съезде РСДРП.

Извещение о конференции соц.-дем. организаций в России.

Первая общерусская конференция партийных работников.

Конференция представителей организаций восточного района.

Заявление восточного бюро ЦК.

Основы партийной организации.

К вопросу о партийном объединении.

Л. К. Федоров

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ БИБЛИОТЕК НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 Нелегальная библиотека Бисерской социал-демократической (большевистской) группы

Бурная политическая жизнь в годы первой русской революции пробудила среди рабочих Бисерского завода и его шахт огромный интерес к газетам и книгам, содействовала быстрому росту их классового сознания. В глухом, заброшенном уральском углу, в значительной мере благодаря самостоятельному чтению, сформировались и местные вожаки революционного рабочего движения. Об этом очень просто и убедительно рассказано Петром Петровичем Ермаковым в его книге «Воспоминания горнорабочего» [1].

Из этих воспоминаний мы узнаем также, какие книги и как проникали на завод в конце прошлого столетия и в самом начале настоящего. В этом отношении очень показательна биография самого Петра Петровича. Читать он начал в школьные годы. Влечение к чтению развилось в нем под влиянием отца, который погиб во время обвала шахты. Мальчику в это время было 9 лет.

«Отец мой, — пишет Ермаков, — очень любил читать. Когда он погиб, в котомке его вместе с остатком ржаного хлеба, мешочком соли и махоркой оказалось 5 книжечек Льва Толстого.

Где он их добыл, не знаю. На вышке дома в лубяном коробке я нашел позже еще около десятка различных книг. Тут была химия Ломоносова, издание XVIII века, отдельные номера журналов «Отечественные записки», «Мир божий», «Календарь Гатцука», Салтыкова-Щедрина «Господа Ташкентцы» и другие» [2].

---

[1] Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, Облгиз, 1947. 168 стр.
[2] Там же, стр. 12.

Несколько позднее мальчик благодаря учительнице Анне Архиповне познакомился с произведениями русских писателей и поэтов. Раз привезла она десятка три книг — произведения Пушкина, Жуковского, Кольцова, Некрасова, Лермонтова, Никитина. У себя на квартире стала она давать ученикам читать эти книги, а вскоре за детьми потянулись и взрослые. Но, к великому огорчению всех пользовавшихся этими книгами, священник запретил учительнице принимать у себя на квартире не только взрослых, но и детей. «Так погасла загоревшаяся было в нашем темном уголке искорка, — пишет Ермаков. — Лично я успел прочитать два гаршинских рассказа «Сигнал» и «Четыре дня на поле сражения», Пушкина «Станционный смотритель», Некрасова «Генерал Топтыгин», и Кольцова «Лес» [1].

В 1894 году один из управляющих заводом организовал библиотеку для конторских служащих. Библиотекой и выпиской газет и журналов в конторе руководил старик-кассир, любивший художественную литературу. По его рекомендации контора завода выписывала газеты «Уральская жизнь», «Русские ведомости», «Русское слово», прогрессивный орган «Пермский край» и журналы: «Мир божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Нива», «Вокруг света», «Живописное обозрение». Из приложений к журналам, особенно к «Ниве», и составилась, главным образом, библиотека. Кроме того, выписывались произведения русских и иностранных классиков [2]. Только очень немногие рабочие решались обращаться в контору за газетами и книгами. К их числу принадлежал и Петр Петрович. Он не только сам читал книги из этой библиотеки, нс и давал их читать товарищам.

«Мы читали, — пишет в своих воспоминаниях П. П. Ермаков, — без всякого критического подхода, интересуясь лишь фабулой, а также переживаниями героев, и не всегда, разумеется, могли осмыслить основную идею произведения.

Но даже и такое чтение расширяло наш кругозор... Сильное впечатление произвело на нас чтение «Астрономических вечеров» Фламмариона, и какими наивными показались нам после этого церковные сказки о сотворении мира.

Из художественной литературы особенно нам нравились: «Дубровский» Пушкина, «Тарас Бульба» и «Ночь под рождество» Гоголя, «Мцыри» и «Герой нашего времени» Лермонтова, «Казаки» и «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, «Записки охотника» Тургенева.

Мы знали наизусть многие стихотворения Некрасова, но крупные его вещи, как «Декабристки», «Железная дорога»,

---

[1] Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, Облгиз, 1947, стр. 112.

[2] Там же, стр. 12.

«Медвежья охота» и «Кому живется весело, вольготно на Руси» нам были совсем не известны. Их в библиотеке тогда не было.

С особенным увлечением читали мы исторические романы Данилевского, Мордовцева, гр. Салиаса, Лажечникова и Загоскина. По этим романам мы впервые познакомились с историей восстаний Разина, Болотникова, Пугачева, гайдамаков на Украине — Зализняка, Саввы Чалого и др. У Данилевского я запомнил роман «Беглые в Новороссии». Несмотря на слащавость романа, восхваление справедливости «гуманных» представителей самодержавия, все же бессознательное возмущение безнаказанностью правящих классов, издевавшихся над беззащитными людьми из низшего сословия, глубокой обидой врезалось в наши сердца.

Из произведений Достоевского мы прочитали «Записки из мертвого дома» и «Братья Карамазовы»[1].

Тяжелая, плохо оплачиваемая работа, повседневная борьба за кусок хлеба, непрерывные стычки с штейгерами и мастерами, притеснявшими рабочих, заставляли рабочую молодежь задумываться о своей жизни, искать выхода из тяжелого положения.

Осенью 1903 года на завод в качестве горного смотрителя поступил высланный из Петербурга студент Горного института. Он завоевал доверие и любовь рабочих, но через несколько месяцев был арестован как «политик».

О «политиках» никто из рабочих ничего точно не знал. Поэтому в декабре 1904 года двое товарищей Ермакова—Петр Костарев и Яков Просвирнин отправились на Чусовской завод в надежде найти там «политиков» или по крайней мере узнать поточнее о них. Здесь их застали вести о расстреле рабочих в Петербурге 9 января 1905 года, здесь они принимали участие в рабочих собраниях, в распространении революционных листовок. Оба они были арестованы и сами стали «политиками».

Вернувшись через некоторое время в Бисеры, Костарев и Просвирнин вместе с Ермаковым начали всюду разыскивать политическую литературу. Это изменило всю их жизнь. «Я, — пишет Ермаков, — из обычного заводского парня, который ничем особенно не выделялся, так же, как и другие, гулял на вечерках, попивал водочку и время от времени развлекался молодежными драками, вдруг стал другим человеком: перестал пить, участвовать в драках и стал редко показываться на вечерках»[2].

---

[1] Ермаков П. П. Воспоминаиия горнорабочего. Свердловск, Облгиз, 1947, стр. 113.

[2] Там же, стр. 120.

Все внимание, все силы были поглощены поисками газет, книг, которые могли бы объяснить происходившие тогда события, но найти их в Бисерах было невозможно, так как в 1903 году и конторская библиотека была закрыта земским начальником за наличие в ней таких книг, как сборник стихотворений Некрасова и роман Золя — «Углекопы»[1].

Лишь после октябрьских событий 1905 года в Бисеры стали проникать прокламации, листовки, газеты, говорившие о революционном движении рабочих во всех уголках страны.

Под влиянием знакомства с литературой РСДРП организовался кружок рабочей молодежи, который вскоре превратился в партийную социал-демократическую группу. В апреле 1906 года группе удалось связаться с Пермским окружным комитетом РСДРП, откуда уже систематически стали получать газеты, книги, прокламации.

Практическая работа по организации в Бисерах Совета рабочих депутатов, борьба за повышение оплаты труда сочетались у молодых членов партии с упорной работой по повышению своих политических знаний и по распространению этих знаний среди рабочих. Представитель группы, побывавший в Перми, привез оттуда более 100 книг и брошюр. Эти книги составили первоначальный фонд библиотеки партийной группы. Библиотека эта была открыта без разрешения начальства — явочным порядком. Она сыграла большую роль в привлечении рабочих к чтению литературы, к беседам о прочитанном и происходящих событиях. Каждый вечер помещение волостного правления было битком набито, и рабочие с жадностью слушали чтение злободневной политической литературы и комментирование ее членами партийной группы.

Некоторые из привезенных книг, как, например, «Нищета философии» К. Маркса, оказались «не по зубам» бисерским рабочим. Перед партийной группой встала сложная задача подбора литературы, доступной пониманию мало начитанных рабочих. Руководителям партийной группы пришлось взяться за предварительный просмотр всей имеющейся политической литературы, что очень обогатило их знания, расширило их кругозор и позволило более или менее удачно отвечать на вопросы рабочих.

К концу 1907 г. в Бисере образовалась подпольная библиотека, насчитывавшая в своем фонде свыше 500 экземпляров книг и брошюр. Кроме политической литературы, имелась и беллетристика: рассказы М. Горького, Л. Андреева, Короленко, Скитальца и других писателей. Были и научные книги, главным образом, по истории.

[1] Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, Облгиз, 1947, стр. 131.

Особенно большим спросом пользовались такие книги, как «Царь голод» А. Баха, «Кто чем живет?» Дикштейна, «Богатство и труд» С. Струмилина, «Общество будущего» А. Бебеля, «На другой день социальной революции» К. Каутского [1].

В условиях жизни небольшого горняцкого поселка, куда только изредка приезжали члены Пермского комитета большевиков, молодым членам партии «приходилось вооружаться теорией для практической работы исключительно самостоятельным путем, черпая знания из книг и брошюр библиотеки» [2].

В наступившие затем годы реакции все труднее и труднее становилось доставать для библиотеки нелегальную партийную литературу. Надо было проявлять много находчивости и смелости, чтобы привозить из Перми новые книги, номера журналов, печатавшихся в подпольных типографиях. Помогала сплоченность рабочих, связь с партийной группой ближайшей железнодорожной станции «Теплая гора».

Благодаря этой связи удалось наладить более удобную транспортировку литературы. Из Перми привозила ее паровозная бригада, затем передавала конторщику-партийцу, который направлял литературу в пакгауз, а здесь ее получал старший брат Ермакова, Александр, который доставлял товары для Бисерского общества потребителей [3].

В феврале 1908 года произошел разгром бисерской партийной группы: П. П. Ермаков и Иван Вялых, бывший председатель Бисерского Совета рабочих депутатов, были арестованы и заключены в Пермскую тюрьму.

Партийная библиотека, при помощи которой бисерские партийцы путем самообразования непрерывно повышали свои политические знания, а затем передавали их массе рабочих, перестала существовать. Но привычка к чтению газет и книг, которая возникла в результате пользования этой небольшой библиотекой, у многих рабочих сохранилась на всю жизнь, что способствовало их общественной активности и в последующие годы.

2. Нелегальные библиотеки Клинского уезда, Московской губернии

В годы первой русской революции имелись целые уезды, в которых нелегальная библиотечная работа велась очень интенсивно. К числу таких уездов принадлежал Клинский уезд, Московской губернии.

---

[1] Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, Облгиз, 1947, стр. 139—141.
[2] Там же, стр. 154.
[3] Там же, стр. 150.

Следует помнить, что Клинский уезд имел значительное по тем временам количество промышленных предприятий, в том числе прядильно-ткацкую фабрику «Высоковская мануфактура» с пятью тысячами рабочих и работниц (фабрика эта существовала с 1879 года). На фабриках работали преимущественно местные крестьяне, многие из них, хотя и порвали связь с сельским хозяйством, жили в деревнях. Это накладывало отпечаток на всю работу уездной социал-демократической большевистской организации — в поле ее зрения постоянно были не только рабочие, но и крестьяне.

В годы революционного подъема большую культурно-просветительную работу вели некоторые врачи, учителя, повседневно соприкасавшиеся с крестьянством. Партийные организации умело направляли передовые устремления интеллигенции, в частности, привлекали ее и к распространению революционной литературы.

Успешному распространению книг способствовало то, что на Высоковской мануфактуре как мужская, так и женская молодежь в значительном своем большинстве кончала не обычные земские трехгодичные школы, где обучали чтению, письму, начаткам арифметики и закону божию, а министерские училища с пятилетним курсом, где кроме преподавания по расширенной программе указанных выше предметов, обучали также начаткам истории и географии. Это пробуждало любознательность, делало доступными книги о жизни и борьбе людей в разные времена и в разных странах. Такие министерские училища были и на Высоковской мануфактуре, и в селе Петровском, в 8 верстах от фабрики.

Это обстоятельство отчасти послужило причиной того, что во время стачки летом 1905 года среди требований, предъявленных администрации Высоковской мануфактуры, были выработанные на собрании инициативного кружка рабочих требования, касавшиеся и библиотечной работы. В пункте 8 требований говорилось о создании при фабрике библиотеки, о «бесплатном пользовании библиотекой—как ее книгами, так и газетами, о праве рабочих пополнять каталоги, какие нужны книги, их выписывать» [1]. Как видно из этих требований, рабочие не только хотели брать книги из библиотеки, но добивались возможности влиять на книжный состав библиотеки, права настаивать на приобретении для библиотеки нужной им литературы.

Что касается нелегальных библиотек, то прежде всего следует сказать о библиотеках Высоковской мануфактуры. На самой фабрике и в прилегающей к ней Петровской волости в годы революционного подъема (1905—1907 гг.) имелось три

[1] 1905 год в Клинском уезде. Сост. В. И. Орлов. М.—Л., «Моск. рабочий», 1931, стр. 19—20.

больших нелегальных социал-демократических, большевистских библиотеки с довольно хорошим подбором книг.

Основная Высоковская подпольная библиотека хранилась у крестьянина деревни Некрасино Василия Ивановича Тихомирова, работавшего шлихтовальщиком на Высоковской мануфактуре. Василий Иванович с исключительной добросовестностью относился к своим библиотечным обязанностям, бережно относился к порученным ему книгам, выдавал каждую из них только читателю, в котором был уверен как в человеке, который не выдаст, откуда взял книгу, и будет беречь ее.

Из этой библиотеки по мере надобности выделялись небольшие библиотечки. Так, например, когда, как уже говорилось, летом 1905 года на Высоковской мануфактуре разразилась стачка, каждый член стачечного комитета был снабжен небольшой библиотечкой. В состав этой библиотечки входили следующие книги: 1) К. Каутский «Эрфуртская программа» [1], 2) В. И. Ленин «К деревенской бедноте», 3) В. И. Ленин «Две тактики», 4) А. Н. Бах «Царь голод», 5) Л. Мартов «Рабочее дело», 6) Словарь иностранных слов. Потом по мере поступления новой литературы к этим книгам добавлялись другие.

Для каждого имевшегося в уезде крупного предприятия уездная партийная организация также составила сравнительно крупные библиотеки. В Солнечной Горе было пять таких библиотек: на ткацкой фабрике «Козьмы Прохорова сыновья», на стекольном заводе Балкашина, на проволочном заводе Шабалова, на станции «Подсолнечная» (у телеграфистов и стрелочников) и в Солнечногорской больнице Московского губернского земства; в Клину было три библиотеки: на стекольном заводе Глинских, на фабрике шелковых лент Луи Бузона и в пряничном заведении Монахова. Существовали подпольные социал-демократические библиотеки и на других крупных фабрично-заводских предприятиях Клинского уезда: на ткацкой фабрике Каулен и Кост в Соголевской волости (организатором ее являлся врач Спас-Коркодинской земско-фабричной лечебницы С. Н. Ивановский) и на ковровой фабрике Фландена в селе Козлове, Василевской волости.

Такие библиотеки хранились у доверенных лиц, которые знали, кому можно выдавать нелегальную литературу.

Член партии Василий Иванович Бирюлин, руководивший всей партийной работой среди крестьян Клинского уезда, имел в своем распоряжении до 300 названий книг и брошюр. В целях их распространения обычно комплектовались небольшие

[1] Вышла в Москве в сентябре 1905 г. с разрешения цензуры. В виде последней главы в обход цензуры напечатана полностью «Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на втором съезде партии».

библиотечки; их давали активистам, которые в свою очередь снабжали книгами и брошюрами тех крестьян, которые проявляли интерес к такого рода литературе. В некоторых случаях, когда уездной партийной организации удавалось получить по нескольку сот экземпляров одного и того же названия, такие книги распространяли даже путем разбрасывания по деревням. Таким способом, например, была распространена брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте», которую уездной организации удалось получить в нескольких сотнях экземпляров.

Средства на закупку книг для подпольных библиотек составлялись из специальных взносов членов партии (члены Солнечногорской партийной группы врач К. К. Зегебарт и его жена, фельдшерица Солнечногорской лечебницы С. А. Зегебарт отдали, например, на покупку книг полученное ими наследство в несколько тысяч рублей).

В чайные, где собирались рабочие и крестьяне и где хозяева терпимо относились к обсуждению политических вопросов, местные организации РСДРП выписывали прогрессивные газеты, чтобы держать окрестное население в курсе текущих событий.

Специального внимания заслуживает работа легальной библиотеки в селе Петровском, находящемся в 18 верстах от Клина, которая распространяла и нелегальную литературу.

В 1904 году врачу лечебницы в селе Петровском, Клинского уезда, Александре Михайловне Юшковой после семилетних хлопот удалось получить разрешение на открытие в Петровском сельской библиотеки. Заведующим библиотекой был назначен старший учитель Петровской министерской школы Михаил Васильевич Караков, сын местного крестьянина. Библиотекарями стали в ней работать А. М. Юшкова и фельдшерица Саввина.

Для библиотеки была снята пустовавшая изба рядом с усадьбой лечебницы. Из земского книжного склада при Клинской уездной земской управе была привезена кипа разрешенных для сельских библиотек книг. Не много их было, этих разрешенных книг. Все они хранились в библиотеке. На случай ревизии внешне все было в порядке. Но одновременно получались нелегальные книги, брошюры, газеты от партийной организации. Они хранились в квартире А. М. Юшковой. А. М. Юшкова раздавала их во время дежурства в библиотеке наряду с легальными, разрешенными. При этом, конечно, такая литература выдавалась хорошо известным людям, с читателями велись беседы о прочитанном, о текущих политических событиях. В часы, когда библиотека была открыта, ее наполняла оживленная толпа жаждущих книг, жаждущих и живого слова библиотекаря.

Основными посетителями библиотеки были рабочие Высоковской мануфактуры. Тяга к печатному слову, стремление разобраться в событиях современности быстро росли. После 9-го января 1905 года, по свидетельству А. М. Юшковой, на книги буквально стали «набрасываться».

Организаторы библиотеки почувствовали недостаточность своей работы. В мае 1905 года А. М. Юшкова обратилась в «революционное гнездо», как тогда называли власти Солнечногорскую губернскую лечебницу, и нашла там все, что было нужно для дальнейшего расширения работы Петровской библиотеки.

Петровская библиотека и Петровская лечебница служили опорными пунктами большевистской партийной работы среди рабочих Высоковской мануфактуры. А. М. Ющкова подробно рассказывает об этом.

Василий Иванович Орлов был в это время ответственным партийным организатором по всему уезду. Были созданы и работали кружки среди рабочих фабрики, приезжали товарищи-большевики: фельдшерица Солнечногорской лечебницы С. А. Зегебарт, член Московского окружного комитета «Данила» (Модестов) [1] и другие. Работа кипела вовсю. А. М. Юшкова вспоминает, как ей было удобно раздавать литературу, через библиотеку и амбулаторию ставить в известность о приехавших пропагандистах. В амбулатории на приеме можно было незаметно все, что надо, рассказать и передать. Партийные товарищи входили в кабинет под видом больных и беседовали там вместо болезни о подпольной работе.

Росло количество кружков. Почти вся масса рабочих фабрики слушала агитаторов и пропагандистов, читала подпольную литературу. Многие из молодых рабочих, не стесняясь, распевали революционные песни, правильно схватив мотив.

Хуже обстояло дело с работой среди крестьян, не работавших на фабрике.

«Особенно трудной была работа среди женщин. Крестьянки были совершенно инертны. Немногие девушки читали книги, листки. Подпольную литературу воспринимали они только со слов мужчин. Пропагандистов слушать не приходили, а замуж-

---

[1] Модестов Сергей Васильевич (1882—1919) — большевик-подпольщик с 1903 года, автор ряда статей, преимущественно по аграрным вопросам; в 1907 году, несмотря на очень больные ноги (костный туберкулез), пешком, чтобы не привлекать внимания полиции и жандармерии, обошел в целях укрепления работы ряд партийных организаций Костромской, Ярославской Владимирской губерний; позже работал на Урале и на юге России. В 1910 г. царский суд приговорил его к шести годам каторги; после победы Великой Октябрьской социалистической революции, совершенно потерявший к этому времени способность передвигаться, сотрудничал в московских и петроградских газетах.

ние женщины совсем отсутствовали у нас. Перегружены они были работой — дети, хозяйство, стирка, стряпня»[1].

Нужны были люди для работы среди крестьян и крестьянок.

«Я стал искать, — рассказывает В. И. Орлов, — форм организации, которые позволили бы нам, не нарушая принципов революционной социал-демократии, подчинить нашему влиянию демократическую стихию».

Ответ на свой вопрос тов. Орлов нашел в статье В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы», в которой В. И. Ленин писал: «...надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь итти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии»[2]. «Давайте, — советовал он, — больше простора самым разнообразным предприятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути кроме наших советов и помимо наших советов обеспечивается неумолимыми требованиями самого хода революционных событий»[3].

Идя по указанному В. И. Лениным пути, партийная организация помогла оформиться «Петровской группе содействия РСДРП», принявшей следующий устав:

«Группа имеет целью: а) содействовать своим членам вступить в ряды партии полноправными сознательными членами; б) содействовать развитию социал-демократических связей в деревнях; в) вести пропаганду и агитацию на местах, придерживаясь с.-д. программы». В одном из следующих пунктов устава говорилось, что в задачи группы входит и «распределение литературы». Со своей стороны, партийная организация должна была среди ряда взятых на себя обязательств «доставлять в достаточном количестве социал-демократическую литературу».

Средства группы составлялись из ежемесячных членских взносов. Размер взноса определялся по заявлению каждого члена[4].

Интересны сведения о составе библиотеки «Петровской группы содействия РСДРП» согласно сохранившемуся с 1905 года тематическому списку книг.

---

[1] Юшкова А. М. Маленький авангард революции. — В кн.: Тысяча девятьсот пятый год в Клинском уезде. Сост. В. И. Орлов. М.—Л., «Моск. рабочий», 1931, стр. 148—149.

[2] Ленин В. И. Новые задачи и новые силы. — Сочинения. Изд. 4-е. Т. 8, стр. 191.

[3] Там же, стр. 192.

[4] Устав петровской группы содействия РСДРП. — В кн.: 1905 год в Клинском уезде. Сост. В. И. Орлов. М.—Л., 1931, стр. 180.

I

Дикштейн С. Р. Кто чем живет? Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Бах А. Н. Экономические очерки. 1902.

Б. С. [Б. И. Свидерский]. Труд и капитал. Первоначальные сведения по политической экономии. Ростов н/Д, «Донская речь», 1904.

Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. Киев, 1905.

II

Каутский К. Классовые интересы. М., «Колокол», 1905.

Каутский К. Представительное правление. Спб, «Молот», 1905.

Лассаль Ф. О сущности конституции. Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Дан Ф. И. Всенародное учредительное собрание. М., тип. Союза моск. типо-лит. рабочих, 1905.

Царская казна и народный карман. Женева, Изд. «Искра», 1905. (Наши требования, № 11).

III

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии, 1904.

Каутский К. Эрфуртская программа. М., «Колокол», 1905.

Каутский К. и Шейланк Б. Идеи марксизма в германской рабочей партии. Спб, «Молот», 1905.

Лассаль Ф. Программа работников. Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Спб, ЦК РСДРП, 1905.

Бракке Вильгельм. Долой социал-демократов. М., «Колокол», 1905.

Мартов Л. Рабочее дело в России. Баку, ЦК РСДРП, 1904.

Ерманский О. А. Наши требования. Женева, 1905.

IV

Маркс К. Гражданская война во Франции.

Бакс Б. Великая французская революция.

Эркман-Шатриан. История одного крестьянина.

V

Рожков Н. А. История крепостного права в России. Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Звягинцев Е. А. Общественное движение в России в начале девятнадцатого века. Ростов н/Д, «Донская речь», 1904.

Ключков М. Земские соборы в старину.

Дитятин И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства.

Дитятин И. Екатерининская комиссия 1767 года.

Алексеев В. П. Народовластие в древней Руси. Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Алексеев В. П. Что такое земский собор. Ростов н/Д, «Донская речь», 1905.

Милюков П. Н. Верховники и шляхетство.

Мякотин. На заре русской общественности. Ростов н/Д, «Донская речь», 1904.

VI

Артем К-н. Как рабочим союзы устраивать.
Шиппель. Профессиональные союзы рабочих.
Бебель А. Профессиональные союзы и политические партии.

VII

Рожков Н. А. К аграрному вопросу. М., «Колокол», 1905.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы М., Моск. ком. РСДРП, 1905.
Маслов П. П. Критика аграрных программ. М., «Колокол», 1905.

VIII

Бебель А. Положение женщины в настоящем и будущем. Одесса, «Буревестник», 1905.
Цеткин К. Женщина и ее экономическое положение. Спб, «Молот», 1905.
Браун Л. Женщина и политика. Спб, «Молот», 1905.
Браун Л. Положение женщины в настоящем и будущем социальном строе. Одесса, «Демос», 1905 [1].

Как видно из этого списка, подавляющее большинство брошюр — это легально вышедшие в 1905 году. В годы реакции они все были запрещены и попали в число нелегальных.

По примеру «Петровской группы содействия РСДРП» вскоре была создана подобная же группа в Калеевской волости.

В 1905 году началось движение среди учителей, которое привело к созданию Клинского отдела Всероссийского учительского союза. Благоприятным обстоятельством являлось то, что секретарем уездной земской управы в Клину был сочувствующий социал-демократии (потом член ВКП(б)) Петр Карлович Малявский, на квартире которого обыкновенно и проводились собрания учителей. Через посредство того же П. К. Малявского социал-демократической организации было поручено составление списка книг для продажи из земского книжного склада, и таким образом список пополнился названиями социал-демократических книг и брошюр, выпускавшихся тогда издательствами «Колокол», «Молот», «Буревестник», «Донская речь» и др. Благодаря этому осенью 1905 года произошел забавный случай. Один из администраторов Высоковской мануфактуры увидал в витрине земского книжного склада известную брошюру В. Бракке «Долой социал-демократов», скупил весь имевшийся запас брошюр и роздал рабочим своей фабрики в уверенности, что брошюра поможет ему бороться против социал-демократов.

Часть учителей, членов учительского союза, главным образом выходцев из среды местных крестьян, стала деятельно помогать организации РСДРП распространять литературу и

[1] 1905 год в Клинском уезде. Сост. В. И. Орлов. М.—Л., «Моск. рабочий», 1931, стр. 180—181. Приложение 10.

завязывать связи в глухих уголках уезда. Так, при посредстве учителей села Нового на Волге была установлена связь с рабочими фарфоро-фаянсовой фабрики Кузнецова по другую сторону Волги в Тверской губернии[1].

Широко развернутая в 1905—1907 годах местной организацией РСДРП массовая пропагандистская и агитационная работа, соседство и воздействие Высоковской мануфактуры с ее крепко сколоченной большевистской организацией, продолжавшей вести работу и в годы реакции в глубоком подполье, оказали свое влияние и на дальнейшую жизнь крестьянства Петровской волости. В волости наблюдалось широкое развитие кооперативного движения, причем, кроме обычных потребительских обществ и кредитных товариществ, организовалось Петровско-Павельцевское трудовое сельскохозяйственное общество.

Что касается Высоковской мануфактуры, то на ней даже во время разгула реакции, в середине 1909 года, продолжала существовать большевистская организация в составе 20 человек, работал комитет этой организации из 5 человек. Нелегальная библиотека также продолжала свою деятельность по распространению революционной марксистской литературы. Члены партии большевиков и близко стоявшие к ним рабочие самостоятельно читали, а затем вместе обсуждали брошюры из серии «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии», изданные лекторской группой Московского Комитета большевиков в 1906 году[2].

---

[1] 1905 год в Клинском уезде. Сост. В. И. Орлов. М.—Л., «Моск. рабочий», 1931, стр. 7—14.

[2] Годы реакции (1908—1910). Вып. 1. Материалы по истории Московской окружной организации РСДРП. Собрал и обработал В. И. Орлов. М., 1925, стр. 82, 114—115.

И. И. Павлов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 1905 ГОДЕ

К революционному движению я примкнул осенью 1905 года во время октябрьского восстания в г. Уфе.

Мне тогда было около 16 лет, работал я на Уфимском ректификационном заводе № 1 в слесарной мастерской в качестве ученика. Мой сводный брат Илья Кокарев работал слесарем в Уфимских железнодорожных мастерских, был членом партии социал-демократов-большевиков. Брат и его товарищ Федор Новоселов, тоже большевик и тоже слесарь железнодорожных мастерских, давали мне разные поручения: передать конспиративную записку, разбросать на нашем заводе и по городу Уфе прокламации и т. п.

Осенью 1905 года мне было поручено хранение нелегальной библиотеки. Хранил я ее с Октября 1905 года до июля 1906 года. Книгами снабжали упомянутые выше Илья Кокарев и Федор Новоселов. Некоторые книги давали бессрочно, некоторые на месячный срок. Названий всех книг я сейчас не помню, но поскольку книги давали социал-демократы-большевики, понятно их содержание. Помню Бебеля «Женщина и социализм», Либкнехта «Пауки и мухи», произведения В. И. Ленина, Плеханова. В библиотеке была и беллетристика, например: «Овод», «В мире отверженных», «Записки из мертвого дома» и др. Я эти книги выдавал рабочим и работницам по выбору, наиболее надежным. Вел запись выданных книг, но на заводе ее не держал, а хранил дома на чердаке.

Еще больше забот доставляло хранение библиотечных книг. Я их хранил в кузнице. Выкопал в углу за горном яму, насыпал в нее сухого шлаку и ставил в эту яму ящик, в который складывал книги. Книги все были в мягких обложках, в ящике их умещалось много — до ста и более экземпляров. По тому времени это была большая библиотека. Во всяком случае, на 200 рабочих и работниц завода книг вполне хватало, и рабочие были очень довольны.

Никто не знал места хранения книг. В обеденный перерыв я брал у рабочих книги на месте их работы, уносил в кузницу, а им приносил другие. Брал с собой 10—15 книг, из которых рабочие и выбирали, что их больше всего привлекало.

Чаще других брали у меня книги слесари Лоханин и Жарков, приказчик Евдокимов, кочегар Перин (Перич, как мы его звали), сторож Никита Рудов, его дочь Мария Рудова — работница завода. Почти все они примкнули потом так или иначе к рабочему революционному движению. Кто знает? Может быть какую-то искорку заронили в них и те книжки, которыми я их снабжал.

До сведения администрации довели, что кто-то дает книги рабочим, но считали, что их приносят из дома, а я, подросток, не вызывал ни в ком подозрения. Так продолжалось до июня 1906 года.

В июне 1906 года пришел из армии артиллерист-кузнец, у которого я стал работать молотобойцем. Кузнец был ярый черносотенец. С ним я вел себя очень осторожно: книги перенес в другое хранилище, в колодец, где стояли насосы, в кузнице же оставил только небольшое количество книг для экстренной выдачи. Как-то раз кузнец стал рыться в углах кузницы и за горном наткнулся на книги. Увидев, что на обложках некоторых из них написаны лозунги «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и «Долой самодержавие!», кузнец забрал эти книги и сдал их администрации завода. Стали доискиваться, кто их мог хранить в кузнице. Подозрение пало на меня, и меня с завода уволили.

Основной фонд книг сохранился, их выдачу продолжал Жарков, слесарь мастерской, который к этому времени стал членом партии, а прокламации стали передавать через других рабочих по моему указанию, главным образом, через приказчика Евдокимова, который больше всего читал книг.

Привлечь меня к ответственности за распространение книг и прокламаций не удалось, так как и без меня эта работа на заводе продолжалась.

Надо сказать, что подпольная библиотека сыграла большую роль в агитационной работе, которую большевики вели на ректификационном заводе. Работа библиотеки продолжалась весь 1906 год. Когда с завода были уволены Жарков и другие революционно настроенные рабочие, работа библиотеки ослабела, а после моего ареста в конце 1907 года совсем прекратилась, так как связь с рабочими завода осуществлялась через меня.

Наступили годы реакции...

Ф. И. Коротаев

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ БИБЛИОТЕКИ В КУНГУРЕ
(по архивным материалам и личным воспоминаниям)

Кунгур — небольшой уездный город бывшей Пермской губернии. В 90-х годах прошлого столетия он имел до полутора десятка кожевенных заводов с примитивной техникой и служил транзитным пунктом для торговли с Востоком, в частности, с Китаем.

Местная торгово-промышленная буржуазия жестоко эксплуатировала трудящееся население города. Делала она это с помощью Кунгурской городской управы. С целью возможно большего затемнения сознания трудящихся кунгурское купечество превратило город в религиозный центр: в Кунгуре имелось 11 церквей и большой женский монастырь, в котором было до 500 монахинь.

Самые крупные тузы не прочь были блеснуть своей благотворительностью. Так, например, чаеторговец Губкин, построивший на свой счет Никольскую церковь, построил также «Техническое машиностроительное Губкина училище», которое начало прием учащихся в 1879 году. Другой чаеторговец, Грибушин, построил и содержал церковь и сиротский приют.

На кожевенных заводах в Кунгуре рабочих-пролетариев в полном смысле этого слова было крайне мало, подавляющее большинство занималось кустарным промыслом, имело земельные наделы в деревне или домики в городе. Крестьяне, приходившие по зимам на заработки из деревни, жили на хозяйских харчах в специально построенных для них «черных кухнях». Эта группа рабочих находилась в полной зависимости от хозяев. Произвол хозяина ничем не ограничивался: заработок мизерный, продолжительность рабочего дня 14—15 часов. Эксплуатация двойная: и в процессе работы на производстве и «на черных кухнях» (большие принудительные вычеты за стол и за квартиру).

Воскресенье проводилось по установленному обычаю: летом на берегу Ирени устраивались «молодецкие» бои (пускались в ход кулаки, палки, камни), шли «улица на улицу», а в зимнюю пору на льду реки Сылвы — «сторона на сторону»; в промежутках между боями вражда не утихала — грозили друг

другу местью, хвастались победами, в праздничные вечера заливали вином свое горе и тоску по неведомой лучшей доле.

Лишь небольшая группа квалифицированных рабочих и ремесленников — закройщики, сапожники-мастера—жили более или менее независимо. Над ними не висела в течение круглых суток палка хозяина, они общались как между собой, так и с другими слоями населения, среди них попадались и грамотные, читающие рабочие. Именно среди этой группы рабочих и кустарей нашли благоприятную почву революционные идеи созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которые проникли в Кунгур через Пермскую группу «Союза борьбы», возникшую в Перми в 1897 году.

1. Появление в Кунгуре социал-демократической литературы

Первыми марксистами в Кунгуре были учащиеся-техники Евгений Поморцев и Александр Давыдов. В 1896 году они организовали нелегальное «Общество самообразования и самовоспитания кунгурских техников». Через год из состава этого общества под влиянием агитации Поморцева и Давыдова, а также чтения политической литературы выделился социал-демократический кружок, который возглавил Поморцев. Политическую литературу получали из Петербурга и Казани через Пермь.

«Поморцев распропагандировал своего квартирного хозяина, сапожника, который начал водить Поморцева и его друзей по квартирам надежных (не болтливых) передовых рабочих и там за самоваром велись беседы, читались революционные книжки. В результате, в начале 1898 года в кружок социал-демократического направления вошло около 10 рабочих и около двух десятков техников. Этот год можно считать годом зарождения Кунгурской организации РСДРП» [1].

Окрыленные успехом, кружковцы стали больше уделять внимания рабочим кожевенных заводов, начали давать книжки проверенным рабочим и говорить с ними об их тяжелом материальном положении, о больших прибылях хозяев, о революционной рабочей партии, которая одна защищает интересы рабочих.

Политическая активность рабочих и техников привлекла внимание охранки. В 1898 году жандармы произвели обыск среди техников, «добрались и до социал-демократического кружка. Семь человек было арестовано, 17 отдано под особый надзор полиции, один обязан подпиской о невыезде, двух человек не могли разыскать» [2].

[1] Кунгурский округ, Уральской области. — Справочник. Изд. Пермской газ. «Звезда» и Кунгурской газеты «Искра». Пермь, 1925, стр. 50.

[2] Там же.

Кружковцам было предъявлено обвинение в участии «в тайном сообществе, имевшем целью побуждение кунгурских рабочих к борьбе с их хозяевами при помощи устройства стачек, забастовок и иных незаконных деяний». Дело разбиралось в Казанской судебной палате. Суд «за политику» произвел ошеломляющее впечатление на кунгурских рабочих. Вокруг пострадавших росла слава героев, к ним приковывалось внимание множества людей, под влиянием суда у рабочих зарождались новые вопросы.

2. Первые нелегальные библиотеки. Их разгром

После провала в Кунгуре первой социал-демократической организации наступил кратковременный перерыв в революционной работе. Деятельность социал-демократического кружка не прошла бесследно. Скоро из среды местных сапожников выдвинулся незаурядный организатор революционно настроенной молодежи — Максим Александрович Плотников [1].

Как и его предшественники, он начал с распространения политической литературы. Революционная литература доходила до молодежи самыми разнообразными путями. Так, например, 16 марта 1902 года ученики Кунгурского 4-классного городского училища Камаев, Копылов и Малыгин нашли у себя на квартире за ставнем окна связки литературы, в которых оказались: «Манифест РСДРП» и отпечатанные на гектографе — «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Ода на восшествие на престол Николая II», «Сон под первое мая», Г. Плеханов — «Русский рабочий в революционном движении», Волховский — «Ткач Петр Алексеевич Алексеев», Л. Толстой — «Неужели это так надо!», «Марсельеза» (снимок с картины и др.) [2].

В 1903 году в Кунгуре сложилась социал-демократическая большевистская организация. По предложению М. А. Плотникова город был разбит на три района: Верхсылвенский, Низовский и Зареченский.

---

[1] Плотников М. А. — родился в 1880 году в семье кунгурского сапожника и сам был сапожник. С юношеских лет он примкнул к революционному движению, был членом первого в Кунгуре социал-демократического кружка, тесно сблизился с революционной молодежью Кунгурского технического училища. Ни расправа царского правительства с членами социал-демократического кружка, происшедшая на его глазах, ни обремененность семьей в шесть человек не совлекли М. А. Плотникова с революционного пути. С 1904 по 1908 год Плотников за революционную деятельность шесть раз сидел в тюрьме (Пермской и Кунгурской); два раза его судила выездная сессия Казанской судебной палаты. В 1908 году его отправили в ссылку в Нарымский край

[2] Молотовский облпартактив МВД по Перм. губ., ф. 228, д 126, лл. 1 и 2.

Вокруг большевистской партийной организации работали кружки беспартийных рабочих, преимущественно молодежь. Работой женского кружка руководила совсем еще юная тогда гимназистка Клавдия Ивановна Кирсанова[1].

Партийцы приносили в кружки политическую литературу и читали ее до утра. Читали не просто для чтения, а чтобы получить ответ на волнующие вопросы, связанные с жизнью и вытекающие из нее.

В 1905 году в Кунгуре было получено большое количество революционной литературы, главным образом марксистской. Бо́льшая часть ее состояла из легальных в то время изданий («Колокол», «Донская речь» и др.). Для обслуживания партийных кружков и кружков сочувствующих беспартийных в городе были организованы центральная и три районных нелегальных библиотеки; в библиотеке Верхсылвенского района насчитывалось около 360 книг и брошюр.

С наступлением реакции в стране пошла на убыль и партийная работа кунгурских большевиков. Были арестованы товарищ Плотников и другие активисты. Часть партийных товарищей заблаговременно перебралась в другие города. Вынуждены были прекратить свою работу и библиотеки. Книги при обысках забрала и уничтожила полиция. Сохранилась лишь небольшая часть литературы, которая в момент разгрома Центральной, Верхсылвенской и Зареченской библиотек была на руках у читателей; совершенно случайно уцелели книги библиотеки Низовского района. Спасенная литература хранилась теми, у кого она осталась, с исключительной тщательностью и осторожностью, но в обращении она не была.

3. Большевистская организация депо ст. Кунгур

Чтение газеты «Правда»

Летом 1905 года начались изыскательские работы, а за ними и постройка железной дороги Пермь—Кунгур—Екатеринбург. В 1909 году дорога была сдана в эксплуатацию. На станции Кунгур, в четырех километрах от города, открылось центральное депо. Кунгурское население пополнилось новым

---

[1] Кирсанова К. И. (1888—1947) — вступив в большевистскую партию в Кунгуре в 1904 году, принимала в дальнейшем самое активное участие в революционных событиях Кунгура и Перми. Она была пламенным агитатором большевистских идей, прекрасным организатором и конспиратором. Пройдя тюрьмы, каторгу и ссылку, К. И. Кирсанова после победы Октябрьской революции снова работала на Урале председателем Надеждинского Совета р. и с. депутатов, зав. отд. пропаганды Пермского губкома РКП(б). Позднее К. И. заведовала Коммунистическим университетом имени Я. М. Свердлова в Москве, работала в Коминтерне. Во время Великой Отечественной войны она вела большую агитационную и пропагандистскую работу на фронте.

отрядом рабочего класса. Часть этих рабочих, костяк производства, составили приезжие, главным образом, металлисты: слесари, токари, кузнецы, котельщики, машинисты, их помощники и т. п. Это были представители промышленного пролетариата, не связанные ни с сельским хозяйством, ни с кустарной промышленностью.

Другая часть рабочих депо (бо́льшая по количеству) состояла из местного населения: крестьяне ближайших деревень, которые ранее работали на постройке железной дороги, а также рабочие-кустари, преимущественно кунгурские сапожники.

Городские кожевенные заводы попрежнему оставались небольшими, с той же, что и раньше, отсталой техникой. Надомничество, продажа сапог своего изделия на частном рынке, запугивание хозяйчиками наиболее отсталых кустарей-сапожников — все это разобщало рабочих местных кожевенных предприятий, принижало их классовое сознание. Революционное движение в городе не возобновлялось.

Совсем иначе обстояло дело в железнодорожном депо станции Кунгур. Несмотря на то, что количество рабочих немногим превышало 100 человек, наличие квалифицированных металлистов, побывавших в разных городах, характер и условия труда сплачивали рабочих, способствовали формированию у них социалистического пролетарского сознания и благоприятствовали развертыванию массовой политической работы. Этим и можно объяснить то, что центр революционной работы в годы реакции переместился из города в депо станции Кунгур.

В 1910 году из Чусовой в депо Кунгур перевелся молодой рабочий Алексей Семенович Попков, выходец из бедняцкой крестьянской семьи. С 11 лет он пошел работать по найму. В 1905 году Алексей жил в Мотовилихе, был свидетелем революционной борьбы рабочих пермских пушечных заводов, вместе со взрослыми рабочими читал прокламации и политические брошюры. После нескольких лет скитаний в поисках работы он, наконец, поступил в депо станции Чусовая чернорабочим. Внимательно присматриваясь к обстановке и людям, Попков скоро завел знакомства с такими рабочими, которые интересовались не только своей личной горькой судьбой, но и судьбой всего рабочего класса. Попав в среду социал-демократов, Попков, слушал споры о том, как лучше бороться с царизмом, с эксплуататорами. Ожесточенно спорили между собой большевики и меньшевики, выступали эсеры. Их споры сильно озадачили юношу. Он искал ответа на неясные вопросы у товарищей по работе, усиленно читал. С этим временем как раз и совпал его перевод в Кунгур, но он сохранил связи с подпольной большевистской организацией в Чусовой.

В том же 1910 году в Кунгур приехал высланный из Мотовилихинского завода за революционную работу большевик Николай Андреевич Гребнев.

В Николаевской тюрьме Верхотурского уезда, Пермской губ., Н. А. Гребнев сидел в одной камере с выдающимся большевиком «Михайлычем» (Яковом Михайловичем Свердловым). В тюрьме Н. А. Гребнев много читал, слушал беседы и доклады «Михайлыча». В результате Гребнев вырос в стойкого и политически развитого большевика.

Ко времени приезда Николая Андреевича Гребнева в Кунгур Попков уже подобрал группу из нескольких оппозиционно настроенных к администрации рабочих. В этой среде Н. А. Гребнев начал свою работу и умело подошел к этим революционно настроенным, но еще сырым в смысле политического развития рабочим. Он начал с разговора о художественной литературе, предложил почитать романы французского писателя Гюго «Девяносто третий год», «Отверженные» и другие в таком же роде. Затем Николай Андреевич перешел к рассказам о своей жизни в тюрьме, в Архангельской ссылке, о встречах с Я. М. Свердловым и о тех политических спорах, которые велись в тюрьме; говорил он и о том, как тюрьму, несмотря на всю тяжесть заключения в ней, большевики превратили в свой университет. Работа шла настолько успешно, что в начале 1912 года в депо Кунгур создалась большевистская организация. Ее членами были главным образом молодые рабочие, среди них был и я.

До 16 лет я жил и работал в хозяйстве отца. После окончания сельской школы мне хотелось учиться дальше, но отец не отпустил, так как я был нужен в хозяйстве. Когда началась постройка железной дороги, я пошел на заработки: сначала нанялся к землекопам коноводчиком с оплатой 20 коп. за 14—15-часовой рабочий день, затем поступил учеником в депо станции Кунгур. Для меня там все было интересно: и машины и рабочие, совсем не похожие на крестьян. В 1911 году я познакомился с рабочим А. С. Попковым, а через него сблизился и с Н. А. Гребневым. В 1912 году я начал принимать участие в партийной работе, а в 1913 году стал членом РСДРП. На железной дороге я проработал около 10 лет, получил квалификацию слесаря и токаря.

Обстановка в стране в то время была такова: в промышленности продолжался экономический кризис. Безработица, как черная туча, висела над головой рабочего. Деревня беспрестанно пополняла армию безработных, и это делало неустойчивым положение рабочих, занятых в депо, — их в любой момент могли заменить менее требовательными и более уступчивыми.

Некоторые рабочие были заняты в депо по три дня в неделю. Месячный заработок слесаря средней квалификации равнялся 7—10 рублям. В целях экономии в сентябре 1911 года 9 деповских рабочих-одиночек организовали бытовую коммуну. Сняли вскладчину общую квартиру, наняли стряпуху. Несмотря на исключительно тяжелое материальное положение и жизнь впроголодь, решили создать свою библиотеку. Непрестанная слежка полицейских лишала членов коммуны уверенности в том, что им приведется долго прожить вместе. Исходя из этого, они стали приобретать литературу каждый на свое имя, но выписывали и покупали такие книги и газеты, которые отвечали не только личным, но и общим интересам.

Благодаря этому в 1911 году на станции Кунгур было 11 подписчиков на научно-популярный журнал «Вестник знания», 9 из них — члены коммуны, и двое рабочих, не входивших в состав коммуны. В журнале нас особенно интересовали популярные статьи по естествознанию и технике.

Когда экономический кризис в стране пошел на убыль, увеличилось железнодорожное движение, вместе с ним повысился и заработок рабочих депо. Нужда, толкавшая к совместной жизни, миновала. Весной 1912 года члены коммуны разъехались по отдельным квартирам. Общая библиотека была ликвидирована, каждый забрал с собой свои книги.

Революционная пропагандистская работа Н. А. Гребнева скоро стала известна администрации депо и охранке. Гребнева, работавшего чертежником в конторе службы тяги, выгнали с работы, за ним началась опять слежка полиции, что вынудило его уехать из Кунгура. Он поселился в Перми на нелегальном положении, но связи с созданным им социал-демократическим кружком в Кунгуре не прерывал, поддерживая ее через А. С. Попкова. В одну из поездок в Пермь Попков (он тогда работал на паровозе помощником машиниста) узнал от Гребнева, что в Питере выходит газета «Звезда». На нее с 1-го января 1912 года подписались Ф. И. Коротаев, М. С. Ермилов и Литвинович; трое рабочих подписались на меньшевистский журнал «Дело жизни», журнал этот вскоре закрылся, вместо него стала выходить газета «Луч», и подписчики на журнал механически стали получать эту газету.

Таким образом, в годы нового революционного подъема в Кунгур проникла печать, представлявшая и большевизм и меньшевизм. Оба политические направления имели в депо своих сторонников и между ними шла борьба, начавшаяся в РСДРП еще на втором ее съезде в 1903 году.

Разгоравшиеся события показали, что для большевистской партии наличие газеты «Звезда», рассчитанной, главным образом, на пропагандистов и руководящий состав партийной организации и выходившей один раз в неделю, было недостаточно,

нужна была ежедневная массовая политическая газета для самых широких слоев рабочих. Такой газетой стала «Правда», первый номер которой вышел 5 мая 1912 года. В 1913 году «Правда» начала издавать специальным приложением «Уральский листок».

Революционная роль «Правды» в этот период была исключительно велика. Эта газета, издание которой под напором рабочего движения было разрешено правительством, тем не менее при обысках у рабочих отбиралась как нелегальщина, как доказательство преступной революционной деятельности, а в армию и военно-морской флот «Правда» совсем не пропускалась [1].

«Правда» нашла живейший отклик и поддержку у рабочих всей страны, в том числе и у рабочих депо станции Кунгур. Особым влиянием пользовался «Уральский листок».

Большевики организовали в депо коллективную громкую читку «Правды» в обеденные перерывы. На читки приходили ежедневно по 20—30 рабочих, а иногда и больше. Давали мы читать «Правду» и отдельным рабочим. Чтение «Звезды» и «Правды» сразу же стало переплетаться с практической партийной работой. Мы стремились к тому, чтобы вытеснить меньшевистский «Луч», и добились этого. Одновременно мы начали проводить сборы средств на «Правду». Такой сбор, помимо того, что давал средства, необходимые партии, хорошо помогал нам выявлять отношение того или другого рабочего к партии, облегчал привлечение новых членов партии.

Спрос на «Правду» был очень велик. Каждый номер зачитывался буквально до дыр. Но как ни велик был спрос на эту газету, мы все же тщательно собирали ее номера и бережно хранили их. Много раз возвращались мы к чтению некоторых статей. Комплекты номеров «Правды» стали для нас своего рода энциклопедией марксизма.

В середине 1912 года появились у нас и книги. А. С. Попков установил связь с участником революционного движения 1905—1907 гг. А. И. Мишариным, который передал ему около 70 политических книг и брошюр из числа книг подпольных большевистских библиотек, которые действовали в те годы. Эти книги очень помогли железнодорожной большевистской организации в ее работе. Но, как и раньше, главным руководящим

---

[1] Работая на железной дороге, я пользовался бесплатным проездом по всем железным дорогам страны. И вот, в июне 1914 года я ездил в экскурсию в Петербург, Москву, Киев и Одессу. Будучи в Петербурге, я заехал и в Кронштадт. В Кронштадте по своей наивности я спросил у газетчика, нет ли «Правды?» Газетчик был буквально ошеломлен моим вопросом и ответил мне также вопросом: «Вы понимаете, где находитесь? Какая тут может быть «Правда», это ведь военный порт, а не улица Петербурга».

Номера большевистских газет, выходивших до Великой Октябрьской социалистической революции, зачитанные до дыр

материалом, направлявшим нашу партийную работу, оставалась «Правда».

4. Создание библиотеки нелегальной литературы. Личные библиотеки

Вместе с ростом промышленности, увеличением движения на железнодорожном транспорте, возросла и политическая активность рабочего класса. Это нашло свое отражение и в депо: участились совместные чтения с обсуждением статей газеты «Правда» и другой политической литературы, велись беседы и обсуждения докладов партийцев по разным вопросам и т. п.

Нелегальная политическая литература, полученная нами в 1912 году от кунгурских участников революционного движения 1905—1907 гг., хранилась у токаря депо Карягина. По мере поступления новых книг и брошюр составилась небольшая библиотека, в которой насчитывалось до сотни названий.

В начале 1913 года в депо случилась кража: ночью из цеха подъемки паровозов были похищены два новых бронзовых золотника. После длительных и безрезультатных розысков пропавших золотников и виновников кражи администрация депо прибегла к провокации: был распущен слух, что «у всех рабочих на квартирах будет произведен обыск и искать будут не только пропавшие золотники, но и кое-что еще».

Карягин рассказал об этом своей жене и предупредил ее, что литературу надо перепрятать в более надежное место, чтобы ее никто не мог найти.

Карягины раньше жили в Мотовилихе и знали, как жестоко царское правительство расправлялось не только с участниками вооруженного восстания, но и с теми, кто хранил или читал революционную литературу. Жена Карягина, выждав, когда муж ушел на работу, решила книг никуда не прятать, а сжечь. И сожгла, думая, что она сделала очень хорошее дело.

Велико было наше горе, когда мы узнали об этом. Мы собирали и хранили нелегальную литературу по листку, она была нужна нам как хлеб, как воздух. Теперь у нас осталось всего десятка два книг и брошюр, которые сохранились только потому, что находились на руках у читателей. Спрос на политическую литературу возрастал, нужно было его удовлетворять. Поэтому встала задача — как можно скорее создать библиотеку заново.

Помня причину гибели партийной библиотеки, мы первым делом задумались над тем, где и как хранить хотя и маленькую, но очень ценную библиотеку нелегальной литературы.

Партийная организация возложила на меня обязанность восстановить библиотеку и вести в ней работу. Я стал своего

рода заведующим библиотекой партийной организации. Вначале я хранил оставшиеся книги у себя дома на сеновале, но потом, по совету товарищей, стал подыскивать для библиотеки более надежное от провала место. Внимательно присматриваясь к рабочим депо, я остановил свой выбор на слесаре Семене Степановиче Терехине. Я не только заручился его согласием взять на хранение книги партийной библиотеки, но

Домик в деревне Беркутово, в котором квартировал С. С. Терехин и где хранилась нелегальная библиотека в 1916 году

специально заходил к нему на квартиру в деревне Беркутово, чтобы познакомиться с его женой и поговорить с ней о важности хранения книг, а также и о возможных тяжелых последствиях, если не будет соблюдена осторожность.

По складу своего характера С. С. Терехин был человеком замкнутым, малоразговорчивым, его в шутку даже прозвали «молчальником». Жена Терехина, Прасковья Борисовна, была

малограмотная, но тоже очень серьезная и не болтливая женщина. Видя твердое решение мужа взять на свою ответственность хранение книг, несмотря на то, что в семье было много детей, она сознательно пошла на риск и согласилась хранить книги у себя.

Связь Терехина с партийной организацией поддерживалась только через меня. Некоторые рядовые члены партии даже не подозревали, что Терехин состоит членом нашей организации. Мы же с Попковым в свою очередь делали вид, что не имеем ничего общего с Терехиным. Менять книги к нему ходил я один.

В 1916 году наша библиотека второй раз пополнилась довольно большим по тем временам количеством политической литературы, поступившей к нам от наших предшественников из нелегальной библиотеки Низовского района. На этот раз было получено около 300 книг и брошюр, которые были перенесены надежными товарищами из города ко мне на дом, а потом я сам постепенно ночами переправил все книги и брошюры на конспиративную квартиру С. С. Терехина.

Наличие такого количества политической литературы вызвало оживление пропагандистской работы среди рабочих депо. Я частенько заходил на конспиративную квартиру Терехина менять книги. Теперь прежнего литературного голода не чувствовалось. Общее количество книг и брошюр достигало 400 экземпляров. В нашей нелегальной библиотеке были: «Коммунистический манифест», Карл Маркс «Наемный труд и капитал», «К критике политической экономии», «Капитал», т. I и III., В. Ленин «Что делать?», «Развитие капитализма в России», Г. В. Плеханов «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», А. Бебель «Женщина и социализм», а также ряд брошюр — «Манифест 1-го съезда РСДРП» (на гектографе), «Наши цели» и «Пауки и мухи» В. Либкнехта, «Царь голод» А. Н. Баха, «Хитрая механика», «Куда и на что расходуются народные деньги» и т. д. [1].

Из беллетристики мы имели такие легальные, но редко попадавшие в руки читателей произведения, как «Что делать?» Чернышевского, «Буревестник» и «Песнь о Соколе» М. Горького, произведения Короленко, сборник революционных песен.

В годы революционного подъема и повышения политической активности рабочих депо особенно необходима стала самостоятельность в разрешении серьезных политических вопросов; жизнь непрерывно ставила перед нами все новые и новые задачи, и это, в свою очередь, требовало от нас, особенно от пропагандистов, повышения своих политических знаний. Вот почему, помимо регулярного чтения «Правды», мы начали системати-

[1] Более подробный список см. в приложении. — Ф. К.

чески читать и обсуждать литературу, которая помогала подводить теоретический фундамент под практическую работу. Такая работа над собой велась индивидуально и коллективно. Самостоятельное чтение обыкновенно шло в следующей последовательности: художественная литература, затем «Пауки и мухи», «Царь голод», «Краткий курс экономической науки» А. Богданова, «Курс политической экономии» А. Богданова и И. Степанова, «Эрфуртская программа» К. Каутского и критика ее. После каждой прочитанной книжки обязательно обменивались мнениями, кто, что и как понял. Начали было читать первый том «Капитала» К. Маркса, прямо с первой страницы. Сперва попробовали читать индивидуально, но из-за недостатка общей грамотности это оказалось не под силу; пробовали читать коллективно, но и это не помогло. В то же время потребность и необходимость разобраться в сочинениях К. Маркса чувствовалась всеми и в первую очередь нами — членами руководящего партийного ядра. В связи с этим встал вопрос о необходимости повышения нашего общеобразовательного уровня. К этому времени у некоторых из нас, в том числе и у меня, имелись собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина, басни Крылова, Демьяна Бедного. Кроме того, благодаря дешевой распродаже книг издательством «Вестник знания», мы приобрели ряд общеобразовательных пособий, в том числе «Всеобщая география», «Россия в цифрах» Рубакина, «Наука и религия» Поссе, учебники по физике и химии, грамматику русского языка, руководство «Как писать стихи» и другие. Создали мы даже специальный кружок для занятий русским языком, устраивали соревнования на сочинение лучших стихов.

Личные библиотеки служили как бы продолжением партийной библиотеки, дополняли ее.

5. Практическое значение чтения

21(8) июня 1914 года царское правительство закрыло «Правду», чем нанесло тягчайший удар нашей партии, всему революционному рабочему движению России.

Разразившаяся первая мировая война поставила рабочий класс, партийные большевистские организации, в частности, и нашу, Кунгурскую, в очень тяжелое положение. Связь с Центральным Комитетом, осуществлявшаяся через «Правду», была нарушена. Во время войны по всей стране стал быстро распространяться шовинистический угар, раздуваемый царским правительством и его газетами.

Однако большевистская закалка, воспитанная «Правдой», особенно освещение ею в 1913 году войны на Балканах, как новой империалистической войны, грозившей превратиться в войну мировую, и чтение другой большевистской литературы,

значительная политико-воспитательная работа, проведенная Николаем Андреевичем Гребневым, и, наконец, классовое чутье сделали свое дело. Все члены нашей большевистской организации сразу же определились как решительные сторонники превращения войны империалистической в войну гражданскую.

В декабре 1914 года через сохранившуюся конспиративную связь с Московской большевистской организацией мы получили вырезки из 33-го номера газеты «Социал-Демократ» с обращением ЦК нашей партии об отношении к начавшейся мировой войне—«Война и российская социал-демократия», написанным Лениным. В течение нескольких вечеров мы читали и обсуждали это обращение. Это вызвало у всех нас приподнятое настроение. Особенно нас радовало то, что, несмотря на нашу временную оторванность от партийного центра, мы оказались на правильном, ленинском пути.

Крайне тяжелое материальное и бесправное положение рабочих во время первой мировой войны усилило их недовольство и заставило искать выхода. Мы же, большевики, усилили свою политическую агитацию среди рабочих депо. Новым толчком к этому послужило то, что в конце декабря 1915 года мы получили из Москвы «Манифест Циммервальдской конференции» (левого крыла социал-демократии), состоявшейся в Швейцарии в сентябре 1915 года. Хотя Циммервальдский манифест в вопросе об отношении пролетариата к первой мировой войне не был революционно последовательным, хотя в нем и не говорилось прямо о превращении империалистической войны в войну гражданскую, но написан он был исключительно ярко и доходчиво, волновал рабочих. Например, слова: «Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами», — становились ходячими. «Манифест» читался и перечитывался много раз наиболее надежными и влиятельными беспартийными рабочими депо, а также передовыми крестьянами Филипповской, Жилинской и Неволинской волостей, Кунгурского уезда. Мы знали «Манифест» наизусть. Это было необходимо, так как всякому арестованному полицейские и жандармы обязательно задавали вопрос: «А где манифест?», даже не называя, какой. Наличие «Манифеста» было достаточно, чтобы обвинить арестованного в измене отечеству и сразу же предать военно-полевому суду.

Война затягивалась, надежды на ее скорое окончание рассеялись, как дым. Шовинистический угар, раздувавшийся правительством и буржуазными газетами, стал, хотя и медленно, спадать. Царская армия из-за плохой подготовки к войне тер пела поражение за поражением. Нарастала хозяйственная разруха. Наиболее заметно сказалась она на железнодорожном транспорте.

В связи с острой нехваткой рабочих, в особенности квали-

фицированных, в депо были введены обязательные сверхурочные и аккордные работы. Значительно увеличивался рабочий день, а материальное положение не улучшалось.

В поисках выхода из тяжелого материального положения у рабочих депо возрастал интерес и к политическим вопросам. В конце мая 1916 года нам удалось поднять рабочих депо на забастовку, которая нашла отклик и поддержку среди рабочих депо Пермь и кажется еще Чусовой. Были выставлены требования о повышении заработной платы в связи с дороговизной на предметы первой необходимости. Мы же, большевики, разъясняя рабочим экономическую цель забастовки, увязывали это и с политической борьбой, с требованием прекращения всем ненавистной братоубийственной империалистической войны.

На подавление забастовки в Кунгуре из Перми выехали начальник дороги, начальник службы тяги и жандармский ротмистр, каждый со своей свитой.

На собрании рабочих начальство стало изливать свои «патриотические» чувства и больше всего старалось запугать рабочих снятием с воинского учета и отправкой на фронт. Это вызвало взрыв возмущения, посыпались вопросы: «А кому нужна эта война?», «кому выгоды от нее?».

Спор переходил на политические рельсы, вырисовывалась борьба двух противоположных классов.

Жандармы пристально вглядывались в лица рабочих, особенно стараясь приметить тех, которые задавали вопросы, бросали реплики и шептались о чем-то между собой.

Около токарного станка Мелехина в качестве оратора поднялся на ящик старший жандарм ст. Кунгур Калмыков. Он выступил с обвинениями рабочих, называл их изменниками родины. В подтверждение своих доводов жандарм вытащил из-за голенища брошюру Плеханова «О войне», в которой Плеханов оправдывал ведение царским правительством войны, и стал читать выдержки из нее. Это произвело на всех присутствующих большое впечатление: у начальства вызвало восторг, а для рабочих, в том числе и для нас, было неожиданным ударом в спину.

Но как ни усердствовали начальство и жандармы, принудить рабочих приступить к работе и в особенности возобновить сверхурочные работы им не удалось. Рабочие крепко стояли на своем.

На нелегальном собрании большевиков в лесу в центре внимания стоял вопрос о брошюре Плеханова. С книгами Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» мы были знакомы. они имелись в нашей подпольной библиотеке, но как могло случиться, что Плеханов написал

книжку, которая стала оружием против нас в руках врагов? Этот вопрос нас очень волновал.

За ответом на эти вопросы мы обратились к Ленину — к политическому манифесту ЦК РСДРП, выпущенному в 1914 году, в котором излагалось отношение ЦК нашей партии к первой мировой войне. Хотя за чтением и обсуждением этого обращения в декабре 1914 года было проведено несколько вечеров, мы снова вернулись к нему. Теперь мы обратили особое внимание на то, как Ленин клеймил и призывал всех членов партии клеймить Плеханова за его измену рабочему делу, за шовинистические выступления, которые были подхвачены и широко использованы буржуазной печатью. В 1914 году это место в обращении прошло как-то мимо нашего внимания. И только спустя полтора года, во время чрезвычайно острой борьбы, во время забастовки мы поняли, какой удар партии нанесла измена Плеханова пролетарскому делу, какой отравой была его брошюра «О войне», так как сказанное в ней прикрывалось былым авторитетом Плеханова. Так наличие подпольной библиотеки, в которой мы бережно хранили партийные газеты, дало нам возможность путем повторного чтения и детального разбора одного из важнейших политических документов ЦК партии до конца разобраться в предательстве Плеханова, вооружиться нужными знаниями для дальнейшей борьбы.

Забастовка продолжалась с неделю и закончилась частичной победой: результатом ее была прибавка для всех рабочих, хотя и очень небольшая. Но как ни мала была прибавка, все же рабочие добились своего, и это вселило в них веру в организованную борьбу.

В мои обязанности как заведующего партийной библиотекой входило не только оберегать ее от провалов, но и знать, хотя бы бегло, всю имеющуюся нелегальную литературу, а также сочетать ее с наличием легальной литературы в личных библиотеках партийцев. Но самой главной моей обязанностью было знать читателей, уметь находить для каждого из них соответствующую литературу, заинтересовать их чтением политической литературы.

Присматриваясь к рабочим депо и к передовым крестьянам пригородных Филипповской и Неволинской волостей, в особенности к молодежи, я выбрал среди них наиболее любознательных, у которых уже имелся некоторый интерес к чтению, или по крайней мере можно было надеяться, что он у них быстро появится. Вслед за этим вставали вопросы — что же дать каждому из них почитать? В каком направлении вести с ними беседы?

Особенно запечатлелся в моей памяти молодой рабочий депо Петр Федорович Булыгин. Его активность я приметил впервые в 1915 году, когда рабочие встали на защиту слесаря Девяткова от придиравшейся к нему администрации.

После этого подвернулся другой случай, позволивший мне более внимательно присмотреться к П. Ф. Булыгину.

П. Ф. Булыгин со своим закадычным приятелем Н. Гребенщиковым во время работы остановились у моего станка и разговорились о томящей их скуке. Булыгин, зная, что Н. Гребенщиков не расстается с книгами, спросил его, что он читает.

— Перечитываю Шерлока Холмса и Ната Пинкертона,— ответил Гребенщиков.

Булыгин стал упрекать Гребенщикова в несерьезности и вредности такого рода книг для рабочих. Гребенщиков отстаивал свое мнение, доказывая увлекательность и легкость чтения такой литературы.

После горячего спора Булыгин сказал: «Ты, Коля, все же принеси мне несколько таких книжек, я буквально задыхаюсь от скуки».

Меня озадачила такая просьба. Я вмешался в разговор и, обращаясь к Булыгину, спросил его: «Разве так поступают? Убежден в одном и совершенно правильно доказывал свою правоту, а на деле уступил противнику». Тут же я пригласил Булыгина к себе домой, пообещав дать почитать действительно интересные книги.

Булыгин пришел ко мне в тот же день прямо с работы, не заходя даже к себе на квартиру переодеться и пообедать.

Первое, что бросилось в глаза Булыгину,— это небольшой коллектив рабочих депо, которые жили и столовались у нас.

Мы жили дружно, у каждого имелся какой-либо музыкальный инструмент: у Яши Кузнецова — двухрядная гармонь, у П. Дилева — балалайка, у меня была гитара, балалайка и цитра.

Товарищи очень тепло встретили Булыгина, рассказали ему, что проводят время, занимаясь не только музыкой, но еще и совместным чтением.

В часы досуга к нам приходили и другие рабочие нашего возраста. Стал приходить и Булыгин. Он тоже приобрел балалайку и стал участником оркестра. Стал он и участником совместных чтений и обсуждений прочитанных произведений. Часто мы читали «Всеобщую географию», которая имелась в моей личной библиотеке, читали и обсуждали также отдельные статьи журнала «Вестник знания». Чтение сменялось игрой на музыкальных инструментах, что рассеивало усталость и позволяло дольше читать.

На такой же добровольной товарищеской основе при железнодорожной школе в 1916 году была организована драматическая труппа. Эта труппа ставила спектакли, а наш струнный оркестр устраивал концерты.

Мое участие и в оркестре и в драматической труппе помогало мне теснее сблизиться с молодыми рабочими, ближе узнать их интересы, стремления и способности для привлечения их к нелегальной работе, а затем и в члены партии.

Одной из форм общения и более короткого знакомства с такими товарищами я избрал разучивание революционных песен. Сам был запевалой, «хористов» подбирал сам из наиболее надежных, не болтливых товарищей. Тексты песен имелись в нашей библиотеке, мотивы я запоминал на слух (а некоторые мотивы рабочие знали еще до меня), так что собрания иногда заканчивались пением революционных песен. Разучивание начинали обычно в такой последовательности: «Славное море, священный Байкал», «Замучен тяжелой неволей», «Отречемся от старого мира», «Мы марсельезы гимн старинный на новый лад теперь споем», «Было дело в Петрограде», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Красное знамя» и др. Между прочим, этот вид агитации — песней, был самым доходчивым и эффективным. Участники хора относились к разучиванию песен с исключительным старанием, а то, что песни эти были запретными, вызывало еще больший интерес к ним. Некоторые революционные песни певались и на рабочих вечеринках.

Булыгин перечитал из моей библиотеки порядочное количество книг: «Дубровский» Пушкина, «Воскресенье» Л. Н. Толстого, «Кому живется весело, вольготно на Руси» Некрасова. «Герой нашего времени» и «Боярин Орша» Лермонтова, «Бурлак» Никитина, басни Крылова, «Буревестник», «Песнь о соколе» Горького и его рассказы, которые печатались в «Правде».

Видя, что в литературе Булыгин ищет ответа на возникающие у него вопросы об общественной жизни, я стал давать ему книги из нелегальной библиотеки. Первая книжка, которую я дал ему, была книжка «Царь голод». Я посоветовал прочесть ее со вниманием, но никому не показывать. Это предупреждение произвело на него сильное впечатление.

На следующий день Булыгин мне сказал: «В книге очень хорошо и правильно написано о жизни. Я ее читал почти до утра, чуть не проспал на работу. Я решил книжку «Царь голод» еще раз прочесть не спеша и более внимательно, а потому эти дни к тебе не приду».

Я одобрил его намерение и порекомендовал, на что обратить особое внимание.

Затем дал ему «Отверженные» Гюго, брошюры «Хитрая механика», «Пауки и мухи», «Сон под первое мая» и др.

В своих беседах с Булыгиным я старался не давать ему готовых выводов, а добивался того, чтобы он сам при мне же находил ответы на свои вопросы. Этим я стремился развить в

нем бóльшую самостоятельность в рассуждениях и твердость в убеждениях.

Убедившись в том, что революционная литература зажгла Булыгина, и он с еще большей жадностью набросился на чтение, я пришел к выводу, что пора готовить его к вступлению в партию.

Договорился с А. С. Попковым о том, что сначала я приведу Булыгина к нему на квартиру, чтобы он сам побеседовал с ним. Дня через 3—4 мы с Булыгиным были у Попкова.

Смысл беседы свелся к тому, чтобы Булыгин, почерпнув из книг и правильно осмыслив прочитанное, не держал свои знания при себе, а старался передавать их другим надежным рабочим. Поэтому неплохо будет, если он, не ссылаясь на источники, в удобные моменты начнет также беседовать с рабочими, в надежности которых он уверен.

А. С. Попков рекомендовал мне давать Булыгину более серьезные нелегальные книги и поручать отдельные партийные задания. Первым таким поручением было проводить во время обеденных перерывов читку газет в бригаде Коркодинова, в которой Булыгин работал. Из рядового слушателя громких читок в депо Булыгин превратился в агитатора-чтеца. Это помогло проверить, насколько он понимает прочитанное, насколько способен от слов перейти к делу.

В 1916 году за неимением большевистских газет мы стали подписчиками газеты «Голос», издававшейся в Самаре. Это была газета левого направления, выступавшая против империалистической войны и помещавшая на своих страницах разного рода материалы о рабочем движении в России. В этой газете время от времени появлялись статьи большевиков. Мы, как подписчики, посылали в эту газету свои вопросы на политические темы, сформулированные с большевистских позиций, чем толкали редакцию газеты еще больше влево.

Кунгурские большевики, воспитанные на газете «Правда», умели уже тогда отыскивать в газете любого направления нужные им сообщения и преломлять их в большевистском духе.

Первые читки у Булыгина прошли спокойно, никто вопросов не задавал. Но по мере того, как он сближался со слушателями, они начали активизироваться, стали задавать вопросы. Если вопрос был простой, Булыгин сразу же и отвечал на него. Но, памятуя мой ему наказ — что если вопрос окажется щекотливым, лучше сразу не отвечать на него,— он при первых же затруднениях стал отвечать так: «Вы говорите, что для вас это непонятно, я такой же рабочий, как и вы, вот подумаю, может быть в следующий раз смогу и ответить».

Контакт со слушателями с каждой читкой увеличивался, слушатели предъявляли все бóльшие требования к агитатору и

ему необходимо было самому основательнее готовиться к читкам. Надо было заранее знакомиться со всей газетой, да и не с одной. Кроме газеты «Голос», агитаторы читали еще «Пермскую жизнь» и «Русское слово», выбирая из них наиболее интересный информационный материал. Булыгин часто советовался со мной, как лучше строить беседу, чтобы не ударить лицом в грязь при ответах, а вопросы бывали иногда и трудные и даже каверзные, в особенности со стороны бригадира Коркодинова.

На одной из читок газеты «Голос» был, например, задан такой вопрос: «Почему в газете пишут одни только заголовки речей депутатов IV Государственной думы? Почему не печатают то, о чем они говорят и вместо их речей поставлены только точки или совсем оставлено чистое место?».

Булыгин отвечал: «Цензура не пропускает». Он припомнил уже известный ему Циммервальдский манифест и процитировал на память: «На печать надет намордник». Ответ понравился слушателям, и они стали видеть в Булыгине человека, кое-что знающего, его авторитет возрос.

Сам же Булыгин потом мне рассказывал: «На заданный вопрос я ответил, но только правильно ли? Я избегал даже намека на то, что для ответа взял слова, из Циммервальдского манифеста, помнил предупреждение тов. Попкова — не называть нелегальные источники и передавать их материал своими словами».

Трудность ответа на вопрос о свободе печати для молодого, мало искушенного еще в политике агитатора состояла в том, что нужно было ответить так, чтобы показать, насколько царское правительство боится выступлений, выражающих малейшее недовольство его политикой, но в то же время сказать это так, чтобы не дать ни малейшего повода к доносу, если на читке окажется длинноязыкий или провокатор.

Так молодые члены партии в процессе практической работы приучались прилагать к жизни знания, почерпнутые из газет и книг, хранившихся в нашей нелегальной библиотеке, находить подход к рабочей массе.

* *
*

После февральской революции 1917 года вместе с выходом из подполья партии большевиков вышла из подполья и наша библиотека.

В связи с новыми задачами и пополнением партийной организации новыми членами резко увеличился спрос на политическую литературу. Мне как секретарю Кунгурского комитета большевиков попрежнему ведавшему и библиотекой, приходилось записывать читателей в очередь на пользование литературой и в то же время принимать меры к пополнению библио-

теки через Петроградское издательство «Прибой» и Пермский комитет большевиков.

Значительное количество литературы мы получали через наших делегатов, ездивших в Петроград на Всероссийские съезды. Председатель Кунгурского Совета рабочих и солдатских депутатов тов. И. К. Попов был делегатом II Всероссийского съезда советов. В декабре 1917 и январе 1918 года я тоже был делегатом трех Всероссийских съездов, и каждый из нас привозил по нескольку больших связок большевистской литературы. Но все это не удовлетворяло растущих запросов читателей. Рабочий класс, взявший власть в свои руки, требовал все больше и больше политической литературы.

Во время гражданской войны Кунгурская большевистская библиотека вместе с другими партийными и советскими документами погибла (19 декабря 1918 года) при эвакуации. Но работа библиотеки не прошла бесследно. Эта маленькая библиотека не только вела большую организационную и политико-воспитательную работу в дореволюционные годы, но многие методы тогдашней нашей работы с книгой и газетой вошли в практику работы советских библиотек.

СПИСОК
ЧАСТИ КНИГ И БРОШЮР[1], ИМЕВШИХСЯ В БИБЛИОТЕКЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТ. КУНГУР в 1912—1917 гг.

№№ п/п.	Наименование книг	Автор	Издательство
1	Капитал, т. I и III	К. Маркс	Московское издательство, 1907—1909
2	Экономическое учение Карла Маркса. Перевод с немецкого	К. Каутский	«Буревестник», 1905
3	Критика некоторых положений политической экономии. Перевод с немецкого	К. Маркс	В. Бонч-Бруевич, 1896
4	Наемный труд и капитал (брошюра)	К. Маркс	«Колокол»
5	Развитие капитализма в России	Владимир Ленин	М. И. Водовозовой, 1899
6	Царь голод	А. Бах	—
7	Политэкономия в вопросах и ответах	А. А. Богданов	—
8	Аграрный вопрос (брошюра)	Каутский, перевод Н. А. Минаева.	«Новый мир»
9	Программа РСДРП	—	—
10	Капитализм и коммунизм	К. Маркс и Ф. Энгельс	«Колокол», 1905
11	Жилищный вопрос. Перевод с немецкого	Ф. Энгельс	«Донская речь», 1906
12	Гражданская война во Франции	К. Маркс	«Буревестник», 1905
13	Эрфуртская программа	К. Каутский	«Колокол», 1905
14	К вопросу о развитии монистического взгляда на историю	Н. Бельтов (Г. Плеханов)	С.-Петербург, 1906
15	Наши разногласия	Г. В. Плеханов	«Новый мир», 1906
	Социализм и политическая борьба	Г. В. Плеханов	«Пролетариат», 1906

[1] Восстановить по памяти названия всех 400 книг и брошюр, имевшихся в библиотеке, оказалось невозможным.

№№ п/п	Наименование книг	Автор	Издательство
16	Сущность Конституции	Ф. Лассаль	—
17	Что же дальше? Перевод с немецкого	—	—
18	Утопический и научный социализм	А. М. Голубков	1906
19	Очерк истории социал-демократии в России	Н. Батурин	1906
20	От утопии к научной теории	Ф. Энгельс	«Молот», 1905
21	Политические партии и формы государственного строя	Радин (Б. Кнуньянц).	«Молот», 1905
22	Женщина и социализм	А. Бебель	«Колокол», 1905
23	Как рабочим союзы устраивать	Артем К-н	«Колокол», 1905
24	Всеобщая стачка и социал-демократия. Перевод с немецкого	Г. Роланд-Гольст	«Молот», 1906
25	Восьмичасовой рабочий день	Минаев	«Колокол», 1906
26	История «Заговора равных»	Л. Жбанков. Под редакцией Н. А. Рожкова	«Колокол», 1905
27	Знание — сила, сила — знание	В. Либкнехт	«Молот», 1905.
28	Наши цели	В. Либкнехт	«Молот», 1905
29	От обороны к нападению	В. Либкнехт	«Донская речь»
30	Как живут люди	Дикштейн	«Донская речь»
31	Две речи	Алексеев и Варлен	Женева, Заграничная лига русской рев. социал-демократии, 1901
32	Речь о налогах	В. Либкнехт	Алексеевой, 1906
33	Поклонение золоту	П. Лафарг	«Молот», 1905
34	Право на леность. Перевод с французского	П. Лафарг	Г. К. Кипер, 1906
35	Чего хотят социал-демократы	Гэд и Лафарг	«Колокол», 1906
36	Пауки и мухи	В. Либкнехт	«Донская речь»
37	Спартак	Джованьоли	—
38	Овод	Войнич	—
39	Ткачи	Гауптман	—

М. Н. Коковихин

БИБЛИОТЕКА МИНЬЯРСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА в 1905—1917 гг.

(по личным воспоминаниям)

В условиях царского режима, когда открытое печатное и устное большевистское слово беспощадно душили, распространение нелегальной большевистской литературы имело огромное значение в деле просвещения широчайших масс трудящихся в духе марксизма, в деле укрепления их связи с партией революционного пролетариата.

Старое поколение большевиков хорошо знает по богатому и многообразному опыту подпольной работы, что достаточно было рабочему, неискушенному в политике, вдумчиво прочитать одну-две нелегальных брошюры или книги, знакомивших его с неведомыми до сих пор идеями, которые так убедительно объясняют, почему он бесправен и вечно живет впроголодь, как совершается переворот в его сознании, перед ним открывается новый мир, мир социализма, где не будет эксплуатации человека человеком.

В настоящей статье мы расскажем читателям о работе подпольной библиотеки Миньярской большевистской организации.

Подпольные библиотеки первичных большевистских организаций являлись очень важным звеном во всей партийной пропагандистской работе, а потому знакомство с работой большевистской подпольной библиотеки представляет интерес не только для специалистов библиотечного дела, но и для широких кругов партийных и советских работников.

Прежде чем рассказать о работе библиотеки, необходимо дать хотя бы минимум сведений о Миньярской большевистской организации, без чего неизбежно возникнут неясности и затруднения в понимании сообщаемых фактов.

В 1902 году на Миньярском заводе возник первый рабочий кружок, в 1903 — другой. Члены этих кружков получали социал-демократическую литературу из Уфы. В конце 1904 года была создана социал-демократическая организация, представлявшая во второй половине 1905 года уже значительную, все возраставшую силу. В январе 1907 года на Уфимской губернской партийной конференции делегат от

Миньярской организации доложил, что она насчитывает 160 членов партии. К началу 1908 года их число достигло 220 человек, то есть 22% от общего количества рабочих завода. Такой партийной прослойки не имело ни одно предприятие на Урале. При этом все члены Миньярской организации были большевиками, в ней не было ни меньшевиков, ни отзовистов. Несмотря на массовые аресты, ссылки и судебные приговоры, с 1904 года и до февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эта большевистская партийная организация не прекращала своей революционной деятельности. Это указывает на тесную ее связь с рабочей массой, питавшей свой передовой отряд неиссякаемой жизненной силой.

В 1906 году по инициативе миньярских большевиков была созвана конференция трех партийных организаций смежных и хозяйственно связанных между собою заводов — Миньярского, Симского и Ашинского. На этой конференции произошло организационное объединение, положившее начало существованию Миньярской окружной организации, названной так потому, что именно организация Миньярского завода численно превосходила Симскую и Ашинскую, взятые вместе, и была ведущей в силу более высокого политического уровня своих членов[1].

Располагая пропагандистскими кадрами, Миньярская заводская организация создала большевистские ячейки и в окрестных селах — Биянке, Илеке, Муратовке, Ерале и в деревне Мини, вошедшие затем также в Миньярскую окружную организацию.

В 1906 году из двух делегатов от Урала, выбранных на первую конференцию военных и боевых организаций РСДРП, состоявшуюся в г. Таммерфорсе, один делегат был от Миньярской организации.

Окружная организация самостоятельно послала на пятый Лондонский съезд партии своего делегата с правом решающего голоса. На расширенном совещании редакции газеты «Пролетарий», происходившем в 1909 году, Урал был представлен делегатами от Уфимской, Миньярской и Златоустовской организаций.

Миньярская организация поддерживала непосредственную связь с редакцией газеты «Пролетарий», а затем и с «Социал-Демократом»; эта связь время от времени прерывалась из-за арестов, но вновь восстанавливалась.

В 1914 году многие большевистские организации на Урале были разгромлены или сильно ослаблены, но Миньярская ор-

[1] В дальнейшем речь будет идти преимущественно о Миньярской заводской организации, и только в тех случаях, когда действия или события происходили при непосредственном участии одноименной окружной организации, будет добавляться слово «окружная». — *М. К.*

ганизация продолжала вести интенсивную работу. Это видно из записей члена IV Государственной думы М. К. Муранова, которые он вел в июле 1914 года, объезжая Урал, чтобы установить связи местных организаций с ЦК партии и подготовить выборы делегатов на предстоящий съезд партии [1].

С 1905 по 1916 год включительно миньярские большевики организовали шесть политических демонстраций, одиннадцать общезаводских политических забастовок и семнадцать групповых, цеховых и общезаводских экономических забастовок, одна из которых (общезаводская) длилась семь месяцев!

Демонстрации и забастовки рабочих не возникали по мановению волшебной палочки. Все такие выступления были прямым результатом печатной и устной большевистской агитации и пропаганды, в которой далеко не последнюю роль играли и подпольные библиотеки.

Работа нелегальных библиотек велась не по стандарту и раз навсегда установленному образцу, а в зависимости от конкретных условий. Их комплектование, организация, способы распространения имевшихся в них книг, брошюр и газет среди рабочих и крестьян всецело зависели: 1) от величины самой партийной организации и ее структуры, отвечающей уставным положениям демократического централизма, 2) от степени активности членов партийной организации, руководящей роли партийного комитета, устойчивой и продолжительной связи с ЦК (получала ли данная партийная организация посылаемую ЦК литературу из-за границы через областную, губернскую организации или непосредственно в свой адрес), 3) от наличия гектографа или печатного станка (последний являлся принадлежностью уже солидной подпольной типографии).

Как же обстояло дело в миньярской подпольной библиотеке?

Основной фонд нелегальных книг и брошюр был собран в 1905 и в особенности в 1906 году, когда некоторые издательства, например, «Донская речь», воспользовались наступившими днями «свобод» и явочным порядком выпускали массовыми тиражами революционную литературу.

В 1906 году в Петербург был послан член нашей организации К. Минеев для приобретения и доставки революционной литературы в Миньяр. Ему сопутствовала удача: с помощью питерской большевистской организации он приобрел довольно значительное количество литературы и благополучно доставил ее на место назначения. Изрядное количество книг было доставлено и из Москвы, но кто персонально ездил за ними — установить теперь не представилось возможным. В 1907 году по договоренности с уральским областным комитетом в Екатеринбург был командирован С. Зеленцов, который доставил в

[1] См. в кн.: Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., Госполитиздат, 1940, стр. 342—343.

мешке до 2-х пудов литературы. Ф. Заикин вспоминает, как он прошел 16 километров через горные перевалы и донес в мешке из Симского завода в Миньяр не менее пуда нелегальной литературы, доставленной симским товарищем по поручению окружного комитета партии.

Из Уфы мы получали литературу чаще, но меньшими партиями. Нужно сказать, что связь Миньярской организации с Уфимским комитетом была более тесной благодаря тому, что Миньяр и Уфу разделяли 120 километров и оба пункта соединяла железная дорога, поэтому доставлять литературу было легче и дешевле.

Однако не вся поступавшая в Миньяр литература оставалась здесь, часть ее приходилось распределять между Симской и Ашинской организациями и сельскими ячейками, входившими в окружную Миньярскую организацию.

Сейчас очень трудно восстановить в памяти названия всех брошюр и книг, хранившихся в библиотеках нашей организации. Можно назвать только приблизительно некоторые из них: «Программа и устав РСДРП», «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Эрфуртская программа» К. Каутского, «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленина, «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленина, «Богатство и труд» С. Струмилина, «Пауки и мухи» В. Либкнехта, «Кто чем живет?» Дикштейна, «Утопический и научный социализм» А. Л. Голубкова и т. п.

У боевой дружины была своя особая библиотека, содержавшая нелегальную и легальную литературу по военному делу: «Наставление по стрельбе», «Устав полевой службы», «Тактика уличного боя» и т. п.

Газета «Пролетарий» (орган большевистского центра) переправлялась из-за границы в пакетах по почте в адрес конторы завода на фиктивное лицо — «Плотникова», но в середине 1909 года жандармы узнали о содержимом конвертов с заграничными марками и пресекли их поступление.

«Социал-Демократ» — Центральный орган партии — поступал к нам реже, чем «Пролетарий», так как мы получали его из посылок, транспортировавшихся из-за границы через передаточные пункты. Только в 1912 году мы стали получать его непосредственно из Парижа по почте.

В бо́льшем количестве экземпляров и более регулярно поступала нелегальная большевистская газета «Уфимский рабочий», реже и в меньшем количестве — «Уральский рабочий».

Перечисленные книги и газеты, собственно, и составляли фонд нелегальных библиотек; за их хранение и распространение сурово карало царское правительство как в административном, так и в судебном порядке.

Книжный фонд библиотеки не ограничивался перечисленной выше литературой. Руководящие члены организации, интересовавшиеся вопросами теории, легально выписывали или покупали непосредственно в магазинах на свои средства «толстые» книги (как их тогда называли в отличие от брошюр), трактовавшие теорию марксизма, вопросы естествознания и выходившие без предварительной цензуры. Несмотря на то, что книги приобретались на личные средства, они фактически становились частью общего библиотечного фонда и выдавались читателям беспрепятственно с единственным условием: не грязнить, не загибать углы листов и ничего не подчеркивать.

В период 1908—1916 гг. активисты организации интересовались широким кругом вопросов. Они читали: «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Материализм и эмипириокритицизм» В. И. Ленина, «Национальный вопрос и марксизм» И. В. Сталина (книга, выпущенная издательством «Прибой»), философские труды И. Дицгена — «О сущности головной работы человека», «Экскурсии социалиста в область теории познания» и другие его работы, «Краткий курс экономической науки» А. Богданова, «Сущность христианства» Л. Фейербаха, «Жизнь Иисуса» Штрауса, «Мировые загадки» Геккеля и т. д.

Активисты читали книги по теории марксизма не только индивидуально, но и коллективно.

В 1909 году миньярские большевики организовали кружок по изучению теории марксизма. В кружке занимались до 12 передовых рабочих-партийцев. Используя библиотечный фонд, они самостоятельно изучали отдельные вопросы, а затем выступали с соответствующими докладами перед всеми участниками кружка. В процессе обсуждения докладов в товарищеской среде делались замечания и указания, если докладчик или упускал те или другие узловые положения разбираемого вопроса или недостаточно точно их освещал. Это заставляло каждого члена кружка глубже вникать в изучаемый вопрос, больше читать, серьезнее относиться к подготовке докладов. Старая большевичка Л. М. Тарасова, жившая в Миньяре в 1912—1913 гг., рассказывает о работе группы партийных товарищей: «Мы, не договариваясь, встречались каждый вечер; иногда сходились на линии железной дороги; у В. Горшкова всегда находилась в кармане книга и свеча для того, чтобы можно было читать как можно дольше. Читали книгу, дебатировали прочитанное, призывая иногда для полного разрешения непонятного Алексея Коковихина (брата автора статьи. — *М. К.*)».

Благодаря своему влиянию Миньярская большевистская организация не без успеха использовала возможность попол-

нять марксистскими книгами и земскую библиотеку. Так, например, по составленному ею списку на полках земской библиотеки появились все три тома «Капитала» К. Маркса, «Происхождение видов» и «Происхождение человека» Ч. Дарвина и др.

Миньярская партийная организация была построена по производственному принципу: в каждом цехе завода была создана цеховая ячейка. Исходя из этого, партийный комитет нашел более целесообразным, отказавшись от создания одной библиотеки, организовать библиотеки при каждой цеховой ячейке и, как уже говорилось, при боевой дружине. Решение это было совершенно правильным и полностью оправдало себя в условиях подполья. Во-первых, при наличии одной библиотеки в случае ее провала организация рисковала остаться совершенно без нелегальной литературы. Во-вторых, выдача книг была бы сопряжена с большими трудностями, так как библиотекарь по конспиративным условиям не мог хранить такое большое количество книг у себя на дому и поэтому не мог бы взять книгу в любое время и выдать ее читателю. В-третьих, цеховые библиотеки ближе стояли к читателям, и организатор цеховой ячейки, выполнявший одновременно обязанности библиотекаря, лучше знал партийных и беспартийных рабочих цеха, а следовательно, мог индивидуально подойти к каждому читателю, с наибольшей пользой порекомендовать ту или другую книгу, брошюру.

Если в обычной легальной библиотеке дело организации и учета фондов было доведено до высокого уровня, то в нелегальных библиотеках ни о каких инвентарных номерах, отделах литературы, шифрах и проч. не могло быть и речи. По тем же конспиративным условиям работы не составлялись даже списки наименований книг и не производились записи при выдаче их читателям. Все нужно было держать в памяти, ибо каждая запись, касалась ли она названий книг или имен читателей, могла стать документом для следственных и судебных органов.

Подыскать место для хранения библиотечных книг было делом довольно сложным. Опыт показал, что хранить библиотеку в доме самого организатора цеховой ячейки нецелесообразно; цеховые организаторы часто проваливались. В целях лучшей сохранности запрещенных книг, с таким трудом и риском получаемых, организаторы часто хранили их в надворных постройках беспартийных родственников или хорошо знакомых и вполне надежных рабочих, пока этих последних полиция не начинала подозревать в крамоле. Но далеко не всякий рабочий соглашался хранить библиотеку в своем доме, ибо он хорошо знал, что полиция, обнаружив нелегальную литературу, жестоко расправится с тем, кто ее держит. Во избе-

жание частых посещений тех домов, где хранились библиотеки, организаторы брали до десятка наиболее ходовых брошюр и книг, приносили их в цех и прятали в укромном месте. В целях той же конспирации, как правило, книга не выдавалась в тот же день, когда ее просили, чтобы не показать читателю, что книги хранятся где-то поблизости.

В наше время, когда советские издательства выпускают миллионы разнообразных книг, мы видим непрерывный бурный рост книжных фондов в библиотеках. Иное положение наблюдалось в нелегальных библиотеках. Даже о какой-либо стабильности книжного фонда не приходилось говорить. Если библиотека находилась в постоянном обращении, а не лежала где-то запрятанной и временно недвижимой, то в ней все время происходили приливы и отливы книг; в годы столыпинской реакции последние явно преобладали, ибо выпуск нелегальных брошюр значительно уменьшился и связь между местными партийными организациями и ЦК партии все чаще и чаще нарушалась, транспортировка литературы стала значительно труднее, чем раньше. Нужно помнить, что только немногие нелегальные типографии печатали книги и брошюры; техническое оборудование большей части типографий не было приспособлено для выполнения такой задачи. Как только начинала функционировать хорошо оборудованная типография, жандармы прилагали все силы, чтобы ее обнаружить, понимая, что она является источником снабжения организации нелегальной литературой. О том, насколько велика была нужда в литературе, говорит тот факт, что в августе 1910 года состоялось собрание Миньярской организации большевиков, на котором обсуждался вопрос об изыскании возможностей приобретения литературы. Все это обязывало библиотекарей проявлять большую изобретательность в улучшении хранения книг, следуя пословице: дальше положишь, ближе возьмешь.

В хранении нелегальной литературы «библиотекари» достигали исключительной изощренности. Например, в торцовой части капитальных столбов надворных построек делали углубления для хранения одного-двух десятков брошюр; на образовавшуюся полуовальную выемку клалось солидной толщины бревно, полностью закрывавшее углубление. Чтобы положить или взять книги, нужно было приподнять бревно при помощи ваги. Прятали книги и за тесовой обшивкой домов между бревенчатой стеной и тесом. Для этого, осторожно вынув гвозди, крепившие какую-либо одну тесину, отнимали ее и вбивали в стену два гвоздя по вертикали; потом, связав книги шпагатом, использовали верхний гвоздь в качестве блока, по которому пакет книг на шпагате поднимался до самого верха; другой конец шпагата прикреплялся к нижнему гвоздю, чтобы пакет не мог опуститься вниз. После этого доску вновь

прибивали, но гвоздями меньшего размера, чтобы легче было отнять тесину в следующий раз.

Жандармы обстоятельно, не жалея времени, производили обыски иногда в течение 12 часов подряд. В поисках «крамольного документа» они перерывали все: землю под полом, чердак, разбирали стенные часы, оклады на иконах, вынимали зеркала из рам, просматривали все гильзы для набивки папирос, которыми революционеры пользовались иногда, вкладывая в мундштуки свернутые в трубочку крошечные клочки бумаги с адресами и явками; развертывали пресс-папье, просматривали каждый листок промокательной бумаги.

Изыскание способов хранения нелегальной литературы и различных документов было прекрасной школой, учившей большевиков не полагаться на авось, избегать шаблона, искать более надежные хранилища для нелегальной литературы.

Несмотря на строгую конспирацию, соблюдаемую большевиками в отношении своих библиотек, все же бывали провалы, приводившие к уменьшению книжного фонда. Так, например, в 1909 году член партии И. Ф. Туманов спрятал книги под полом своего недостроенного дома. Прибывшие из Уфы жандармы произвели у него обыск и обнаружили солидных размеров ящик, до отказа наполненный нелегальной литературой. В числе книг оказалась партийная программа в рукописном виде, пущенная в обращение за недостатком печатных экземпляров. И. Туманова арестовали. Жандармы не успокоились на этом и начали усиленно разыскивать переписчика программы. Сличив почерки служащих конторы с почерком, которым была переписана программа, они установили, что программу переписал И. М. Грачев, который был арестован вслед за Тумановым. Их обоих судила Казанская судебная палата и приговорила к ссылке в Сибирь.

Второй провал произошел по доносу провокатора. Член партии И.Ф. Стукин для большей сохранности библиотеки закопал ящик с книгами на огороде, а жена, не зная о секрете мужа, на этом месте посадила лук. Взошедший лук не помешал жандармам, имевшим точные сведения, быстро обнаружить ящик с книгами. Та же судебная палата приговорила И. Стукина к ссылке в Сибирь на шесть лет.

Читатели-партийцы во время обысков, застигавших их врасплох, обычно сами уничтожали нелегальную литературу, если же они не успевали этого сделать, книги становились добычей жандармов. Обыски происходили довольно часто и притом у значительного числа товарищей; таким образом, в течение ряда лет было уничтожено и забрано немало литературы.

Убывали книги и из-за ненормальных условий хранения, так как подвергались иной раз влиянию дождя, снега и т. д.

Изредка уничтожались книги и самими рабочими, вернее, их несознательными женами. Увидев у мужа «красную книгу», жена или бросала ее в печь или рвала на мелкие клочки, приговаривая: «Посмотри на детей-малышей, на кого ты их хочешь оставить?».

Уменьшалось количество книг, наконец, и от естественного износа. Побывав в руках двух-трех десятков читателей, они превращались в груду истрепанных страниц.

С выходом в свет легальных газет — «Звезды» и в особенности «Правды» — резко возросло как количество большевистской литературы, так и количество ее читателей. «Правду» стали читать сотни тысяч трудящихся, она стала настольной и любимой газетой рабочих, которые находили в ней ответы на волнующие их вопросы.

Задача большевистских организаций состояла в том, чтобы организовать коллективную и индивидуальную подписку на «Правду». Миньярские большевики выполнили эту задачу: партийные и беспартийные рабочие выписывали до 40 экземпляров газеты «Правда». Для такого сравнительно небольшого завода это было большим достижением. Эти 40 экземпляров газеты читались или прослушивались сотнями рабочих. Осуществлялось это благодаря следующему обстоятельству: особенности условий производства заставили администрацию завода оборудовать в горячих цехах чайные, а партийная организация превратила их в своего рода клубы. Невыносимая жара и угарный смрад в цехах от нагревательных печей и добела накаленных слитков металла так изнуряли рабочих, что они физически не в состоянии были работать без перерыва больше двух часов, их мучила непреодолимая жажда и тяжелая усталость. Передышка была необходима. С этой целью, по договоренности с администрацией, для выполнения одной и той же производственной операции рабочие разбивались на две смены, которые чередовались в течение рабочего дня. В то время, как одна смена работала в течение двух часов, другая отдыхала в чайной (там были устроены нары, можно было напиться чаю из артельного ведерного чайника); таким образом в чайной по очереди все время находилась то одна, то другая смена.

«Правда» доставлялась подписчикам рассыльными завода прямо в цехи. Организатор цеховой ячейки выбирал из числа рабочих каждой смены товарища, который умел с увлечением и выразительно читать вслух. Нужно было побывать на читке «Правды» в чайной, чтобы увидеть и услышать, как живо реагировали рабочие на содержание прочитанных статей или отчетов о заседаниях Государственной думы. Они восхищались, например, сильными местами речей депутатов-больше-

виков — членов четвертой Государственной думы, обличавших реакционные действия царского правительства, выражали презрение и ненависть кадетско-черносотенному большинству, когда оно за эти обличения исключало депутатов-большевиков на несколько заседаний из Думы. В силу различной общей и политической подготовки слушателей чтения газеты почти каждый раз вызывали вопросы, на которые отвечали более сведущие товарищи, подробно разъяснявшие непонятные места в прочитанном.

После коллективной читки «Правда» передавалась от одного рабочего к другому для индивидуального чтения. Особо интересные номера зачитывались до дыр.

Администрация завода решила покончить с установившейся практикой чтения газеты «Правда». Заместитель управляющего завода Щировский запретил рабочим читать газету в цехах и чайных[1]. Рабочие запротестовали, Щировский вынужден был пойти на уступку: в проходных будках сделали ящики, куда складывали газеты, но это не прекратило читку «Правды» в чайных.

Читками в чайных заинтересовался и жандарм. Однажды во время читки он неожиданно вошел в чайную крупносортного цеха. Читавший передал номер газеты рядом сидящему рабочему, а тот — другому, и она мгновенно была унесена из чайной в цех. Жандарм спросил чтеца, где газета; тот развел руками в знак того, что ее у него нет. Многолетняя конспиративная работа приучила рабочих действовать быстро и дружно, чтобы одолеть коварного врага, а где нужно — и обойти его.

Миньярские рабочие не только читали «Правду», но и прилежно сотрудничали в ней. В 92-м ее номере от 23 апреля 1913 года подведен итог, из которого явствует, что за год с Урала, исключая Оренбург, поступило пятнадцать корреспонденций, из числа которых на долю Миньярского завода падает 6 или 40%.

Когда редакция «Звезды» обратилась с призывом к рабочим об образовании денежного фонда на издание ежедневной рабочей газеты, миньярские большевики много сделали для сбора денег. О скромных отчислениях рабочих упоминается в статье В. И. Ленина «Итоги полугодовой работы»[2].

Несмотря на гонения, на всевозможные рогатки и препоны, воздвигавшиеся царским правительством против революцион-

---

[1] «Правда», 1913, № 64, 17 марта.

[2] Ленин В. И. Итоги полугодовой работы.— Сочинения. Изд. 4-е. Т. 18, стр. 173.

ной марксистской литературы, она проникала в массы и выполняла свою историческую роль в подготовке рабочего класса нашей страны к завоеванию власти в дни Великой Октябрьской социалистической революции. Подпольная библиотека Миньярской партийной организации внесла свой вклад в это великое дело, не прерывая своей работы вплоть до установления советской власти.

М. Н. Коковихин

О ДВУХ БИБЛИОТЕКАХ В АРМИИ (1906—1917 гг.)

При организации даже самых маленьких нелегальных библиотек в воинских частях царской армии большевикам приходилось преодолевать еще бо́льшие трудности по сравнению с теми, какие встречались на их пути при выполнении этой работы среди гражданского населения. Солдатам категорически воспрещалось без письменного разрешения командира роты читать даже легальную литературу и заниматься по учебникам, вплоть до учебников русского языка и арифметики.

На просьбу о разрешении почитать что-нибудь из произведений Л. Н. Толстого или М. Горького солдат неизменно получал отказ. Если бы он вздумал самочинно и открыто почитать в казарме неразрешенную командиром роты хотя бы и легальную книжку, дежурный и дневальный по роте не допустили бы этого, отобрали бы ее и при рапорте представили по начальству. О последствиях говорить не приходится — за такое чтение солдат сурово наказывали. Без разрешения непосредственного начальника солдаты не имели права отлучаться из помещения казармы даже на 10 минут, что исключало чтение вне казармы.

В крепостях, например, в Брестской, солдаты-артиллеристы стояли в самой цитадели и на фортах, и это еще больше усложняло общение их с внешним миром.

Не случайно в требованиях восставших в 1906 году солдат Брестской крепостной артиллерии и 2-го осадного артиллерийского полка в пункте 12 было записано: «Читать книги и иметь в библиотеке все, что выходит в свет»[1].

Начавшееся в 1905 году брожение среди солдат[2] принудило начальство участить осмотры (точнее, обыски) солдатских сундучков и постельных принадлежностей с целью обнаружить «недозволенное».

---

[1] Центральный военно-исторический архив СССР, ф. 1867, оп. 9, д. № 1, л. 12.

[2] В 1905 году большевистская организация Брестской крепостной артиллерии выпустила воззвание к солдатам, напечатанное на пишущей машинке писарями управления Гороховым и Александровым, с призывом объявить забастовку, прекратить несение службы. Более половины солдат откликнулись на призыв и три дня бастовали. Писарей арестовали, судили и приговорили к каторжным работам. (Центральный военно-исторический архив СССР, ф. 1867, оп. 9, д. № 1, л. 12).

Тем не менее нелегальная литература для солдат проникала в казармы. Поступала она из разных источников. В таких городах, как Петербург, Москва и в некоторых других, где были мощные военные и гражданские партийные организации, располагавшие более крупными денежными и техническими средствами, издавались специально для армии нелегальные газеты, листовки и брошюры. Петербургской военной организацией, например, издавалась газета «Казарма», а в Москве — «Солдатская жизнь». Только за два месяца 1905 года петербургская военная организация издала 37 467 экземпляров листовок различного названия, в частности, 10 000 листовок «О присяге» [1]. Естественно, что и библиотеки в частях Петербургского гарнизона были крупнее, чем в других частях. Немалая доля изданных газет, листовок и брошюр была доставлена в военные части других городов.

После этой краткой общей характеристики условий, в которых приходилось работать, приступим к описанию двух военных библиотек.

Первая небольшая библиотека нелегальной литературы, о которой пойдет речь, была создана в 1905 году большевистской организацией Брестской крепостной артиллерии. Эта библиотека просуществовала до подавления в июле 1906 года восстания солдат указанной воинской части и 2-го осадного артиллерийского полка [2].

Часть нелегальной литературы в эту библиотеку поступила через врача военного госпиталя К. А. Крестникова, который получил ее от Е. Д. Стасовой. Однако большинство листовок, брошюр, газет получали из Петербурга и Москвы другими путями. Ввиду незначительного количества нелегальной литературы она была в непрерывном обращении, и на хранении ее оставалось мало. Но то, что надо было хранить, хранилось в большинстве случаев умело. Так, например, члены большевистской организации надзиратели складов артиллерийских снарядов Комаров, Тимошенко и Галкин хранили прокламации под названием «Солдатская доля» в доверенных им складах, куда почти никто не мог проникнуть.

Нелегальная литература распространялась по мере ее поступления, с соблюдением строгой конспирации. Так, в ноябре 1905 года в Бресте прокламацию «Военно-социалистической организации» распространял солдат, фамилию и принадлежность к части которого полиции так и не удалось установить.

---

[1] Революционные события 1905 года в г. Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925, стр. 193.

[2] Восстание продолжалось с 8 по 10 июля 1906 г. В ночь на 11 июля восставшие были окружены большим количеством войск, а 11 июля произведены аресты. Было арестовано 434 солдата, в числе которых был арестован и автор настоящей статьи. (Центральный военно-исторический архив СССР, ф. 1867, опись 9, д. № 1, лл. 151, 131, 1).

О том, какая литература имелась в библиотеке, отчасти свидетельствуют следующие факты. В 1906 году был арестован и посажен в одиночку солдат Капырин. На свидание к нему пришел писарь штаба Брестской крепости Приневский и принес для передачи нелегальную литературу. В караульном помещении у него обнаружили: «Программу германской рабочей партии» К. Каутского, а также песенник революционных песен, в котором были помещены «Варшавянка», «Марсельеза», «Интернационал», «Первое мая» и др.

Прибывший из Варшавы для ведения следствия о виновности восставших солдат Брестской крепостной артиллерии и осадного артиллерийского полка полковник допросил в качестве свидетелей также и офицеров. Заместитель командира седьмой роты подпоручик Потулов показал: «В солдатском собрании (солдатское собрание — одно из завоеваний артиллеристов в 1905 году — право солдат собираться в определенном отведенном им помещении) газеты крайних направлений (революционных. — *М. К.*) обращались в достаточном количестве»[1].

Незначительная по своим размерам библиотека сыграла значительную роль в деле распространения большевистских идей, многие солдаты почерпнули из брошюр, газет и листовок знания о классах, партиях, убедились в необходимости революционной борьбы с царским строем, у них развился интерес к чтению политической литературы.

Сведения о второй библиотеке относятся к 1916—1917 годам.

Во время первой мировой войны распространение нелегальной большевистской литературы улучшилось и облегчилось в двух отношениях: во-первых, появилось больше возможностей прятать литературу и, во-вторых, начальство под давлением боевой обстановки умерило свои придирки, а солдаты скорее шли на риск, ибо им на каждом шагу и без того грозила смерть. Но при этом выявилась и специфическая фронтовая трудность: воинские подразделения часто перебрасывали с одного боевого участка на другой, вследствие чего очень трудно, а порою совершенно невозможно было установить и поддерживать связь с теми большевистскими организациями, которые имели нелегальную литературу.

Доставка литературы производилась преимущественно членами партии, а иногда и беспартийными солдатами, ездившими на побывку домой. Иной раз получали литературу в прифронтовых городах, в которых имелись большевистские организации, располагавшие нелегальной литературой, но это

[1] Центральный военно-исторический архив СССР, ф. 1867, оп. 9, д. № 1, л. 146.

случалось очень редко. Вот почему нелегальные библиотеки в армии были небольшие, и устная агитация доминировала над печатной.

В 1916 году, в разгар первой мировой империалистической войны, в 48-м отдельном полевом тяжелом артиллерийском дивизионе автором этой статьи была создана большевистская организация, которая к февралю 1917 года насчитывала уже до 20 членов партии.

Попав в 1916 году во время краткосрочного отпуска на Миньярский завод, я подобрал в библиотеке Миньярской большевистской организации нелегальную литературу, в том числе программу и устав большевистской партии, всего около двух десятков брошюр, и благополучно доставил их на фронт.

Солдаты были уже по горло сыты войной. Появились признаки массового недовольства, первоначально по поводу разных бытовых вопросов: задержка замены рваных сапог новыми, перебои в доставке хлеба и горячей пищи в окопы, обеды из селедки, удлинение сроков отправки в ближайший тыл на отдых и т. д. Под влиянием устной агитации, проводимой большевиками, недовольство солдат быстро усиливалось, перерастая в политический протест. Они хотели знать правду о войне, почему рабочие и крестьяне несут все тяготы войны, а богачи наслаждаются благами жизни. Жгучими темами солдатских бесед стали вопросы о земле, о тяжелом положении рабочих. Такие настроения резко подняли спрос на нелегальную литературу. Ко времени февральской буржуазно-демократической революции многие солдаты дивизиона прочитали не одну из имевшихся в библиотеке брошюр, восприняли минимум политических знаний.

Ведь не случаен тот факт, что из 1 200 солдат дивизиона к сентябрю 1917 года в большевистскую партию вступили 535 человек![1]. Такого количества членов партии не имела ни одна первичная организация на Юго-Западном фронте.

Организация дивизиона произвела целевой сбор на приобретение литературы. В Петроград и Москву послали большевика, который привез большое количество популярной злободневной литературы. Создали библиотеку уже из нескольких сот книг и брошюр. Половину, если не больше, доставленной литературы (в особенности брошюр о войне) распространили в других воинских частях.

Еще до подавления буржуазией, эсерами и меньшевиками мирной демонстрации петроградских рабочих 3 июля большевики на фронте уже чувствовали некоторые трудности в ор-

[1] Данные о количестве членов партии взяты из письма, посланного большевистской организацией дивизиона в ЦК РСДРП(б) в сентябре 1917 года (хранится в архиве ЦК КПСС).

ганизации собраний и распространении литературы, а после 3 июля они фактически перешли в армии на полулегальное положение. Созыв большевистских конференций, доставка большевистской литературы, в том числе газет «Правда» и «Окопная правда», были воспрещены. Это, конечно, не остановило работы большевиков. Для получения запрещенной литературы партийная организация примерно два раза в месяц посылала одного или двух членов партии с удостоверениями солдатского комитета дивизиона в Москву и Петроград за газетами и другой литературой. Используя опыт подпольной работы, посланцы складывали приобретенное в тюки или мешки и доставляли на станцию Луцк в пассажирских, а иногда и в товарных вагонах. Отсюда литература развозилась на лошадях, в которых в дивизионе недостатка не было — артиллерийские орудия передвигались на лошадях. Наши агитаторы садились на этих лошадей и двигались по фронту, ведя устную агитацию за большевистские лозунги и требования, раздавая привезенные газеты и брошюры. При этом берущим литературу давался наказ: прочитанные брошюры, номера газет обязательно распространять среди солдат и, в первую очередь, «окопников», которые лучше других знали горечь войны.

Такие «передвижки» будили в солдатской массе ненависть к временному правительству, меньшевикам и эсерам, продолжавшим ратовать за дальнейшее ведение войны и заниматься посулами о наделении землей крестьян и радикальном улучшении положения рабочих. Солдаты на эту агитацию мелкобуржуазных партий отвечали разрывом с ними и бесповоротно переходили к большевикам, которые звали рабочих и беднейших крестьян совершить социалистическую революцию, взять власть в свои руки, чтобы покончить с войной и революционным путем разрешить все коренные экономические и политические вопросы.

Л. К. Федоров

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА МОСКОВСКИХ БИБЛИОТЕК (1907—1917 гг.)[1]

В данной статье показано место и значение библиотек в развитии революционного рабочего движения в годы, когда большевики наиболее широко пользовались для своей нелегальной работы самыми разнообразными легальными возможностями, в том числе и легальными библиотеками.

1. Нелегальные партийные библиотеки московской окружной организации РСДРП

Распространение литературы всегда было в социал-демократической практике одним из основных средств агитационно-пропагандистской работы. В трудные годы реакции оно имело особенно большое значение как средство поддержания организационной связи Московского окружного комитета РСДРП[2] с местными партийными группами и организациями.

В 1906—1908 гг. в Москве функционировало издательство П. Г. Дауге[3], поставившего своей основной целью пропаганду философских взглядов немецкого философа, последователя К. Маркса, рабочего Иосифа Дицгена[4]. Были переведены и

[1] Статья написана на основании ряда опубликованных материалов и некоторых личных воспоминаний автора, относящихся к деятельности Московской городской и окружной организаций РСДРП в 1908—1916 гг.

[2] Деятельность тогдашней Московской окружной организации распространялась на Московскую губернию без города Москвы, на гор. Егорьевск, который тогда был в составе Рязанской губернии, и на Орехово-Зуево, в то время Владимирской губернии.

[3] Дауге П. Г. (1869—1946) — один из основателей латышской социал-демократической рабочей партии, большевик с 1903 года. Историк, публицист, член литературно-лекторской группы при Московском комитете РСДРП в 1915—1917 гг., переводил на русский язык и издавал работы Ф. Энгельса и других марксистов. В 1918—29 гг. член коллегии Народного комиссариата здравоохранения, доктор медицинских наук.

[4] Дицген Иосиф (1828—1888) — немецкий рабочий, социал-демократ, философ, самостоятельно пришедший к основам диалектического материализма. Автор ряда философских работ, в которых, по словам Маркса, несмотря на некоторые ошибки и неточности, высказал «много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей» (Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948, стр. 216).

изданы следующие работы И. Дицгена: «Завоевания (аквизит) философии и письма о логике», «Сущность головной работы человека», «Экскурсии социалиста в область теории познания», «Философия социал-демократии». Кроме того, П. Г. Дауге были изданы две работы американского социалиста Эрнеста Унтермана «Диалектические этюды» и «Антонио Лабриола и Иосиф Дицген»; «Этюды о социалистической эстетике» Генриэтты Роланд-Гольст и «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» [1].

После малоуспешных попыток распространения этой литературы через книжные магазины П. Г. Дауге передал все свои книжные запасы в полное распоряжение московского окружного комитета РСДРП для бесплатного их распространения среди московских рабочих организаций [2].

При полицейском разгроме московской окружной организации РСДРП 19—24 ноября 1908 г. склад изданий П. Г. Дауге был обнаружен в доме Чагина, в Милютинском переулке и уничтожен.

Другой подобный склад, питавший московскую окружную организацию партийной литературой, находился в районе Девичьего поля, на углу Трубецкого и Оболенского переулков, в доме Пантелеева, в сарае, принадлежавшем Дунаевым. Там, среди других, хранились следующие издания: Вандервельде и Дестре: «Социализм в Бельгии», Кампфмейер «История общественных классов в Германии», Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», Тотомианц «Муниципализация промышленных предприятий», «Всеобщая стачка и социал-демократия» (изд. «Молот») и др. [3].

Уже этот краткий перечень названий дает представление о разнообразном характере распространявшейся тогда литературы.

Интересную и довольно подробную картину постановки дела распространения социал-демократической литературы в московских городской и окружной организациях РСДРП дают материалы судебного процесса 33-х социал-демократов, происходившего с 23 октября по 3 ноября 1910 г. в Московской судебной палате.

Вот характерная выдержка из обвинительного акта по этому делу:

---

[1] Дауге П. Г. Мои воспоминания. — «Пролетарская революция», 1928, № 11/12 (82/83), стр. 209—210.

[2] Там же, стр. 211.

[3] Годы реакции (1908—1910). Выпуск 1. Материалы по истории московской окружной организации РСДРП. Собрал и обработал В. И. Орлов. М., 1925, стр. 55—56.

«...Пропаганда и агитация велись путем распространения среди населения партийных социал-демократических изданий, а также посредством устных бесед и лекций, для чего создавались особые рабочие кружки, которые назывались кружками низшего, среднего и высшего типов. С целью той же пропаганды и агитации для пользования рабочего населения были организованы особые библиотеки с соответствующим подбором по преимуществу социал-демократических изданий в виде дешевых брошюр. Как устные беседы в кружках, так и подбор сочинений в этих библиотеках имели целью повлиять на миросозерцание пропагандируемых, сделать их социалистами и создать из них кадры партийных революционных работников... В 1908 г. организация издавала «Рабочее Знамя» как орган областного бюро Центрального промышленного района Российской социал-демократической рабочей партии. В июне, июле, августе, октябре и ноябре 1908 г. газета «Рабочее Знамя» именовалась органом Московского городского и Московского окружного комитетов... Кроме революционных изданий, деятели московской социал-демократической организации распространяли среди населения научные и философские сочинения, принадлежащие перу писателей социал-демократов. Такими же сочинениями пополнялись и библиотеки, которые устраивались социал-демократической организацией для пользования рабочего населения».

Интересно отметить, что в обвинительном акте в качестве особенно «криминального» материала приводится заключительная часть написанного В. И. Лениным в 1907 г. предисловия к изданному П. Г. Дауге русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Последние строки предисловия были прямым призывом к дальнейшей борьбе русского рабочего класса, который «...завоюет свободу себе и даст толчок вперед Европе...»[1] (стр. 10—12 обвинительного акта)[2].

Штабом[3] для московского окружного комитета РСДРП в течение ряда лет служил книжный магазин Иванова, помещавшийся на Кудринской площади в доме Курникова. Старик Иванов, по воспоминаниям Ц. С. Зеликсон-Бобровской, секретаря окружного комитета в 1907—1908 годах, оказывал окружной организации очень много услуг, за что впоследствии

[1] Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»—Сочинения. Изд. 4-е. Т. 12, стр. 338.

[2] Дауге П. Г. Мои воспоминания.— «Пролетарская революция», 1928, № 11—12 (82—83), стр. 209—211.

[3] Штабом тогда называли квартиру, куда можно было лишь зайти и, сказав установленный пароль, получить адрес явки данного дня, т. е. адрес квартиры, где сегодня принимает секретарь организации.

магазин его был закрыт полицией, а сам Иванов со всей семьей арестован.

Проект устава московской окружной организации РСДРП, принятый в октябре 1908 г., устанавливал обязательность создания библиотек в подрайонах и в районах (раздел устава II, § 7, и раздел III, § 7)[1].

Отчетные материалы московского окружного комитета РСДРП, в частности, доклады с мест на конференции московской окружной организации, происходившей 28—29 июня 1909 г. на Сенежском озере около станции Подсолнечная, свидетельствуют о развертывании сети подпольных библиотек в ряде районов и подрайонов.

Тут в первую очередь надо остановиться на постановке библиотечной работы в Коломне. В Коломне существовали в то время две нелегальные библиотеки — нелегальная партийная библиотека, размещенная в трех квартирах в целях сохранения ее от полного провала, и нелегальная профсоюзная библиотека Коломенского машиностроительного завода. Открытие легальной профсоюзной библиотеки на этом заводе не было разрешено губернатором, причем отказ в разрешении был мотивирован существованием заводской библиотеки.

Профессиональный заводской союз с ноября 1908 г. находился целиком в руках социал-демократов и служил хорошим прикрытием для развертывания агитационной партийной работы[2].

Имеются данные и о некоторых других нелегальных библиотеках.

В первой половине 1907 года Егорьевская организация РСДРП ширилась и укреплялась. Этот процесс наблюдался не только в Егорьевске, но и в Барановском и Хорловском подрайонах. На Барановской мануфактуре в это время имелась социал-демократическая группа в 25 человек, а в Хорлове — в 15. В Хорлове на явочной квартире В. И. Куликова было организовано нечто вроде базисного склада — распределителя нелегальной литературы для района и его подрайонов[3]. Ячейка Барановской мануфактуры организовала подпольную библиотеку революционных книг.

В период 1912—1914 гг. работа социал-демократических групп на егорьевских фабриках выражалась в распространении революционной литературы издательства «Прибой», в выписке и распространении газет «Правда», «Наш путь» (Моск-

---

[1] Годы реакции (1908—1910). Вып. 1. Материалы по истории московской окружной организации РСДРП. Собрал и обработал В. И. Орлов. М., 1925, стр. 73—74.

[2] Там же, стр. 64—65, 82 и 111—113.

[3] Революционное рабочее движение в Егорьевске. Сборник, посвященный 20-летию Егорьевской организации РКП(б). М., 1925, стр. 28, 29.

ва), в сборе денег по подписным листам в железный фонд «Правды», в помощи политическим заключенным и в борьбе вокруг вопросов страхования рабочих и организации больничных касс.

Возьмем работу другой библиотеки. Вот что рассказывает участник социал-демократического кружка на Климовском заводе, Подольского уезда Буганов (он же Громов): «Самыми тяжелыми годами были 1908, 1909 и 1910 гг. Если бы не литература, находившаяся у меня, наш кружок совсем перестал бы существовать, а то мы все-таки почитывали, и библиотечка у нас была хорошая. Был «Капитал» Карла Маркса, Железнов, Карл Каутский, «Коммунистический манифест» и штук 200 или больше других брошюр. Давали всем читать, кто хоть сколько-нибудь интересовался рабочим движением. Спячка нам надоела. Хотелось что-нибудь знать о том, что делается в партии. Тогда как раз началась борьба с ликвидаторским течением.

В 1911 г. я отправился с Косицыным в Мещерское к старым товарищам — к Н. Н. Головановой и др. Там узнали, что они тоже не имеют связи с районами, и предложили нам для информации завести переписку с Парижем. Написали мы туда письмо, дали обратный адрес на Ивана Петровича Зверева (вымышленное лицо) до востребования на ст. Гривно. Какова же была наша радость, когда недели через три я увидел в витрине письмо на это имя. Плачу три копейки, иду в лес читать. Оказывается, в конверте две брошюры ЦК партии, где говорилось об использовании всех легальных возможностей для воздействия на рабочую массу.

Спешу поделиться новостями со своим товарищем Ушаковым и другими. Организовали кружковое собрание. Сразу всколыхнулись. Через несколько времени получаем еще такое же письмо...»[1].

Работу по организации подпольных партийных библиотек московские большевики не прекращали и в годы войны. Один из жандармских документов, датированный 24 февраля 1915 г., рисует перед нами картину библиотечной работы в Орехово-Зуевской организации РСДРП в 1914—1915 годах.

В сведениях помощника начальника Владимирского губ. жандармского управления о Владимирском и других уездах сообщалось:

«...Собрание по учреждению организации, происходившее близ третьей будки Московско-Нижегородской железной дороги в конце августа прошлого года в количестве 12 человек,

[1] Невзорова-Шестернина С. П. Годы борьбы в Подольском уезде. Подольск, 1928, стр. 45—46.

единогласно приняло, что организация должна иметь основой своих действий социал-демократическую программу и принять цеховую форму (все члены разбиваются на группы по фабрикам, мастерским и т. п.), имея исполнительным органом собрание уполномоченных; тут же было решено основать нелегальную библиотеку, для чего все присутствующие сделали взносы в размере $1^1/_2$ рубля. Библиотека была получена из Москвы через Авдея Хазова и вместе с пожертвованиями москвичей составила около 300 томов на сумму свыше 70 рублей. Хранится она у избранного собранием уполномоченных библиотекаря Васены Иудовой Мишкиной.

Первый же месяц дал прирост членов больше чем вдвое: с 12 до 27 человек.

В настоящее время организация насчитывает 69 человек, разбитых на 8 групп, в каждой 8—10 человек...»[1].

Документ этот устанавливает, как видим, наличие довольно тесной связи ореховских большевиков с Москвой, в частности, с Замоскворецким районом, так как Авдей Афанасьевич Хазов работал в это время в Даниловском обществе потребителей «Солидарность», которое находилось под влиянием большевиков и являлось опорным пунктом партийной работы в Замоскворечье. Повидимому, именно от даниловских большевиков и исходила та конкретная помощь в создании нелегальной партийной библиотеки в Орехово-Зуеве, о которой свидетельствует цитируемый нами документ.

Участник Орехово-Зуевской большевистской организации тех годов Сергей Михайлович Зрячкин в своих воспоминаниях дает следующий отзыв о работе, проведенной в орехово-зуевской организации тов. А. А. Хазовым (сейчас его уже нет в живых). «Тов. А. А. Хазов был старым членом партии, еще в 1905 г. из Орехова-Зуева пошел в ссылку в Нарым и по прибытии из ссылки сделался типичным профессионалом-революционером. Он сыграл исключительную роль в жизни нашей организации... Вечно преследуемый, он, живя в Москве на нелегальном положении, сумел привозить нам нелегальную литературу, связывать с партийцами из Москвы...»[2].

Естественно, что в самой Москве вопрос о создании нелегальных библиотек не стоял так остро, как на периферии.

В 1907—1908 гг. на некоторых фабриках и заводах Даниловки, в том числе и на фабрике «Товарищества Даниловской мануфактуры» (б. Мещерина), уже существовали большевист-

[1] Документы из полицейско-охранных архивов по Орехово-Зуевской организации. — В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4). М., 1933, стр. 105—106.

[2] Зрячкин С. — Орехово-Зуевская организация РСДРП(б) в 1912—1916 гг. — В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4). М., 1933, стр. 118—119.

ские ячейки. Замоскворецкий районный комитет РСДРП широко и умело использовал все виды культурно-просветительной работы (рабочие вечерне-воскресные школы и курсы, экскурсии, библиотеки, лекции) для ведения революционной пропаганды, для завязывания связей с другими районами.

Связь даниловских партийцев с Пречистенскими рабочими курсами и, в частности, с библиотекой курсов, дала возможность Даниловскому подрайкому РСДРП организовать свою подпольную библиотеку, которая пополнялась в дальнейшем при посредстве одного из работников книжного магазина «Труд», связь с которым даниловцы получили на Пречистенских курсах. Между прочим, по воспоминаниям активного работника тех годов Ильи Леонтьевича Вуколова, даниловские большевики были связаны и с Михаилом Ивановичем Калининым во время его работы на Лубянской трамвайной электроподстанции в начале 1909 г.[1].

В июне 1911 года под кровлей существовавшего в Вадковском переулке педагогического общества «Детский труд и отдых» была создана большевистская группа. Эту группу организовал Трофим Егорович Вилков (партийная кличка «Кум»), вернувшийся из архангельской ссылки (г. Мезень) и работавший в этом обществе в качестве швейцара. По мере установления связей с рядом окружающих заводов и фабрик (завод Листа и др.) эта группа превратилась в Бутырский районный комитет РСДРП. На первых же порах своей деятельности группа организовала подпольную библиотеку и наладила широкое распространение нелегальной литературы, в том числе и собственных прокламаций, а также выходившей в Петербурге легальной большевистской газеты «Звезда». В качестве библиотекаря группа выделила Илью Борисова, работавшего слесарем в мастерских детского клуба.

Превращение педагогического общества «Детский труд и отдых» в опорный пункт работы Бутырского райкома РСДРП имеет свою историю.

Еще в 1905—1906 годах в Щелково под Москвой существовала детская колония, созданная педагогами-новаторами С. Т. Шацким и А. У. Зеленко. Александр Устинович Зеленко, архитектор по профессии, работая в качестве педагога на Пречистенских рабочих курсах, к началу 1905 года сумел завоевать среди передовых слушателей этих курсов исключительную популярность и доверие. Через А. У. Зеленко пречистенцы стали частыми гостями Щелковской детской колонии[2].

---

[1] Старая и новая Даниловка. Рассказы рабочих ф-ки им. М. В. Фрунзе. М., 1940, стр. 93—95.

[2] Демберг К. Ф. Дорогое прошлое. — В кн.: К 25-летию Пречистенских рабочих курсов. (Пречистенский рабфак и Практический институт). 1897—1922. Сборник. М., 1922, стр. 36—37.

Дальнейшая педагогическая деятельность С. Т. Шацкого и А. У. Зеленко в педагогических обществах «Сетлемент» (1906—1908 гг.) и «Детский труд и отдых» (1909—1917 гг.) протекала в тесном общении с передовой рабочей общественностью[1]. Неудивительно поэтому, что в 1911 году подпольщики-большевики под прикрытием педагогического общества «Детский труд и отдых» сумели широко развернуть партийную работу.

Следует отметить еще, что связи Бутырского районного комитета вышли даже за пределы г. Москвы, и он некоторое время снабжал нелегальной литературой загородную текстильную фабрику Крестовниковых в Щелкове. Это, несомненно, могло произойти только при условии сохранения старых связей, установившихся за время существования в 1905—1906 гг. в Щелкове детской колонии, организованной С. Т. Шацким.

Но в самом разгаре своей работы 10 марта 1912 года Бутырский районный комитет РСДРП подвергся полицейскому разгрому.

Следует рассказать еще об одном довольно ярком примере умелого использования библиотечной работы для укрепления и расширения массовой большевистской агитации в практике работы одной из московских заводских организаций РСДРП.

Расположенный в районе Гороховского поля (ныне улица Казакова) Военнопромышленный завод являлся в 1915—1916 гг. одним из крупнейших предприятий Басманно-Лефортовского района. В 1916 году здесь создалась одна из наиболее крепких и активных московских фабрично-заводских большевистских организаций. Свою нелегальную работу на заводе эта большевистская организация вела под прикрытием культурной работы — чтения художественной литературы.

Связавшись при посредстве Марии Ильиничны Ульяновой с городской библиотекой им. Гоголя, организация доставала там нужную ей художественную литературу. Но одновременно при заводе была организована и собственная нелегальная библиотека. При помощи молодых рабочих завода был произведен сбор средств на покупку литературы, давший 75 рублей. У букинистов закупали художественную литературу: произведения Горького, Серафимовича, Короленко.

Под видом чтения художественной литературы проводилась большевистская агитационная работа среди рабочих Военнопромышленного завода, в особенности среди молодежи. Неслучайно, что именно из молодежи Военнопромышленного за-

[1] Бершадская Л. С. Станислав Теофилович Шацкий как педагог. — «Советская педагогика», 1948, № 6, стр. 63.

вода при союзе металлистов «Единение» образовалась первая юношеская секция[1].

Хотя этот материал далеко не исчерпывает всей работы, которая тогда велась, он все же позволяет сделать некоторые выводы:

1) Распространение нелегальной большевистской и легальной марксистской литературы являлось основным средством партийной пропаганды и агитации в тяжелых условиях столыпинской реакции, когда кружковые занятия и массовая агитация были крайне затруднены и почти всюду свернуты.

Характерным подтверждением этого вывода может служить проект устава московской окружной организации РСДРП, принятый в октябре 1908 г. и устанавливающий обязательность создания библиотек в подрайонах и районах[2].

2) Распространение литературы в обстановке свирепой реакции, при недостатке партийных работников-профессионалов являлось действенным средством поддержания связи партийных центров с периферийными организациями, что особенно чувствовалось в работе московской окружной организации РСДРП.

3) Партийные библиотеки комплектовались не только нелегальной и легальной марксистской литературой, но подчас и легальной художественной литературой, как это, например, имело место в большевистской организации Военнопромышленного завода в Москве в 1916 году. Под прикрытием чтения художественной литературы (произведений М. Горького, А. С. Серафимовича, В. Г. Короленко и др.) велась большевистская агитация, а само чтение художественной литературы являлось средством выявления и отбора подходящих людей для вовлечения в партийную работу[3].

4) Без нелегальной библиотеки в партийной организации невозможна была постановка массовой агитационной работы, а тем более подготовка рабочих-пропагандистов. Последняя задача в послереволюционный период, в период повсеместного отлива интеллигенции из партийных организаций, являлась основной, наиболее остро стоявшей организационной проблемой даже в Москве, не говоря уже о периферийных организациях.

[1] Шепелева Т. и Горелик П. Из истории борьбы московских большевиков в годы империалистической войны. — «Пропагандист», 1936, № 16, стр. 27.

[2] Годы реакции (1908—1910). Вып. 1. Материалы по истории московской окружной организации РСДРП. Собрал и обработал В. И. Орлов. М., 1925, стр. 73—74.

[3] Шепелева Т. и Горелик П. Из истории борьбы московских большевиков в годы империалистической войны. — «Пропагандист», 1936, № 16, стр. 27.

2. Использование московскими большевиками библиотек легальных рабочих организаций

а) Библиотека Третьего женского клуба (1912—1913 гг.)

В годы между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в Москве функционировали три женских клуба (1-й, 2-й и 3-й). Будучи чисто буржуазными организациями, клубы эти имели уставы, предоставлявшие их членам относительно широкие возможности развития самодеятельности для удовлетворения своих культурных нужд и потребностей. Устав Третьего женского клуба, например, допускал устройство собраний и докладов без предварительного разрешения полиции, разрешал прием в члены клуба и мужчин, а также приглашение гостей по рекомендации двух членов клуба.

В 1912 году работа одного из этих женских клубов, а именно Третьего, помещавшегося в районе Таганки, на Семеновской ул., пришла в упадок. Этим воспользовалась группа марксистской интеллигенции, которая, вступив в число членов клуба, добилась перехода этой организации в руки рабочих. В декабре 1912 года клуб был переведен в район Смоленского рынка, и здесь вписал блестящую страницу в историю московского революционного рабочего движения: он стал очагом и оплотом большевистского влияния на московских пролетариев[1].

Третий женский клуб сумел разбудить и довольно широко организовать творческую самодеятельность московских рабочих в области удовлетворения своих культурных потребностей. Своей массовой работой клуб содействовал серьезному росту политического самосознания и революционной активности вовлеченных в сферу его деятельности рабочих и особенно работниц. К моменту своей насильственной смерти в первых числах ноября 1913 года клуб насчитывал более 900 членов. Он сплотил все передовые и активные элементы московского рабочего движения, сыграв чрезвычайно крупную роль в деле политического воспитания передового актива всех московских рабочих организаций.

В жизни и деятельности Третьего женского клуба скромную, в сравнении с широким размахом политической агитации, развернутой большевиками в клубе, но не маловажную работу по закреплению политического роста членов клуба провела существовавшая в клубе небольшая по размерам (около 600 томов), но хорошо подобранная библиотека. Библиотеку

---

[1] Кржижановская З. П., Невзорова-Шестернина С. П. Третий московский женский клуб. — В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4). М., 1933, стр. 146, 148.

организовали и руководили ее работой опытные библиотекари и в то же время активные большевики Екатерина Ивановна Пискунова, Ольга Ивановна Чачина и Мария Вячеславовна Тихомирова[1].

Московская охранка и полиция, усердно «опекавшие» вновь возникшую рабочую организацию, самое усиленное внимание уделяли деятельности библиотеки клуба. Первый налет на библиотеку полиция произвела 30 апреля 1913 года и изъяла оттуда после обыска три «воспрещенные законом издания», по одному экземпляру каждое. По распоряжению градоначальника все члены правления клуба в количестве 11 человек (2 интеллигентки, 1 работница металлургического завода, 3 портнихи и 5 ткачих) были оштрафованы на 100 рублей каждая, с заменой при несостоятельности арестом на один месяц. Один из библиотекарей, Е. И. Пискунова, желая избавить клуб от уплаты такого значительного штрафа (1 100 рублей), выразила готовность отсидеть за всех, приняв всю вину на себя, с чем товарищи, конечно, не согласились. После усиленных хлопот штраф был в конце концов снят[2].

На вечере воспоминаний участников Третьего женского клуба, состоявшемся в декабре 1928 года, рабочий кружевной фабрики Гивартовского Абрамов рассказал: когда на фабрике среди рабочих был поднят вопрос о помощи членам правления клуба в уплате наложенного градоначальником штрафа, рабочие выразили желание участвовать в уплате этого штрафа. «Мы своих членов в обиду не дадим», говорили они. Этот факт прекрасно иллюстрирует популярность клуба среди рабочих, наглядно показывает, что в Третьем женском клубе рабочие видели свою близкую и дорогую им организацию.

Организаторы и работники библиотеки Третьего женского клуба, несмотря на ее незначительный книжный состав, сумели путем целевого подбора направить внимание читателей на чтение политически злободневной литературы. Распространение марксистской литературы занимало довольно значительное место в работе клуба. Он умело растил самоотверженных энтузиастов этого дела.

Характерно то, что об этом говорила ткачиха кружевной фабрики Гивартовского Марфа Леонова на вечере бывших участников Третьего женского клуба в декабре 1928 года.

«Не помню, — рассказывала М. Леонова, — кто именно поручил мне к 8 марта раздать нелегальную газету на ма-

---

[1] Кржижановская З. П., Невзорова-Шестернина С. П. Третий московский женский клуб.—В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4). М., 1933, стр. 148.

[2] Там же, стр. 154.

ленькой шелкокрутильной фабрике, где построен теперь завод «Каучук». Помню, что, неся пачку газет о женском дне, я с большой гордостью думала о том, что я делаю. Мне казалось, что я могу по крайней мере весь мир перевернуть этими газетами. Придя на фабрику, я раздала их работницам и говорила о том, что в этой газете написано об их фабрике. Они хватали эти газеты, прятали их за пазуху и предупреждали меня: «Вот пройдет такой-то рыжий, так ты спрячь газеты или сама спрячься». Я была счастлива, что выполнила это поручение клуба, который был мне дороже родного дома»[1].

Такая работа служила как бы проверкой готовности к более серьезной партийной работе.

Полиция и в дальнейшем не оставляла в покое библиотеку клуба. 11 сентября 1913 года по предписанию Московского охранного отделения инспектором по делам печати в присутствии полиции опять была произведена проверка книг. И вот, что сообщает об этой проверке жандармский ротмистр начальнику Московского охранного отделения.

«Библиотека заключает в себе около 600 экземпляров отдельных книг и брошюр, помещающихся в небольшом шкафу... Классикам и изданиям общеобразовательного характера отведено самое незначительное место. В громадном же большинстве преобладает литература агитационного характера, изданная явочным порядком в виде брошюр и отдельных статей, помещенных в ежемесячных изданиях... которые, хотя и не подвергнуты конфискации, но, представляя собой сочинения, трактующие о несовершенствах современного государственного строя, излагающие историю государственных переворотов и поучающие своих читателей на примерах из жизни крупных революционных деятелей, — отнюдь не могут благоприятно отразиться на лицах, пользующихся этой библиотекой, тем более, что главный контингент Третьего женского клуба состоит из людей мало интеллигентных, не могущих отнестись критически к прочитанному».

После этого второго обыска в библиотеке полиция арестовала пятерых членов правления клуба, но в тот же день в 9 часов вечера они были освобождены[2].

Второй налет полиции на библиотеку клуба нисколько не изменил характера его работы. Напротив, в эти осенние месяцы клуб широко развернул свою деятельность и все сильнее привлекал к себе рабочие массы. Но дни жизни клуба, этого

---

[1] Кржижановская З. П., Невзорова-Шестернина С. П. Третий московский женский клуб.—В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4). М., 1933, стр. 151.

[2] Там же, стр. 154—156.

очага революционной пролетарской самодеятельности, были уже сочтены. 4 ноября 1913 года он был закрыт.

Насколько велика была организующая роль Третьего женского клуба и его библиотеки в развитии революционного рабочего движения в Москве, лучше всего свидетельствует зарождение с его помощью четырех новых рабочих клубов: «Разумный отдых», «Образование», «Просвещение» и «Прогресс». Третий женский клуб содействовал также организации рабочего издательства «Трудовая семья», сумевшего в декабре 1913 и январе 1914 года выпустить два небольших сборника произведений пролетарских поэтов (петербуржцев и москвичей) под названием «Наши песни» [1].

Московский пролетариат, руководимый большевиками, довольно успешно использовал новые клубы и издательство в тяжелые годы империалистической войны как опорные пункты для развертывания массовой легальной и нелегальной партийной работы.

В течение своей кратковременной жизни эти клубы, конечно, не смогли достигнуть широты и размаха политической работы Третьего женского клуба, но все же сыграли определенную роль в развитии революционного рабочего движения, так как служили удобным прикрытием для организационной и агитационной работы большевистской партии.

Ввиду своей недолговечности и необеспеченности помещениями все эти клубы не могли обзаводиться собственными библиотеками, и этот вид культурно-просветительной работы ими не применялся; они ограничивались обычно лишь распространением легальных большевистских изданий и тайком — нелегальной литературы.

б) Библиотеки московских профессиональных союзов

Особо следует остановиться на постановке библиотечного дела в московских профессиональных союзах.

Вопросы массовой культурно-просветительной работы, общие вопросы народного просвещения, вопросы школьного обучения детей трудящихся постоянно находились в поле зрения московских профессиональных союзов и являлись одним из важнейших участков их организационной работы.

Революция 1905—1907 гг. глубоко всколыхнула сознание рабочих масс, вызвала сильную тягу к знаниям, неудержимое стремление понять окружающий мир и изменить к лучше-

[1] Кржижановская З. П., Невзорова-Шестернина С. П. Третий московский женский клуб. — В кн.: Старый большевик. Сборник 1(4), М., 1933, стр. 153, 157—158.

му свое материальное и правовое положение. Естественно, что в связи с этим перед профессиональными союзами со всей остротой встали и вопросы организации просветительной работы, которая служила бы интересам рабочего класса.

Насколько глубоко проникло в широкие рабочие массы сознание необходимости активно бороться и отстаивать свои культурные интересы, красноречиво говорит то, что бастующие рабочие в число своих требований включили, в частности, и требование организации библиотек на предприятиях за счет предпринимателей.

Для подтверждения этого можно привести следующие примеры:

1. Выдержка из петиции московских трамвайщиков Московской управе, поданной 19 сентября 1913 года и подкрепленной забастовкой с 19 по 27 сентября: «Рабочие требуют... 3) учреждения достаточного количества городских стипендий при средних учебных заведениях;... 9) организации общеобразовательных курсов; 10) учреждения при каждом парке (трамвайном. — *Л. Ф.*) библиотек-читален...»[1];

2. Текстильщики Московского промышленного района во время летней стачки 1914 года в числе других требований выставили и требование организации библиотек и выписки рабочих газет и журналов за счет предпринимателей[2];

3. Рабочие Серпуховской бумагопрядильни во время стачки в конце мая 1914 года требовали выписки для библиотеки следующих изданий: «Рабочая правда» (3 экз.), «Русское слово» (1 экз.), «Речь» (1 экз.), «Современный мир» (1 экз.), «Русское богатство» (1 экз.), «Просвещение» (1 экз.), «Вопросы страхования» (3 экз.), «Вестник знания» (1 экз.), «Нива» (1 экз.), «Природа и люди» (1 экз.). Далее в требованиях предусматривалось оборудование библиотеки (в том числе «развесить по стенам географические карты и портреты великих народных деятелей»), устройство читальной комнаты не менее чем на 45 человек и т. д.[3].

В жизни московских профессиональных союзов с момента их возникновения в 1905—1906 гг. неизменно наблюдалось стремление создавать свои собственные библиотеки; этому виду работы, наряду с экскурсиями, в деятельности профсоюзных культурно-просветительных комиссий уделялось обычно наибольшее внимание. В некоторых наиболее крепких и жизнедеятельных профсоюзах для этой работы выделялась в некоторых случаях даже специальная библиотечная комиссия.

---

[1] Варенцова С. А. Стачки и демонстрации 1912—1914 годов. М., 1933, стр. 150. См. также: «Правда труда», 1913, № 12, 24 сент.

[2] Цветков-Просвещенский А. К. Подъем рабочего движения в России 1912—1914 годов. М., 1939, стр. 89—90.

[3] «Трудовая правда», 1914, № 8.

Но широкое развитие библиотечной работы в очень многих профессиональных организациях упиралось в отсутствие средств. Финансовые затруднения заставляли подчас более слабые организации воздерживаться от создания собственных библиотек. В финансировании профсоюзных библиотек наблюдалось большое разнообразие. Союз кожевников, например, смог в 1910 году ассигновать на библиотеку всего 15 рублей, на которые было приобретено 80 книг по разным вопросам [1], а Общество поваров, решив на общем собрании 29—30 сентября 1910 года учредить библиотеку, ассигновало на это дело сразу 200 рублей [2].

Хроника профсоюзной жизни в московском журнале «Наш путь» за 1910 год рисует довольно печальную картину состояния библиотечного дела в профсоюзах: отчеты правлений союзов и библиотечных комиссий устанавливают, что члены союза недостаточно пользовались книгами, часты были случаи задержки и «зачитывания» книг.

Наиболее прочно и широко была поставлена библиотечная работа в союзе портных. Второй по счету союз портных существовал с февраля 1908 по сентябрь 1911 года. При закрытии союза полиция наложила арест на союзную библиотеку и опечатала ее. Ликвидационной комиссии, которую возглавлял большевик В. В. Сахаров, удалось добиться возврата имущества союза, в том числе библиотеки, насчитывавшей около 1 000 томов. Союз перешел на нелегальное положение [3].

5 ноября 1912 года был открыт третий по счету союз портных, который в течение года объединил 2 460 членов, в том числе 289 женщин, 131 ученика и 50 учениц.

«В целях содействия умственному развитию членов, союз открыл библиотеку, в которой имелось 1 427 книг, и читальню. Культурная комиссия не замыкалась в своей деятельности только рамками своего союза. Она выписывала большевистские органы — газету «Правда» и журнал «Работница», которые распространялись швейниками и на общих собраниях других союзов... Из союза вскоре была вытеснена окончательно эсеровская и меньшевистская печать. Рабочие специально ходили в союз за «Правдой» [4].

Нужно сказать, что руководство союза портных в 1908—1916 гг. находилось в руках большевиков, и профсоюзная группа большевиков систематически и энергично вела работу по распространению как легальной, так и нелегальной литературы.

---

[1] «Наш путь», 1910, № 7, 28 ноября.
[2] «Наш путь», 1910, № 6, 24 октября.
[3] Шевков Н. И. Московские швейники до Февральской революции. М., 1927, стр. 28—29.
[4] Там же, стр. 34.

В 1915 году в Благушинском районе было открыто местное районное отделение профессионального союза металлистов «Единение». Отделение организовало свою собственную библиотеку, которая насчитывала до 550 экземпляров книг и имела довольно значительное количество читателей. Отделение союза вместе с тем держало самую тесную связь с Благушинской публичной земской библиотекой-читальней.

Наряду с такими профессиональными обществами, как союз портных и союз металлистов «Единение», заботливое отношение к делу создания библиотек проявляли и более слабые и небольшие профорганизации, как, например, союз рабочих хлебопекарного производства, общее собрание которого 19 июня 1913 года постановило отчислить некоторую сумму на устройство библиотеки, «надеясь, что она будет содействовать развитию и самосознанию членов общества»[1], и общество рабочих ремешечников, портмонетчиков и сумочников, приступившее к созданию библиотеки в октябре 1910 года[2].

Это были очень робкие, очень небольшие начинания, но это были начинания самих рабочих, которые на практической работе пробовали свои силы, в процессе работы приходили к выводу о необходимости солидарности, о важности культурной работы среди своих членов, приобретения привычки читать политическую литературу (книги, газеты).

Как ни слаба была библиотечная работа московских профсоюзов в это время, она помогала партии большевиков в распространении литературы, которая пробуждала жажду знаний, содействовала росту политического сознания, развивала общественную активность широких рабочих масс.

3. Участие легальных библиотек в распространении идей революционного марксизма

а) Некоторые общие данные о городских библиотеках Москвы

До Великой Октябрьской социалистической революции библиотечное дело в Москве было поставлено плохо. Отчет Московской городской думы за 1912 год признает, что в этом отношении Москва «не идет впереди других городов России»[3].

На 1 января 1912 года в ведении городского управления имелось шесть больших библиотек-читален (из них 2 без выдачи книг на дом), 6 небольших библиотек и 13 маленьких библиотечек «Московского общества бесплатных библиотек». Для Москвы 1912 года с населением в 1 617 тыс. чел. —

---

[1] «Правда» 1913, № 141(345), 22 июня.
[2] «Наш путь», 1910, № 6, 24 октября.
[3] Современное хозяйство города Москвы. М., 1913, стр. 95.

цифра ничтожная. В 1913 году в городе было 80 библиотек, считая ведомственные и учрежденческие. Для сравнения заметим, что в 1947 году в Москве имелись 2 253 библиотеки с 64 080 тыс. экземпляров книг в них [1].

Общее количество книг в 10 городских библиотеках и читальнях на 1 января 1910 года было ровно 60 934 томам; на 1 января 1911 года в 11 библиотеках и читальнях — 71 495 томам; на 1 января 1912 года — 81 501 тому; на 1 января 1915 года в 12 библиотеках и читальнях — 106 720 томам.

В отчете о деятельности московских городских бесплатных библиотек и читален за 1914 год говорится: «Как и в предшествующие годы, в отчетном году большинство абонентов составляли учащиеся различных учебных заведений, причем первое место по количеству занимали учащиеся низших учебных заведений (23,8%), на втором месте стояли учащиеся высших учебных заведений (14,2%) и средних (13,6%), а из остальных абонентов довольно значительный процент составляли служащие в частных учреждениях и предприятиях (10,6%) и фабричные и заводские рабочие (11,1%)» [2].

«Хотя основной задачей городских бесплатных библиотек являлось обслуживание рабочих, ремесленников, торговых служащих и прислуги, общее количество этих групп читателей, пользующихся городскими бесплатными библиотеками Москвы, в 1913 г. не превышало 5 000 человек» [3].

Приведем сведения по некоторым наиболее значительным городским библиотекам Москвы.

2 мая 1900 года была открыта бесплатная библиотека им. А. С. Пушкина и в первые годы своего существования помещалась вместе с аудиторией на бывшей Немецкой ул. (теперь ул. Баумана), близ дома, где родился Пушкин.

В 1906 году в ней насчитывалось всего 4 336 книг. Количественно преобладали в этом фонде книжонки из серий, носивших название «Чтение для народа», «Чтение для войск и народов», «Читальня народной школы»; приложения к журналам и сами журналы: «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Русский паломник», «Церковный вестник» и др. И на этом православно-самодержавном фоне в отделе беллетристики терялись сочинения Пушкина (16 книг, всего на сумму едва превышавшую 10 рублей), 4 книги Лермонтова, «Фрегат Паллада» Гончарова, 2 тома Некрасова, разрозненные сочинения Л. Н. Тол-

---

[1] Каржанский Н. Как избиралась и работала Московская городская дума. М., 1947, стр. 28.

[2] Отчет о деятельности московских городских бесплатных библиотек и читален за 1914 г. и аудитории им. А. С. Пушкина за 1914—1915 учебный год. М., 1916.

[3] Тюрина В. Библиотека им. А. С. Пушкина. — «Библиотекарь», 1947, № 7, стр. 33.

стого, 2 книжки Чехова, Салтыков-Щедрин совсем отсутствовал. Зато в изобилии были представлены «исторические» романы и повести Всев. Соловьева (30 книг) и др.[1].

Под влиянием революции 1905 года министерства народного просвещения и внутренних дел были вынуждены пересмотреть законодательство о народных библиотеках. Но новые правила 1906 года не оказали заметного влияния на книжный фонд библиотеки им. А. С. Пушкина, так как она располагала весьма ограниченными средствами для своего пополнения. Так, за первые 6 лет своего существования библиотека приобрела только 5 000 книг, а к 1914 году имела всего 8 262 книги.

Сборников «Знание», где печатался Максим Горький и в которых участвовали демократически настроенные писатели, выступавшие против реакции, было всего три. Зато в большом количестве имелись «художественные» приложения к реакционным журналам «Русский паломник», «Чтение для солдат», «Родина» и др. Произведений крупнейших иностранных писателей почти не было.

Научно-популярной литературы, книг по истории, по географии и естествознанию вообще было очень мало.

В «Известиях Московской городской думы» (1916 г.) о библиотеке им. А. С. Пушкина сообщалось, что «в ней совершенно не остается классиков и необходимых общедоступных книг» [2].

А вот данные о читательском составе библиотеки им. А. С. Пушкина.

В 1901 году было всего 137 читателей, которым было выдано 536 книг, а в 1905 году количество читателей возросло до 1 470 человек, книговыдач — до 10 277. Наивысшей цифры количество читателей достигает в 1913 году — 4 201 чел. Начиная с 1914 года наблюдается резкий отлив читателей, в том числе читателей-рабочих.

Характерно, что год наибольшего роста читательского состава библиотеки — 1913 — совпадает с моментом организации в библиотеке революционного кружка молодежи при активном участии в нем библиотекаря Полины Васильевны Симоновой.

Бывшая приютская воспитанница Поля в юные годы попадает в среду революционно настроенной учащейся молодежи. В декабре 1905 года она вместе с дружинниками строит баррикады в районе Бронных. В дальнейшем, попав на работу в библиотеку им. А. С. Пушкина, она полюбила книгу и свою

---

[1] Захарова М. Библиотека им. Пушкина. — «Красный библиотекарь», 1937, № 3, стр. 35—36.

[2] Тюрина В. Библиотека им. А. С. Пушкин. — «Библиотекарь», 1947, № 7, стр. 32—33.

работу, старалась привлекать в библиотеку рабочую молодежь. В 1913 году в библиотеке организуется революционный кружок молодежи. Кружок собирался в Сокольническом лесу. На собраниях Поля знакомила членов кружка с произведениями Добролюбова, Чернышевского. Заканчивались собрания обычно пением революционных песен. Полиция все время следила за деятельностью библиотекаря Симоновой, подозревая ее в участии в революционном движении, но прямых улик не имела. В конце 1913 года городская управа предложила ей покинуть библиотеку как неблагонадежному лицу, и библиотека им. Пушкина лишилась своего единственного работника, преданного делу народного просвещения [1].

Следует отметить также библиотеку Городского народного дома Преображенского района, начавшую функционировать 4 марта 1916 года. К 6 июня в библиотеке было 693 тома, 12 журналов и 4 газеты, а к 6 декабря 1916 года — 1 306 томов. Число посещений по 6 декабря — 6 549, число подписчиков — 589, число книговыдач — 9 585. Библиотека работала всего 3 дня в неделю.

К началу июня в библиотеке был записан 281 читатель, в том числе: 133 до 15-летнего возраста, 105 — от 15 до 20 лет и только 43 человека старше 20 лет; ремесленных и заводских рабочих — 141, служащих — 42, других профессий и учащихся — 98 [2].

Как видим, библиотека эта имела довольно своеобразный контингент читателей, обслуживала почти исключительно подростков-ремесленников. Здесь довольно успешно работал «кружок чтецов», организовавшийся в военные годы при городской детской библиотеке имени Грибоедова.

Можно привести также краткую характеристику работы других общественных библиотек, функционировавших в эти годы в Москве.

Библиотеки эти, создававшиеся обычно за счет буржуазно-либеральной благотворительности, обслуживали преимущественно обывательские, мещанские круги населения. Работники этих библиотек, подбиравшиеся всякого рода «меценатами», сознательно сторонились рабочей общественности. Некоторым исключением являлась лишь Симоновская библиотека-читальня Общества содействия внешкольному образованию, которая находилась в чисто пролетарском районе со старыми боевыми революционными традициями. Одно это уже обусловливало воздействие рабочей общественности на направление

---

[1] Тюрина В. Библиотека им. А. С. Пушкина. — «Библиотекарь», 1947, № 7, стр. 33.

[2] Очерк деятельности Городского народного дома Преображенского района за 1-й год его существования (6 дек. 1915 г. — 6 дек. 1916 г.). — «Известия Московской городской думы», 1917, № 2 (февраль), стр. 48—49.

Л. М. Соснихина и Л. Н. Бархатова. 1912 г.

ее работы. К тому же возглавляла библиотеку Вера Александровна Кораблева. Благодаря многолетней (начиная с 1901 года) работе в вечерне-воскресной школе при заводах Вестингауза (теперь «Динамо») и Бари, она тесно и неразрывно была связана с местной рабочей общественностью, в которой руководящая роль неизменно принадлежала большевикам.

Московские городские и общественные библиотеки-читальни, крайне недостаточно обслуживали культурные потребности рабочего населения; московское городское самоуправление даже после революции 1905—1907 гг. поистине черепашьими темпами развивало библиотечную сеть. И тем не менее московские большевики, опираясь на работу революционно настроенной части передовой интеллигенции, сумели и эти библиотеки в некоторой части их работы приблизить к передовым рабочим, сделать проводниками идей революционного марксизма. В качестве примера можно привести работу московской городской библиотеки-читальни имени Н. В. Гоголя.

б) Московская городская библиотека-читальня имени Н. В. Гоголя (1909—1917 гг.)

Городская библиотека-читальня имени Н. В. Гоголя была открыта в марте 1909 года, сначала у Никитских ворот в доме Горчакова, но вскоре переведена в новое школьное здание на Большой Пресне. Библиотека эта сыграла немаловажную роль в жизни московской большевистской организации благодаря тому, что руководство библиотекой находилось в руках двух старых партийных работников — Ольги Ивановны Чачиной и Лидии Николаевны Бархатовой. Умелым организатором в детском отделении библиотеки была Лидия Михайловна Соснихина[1].

Библиотека стала местом получения явок и адресов, для конспиративных свиданий, в частности, для областного бюро ЦК партии. Помещение библиотеки использовалось подчас и для устройства партийных докладов. Так, например, здесь в 1915 году Петр Гермогенович Смидович делал доклад о позиции партии по отношению к первой империалистической войне. По свидетельству Марии Ильиничны Ульяновой, которая была в дружеских отношениях с О. И. Чачиной, в квартире последней при библиотеке систематически находили приют и ночлег многие нелегальные партийные работники[2].

Л. Н. Бархатова в одном своем выступлении (30 сентября 1949 г.) рассказывала, что в годы первой мировой войны ра-

[1] В советское время Л. М. Соснихина — руководитель детской библиотеки «Памяти 1905 года» на Красной Пресне в Москве.

[2] Ульянова М. И. Памяти старого друга. — «Правда», 1919, № 89, 27 апреля.

ботниками библиотеки им. Гоголя велась большевистская агитационная работа среди раненых, находившихся в военном лазарете в одном здании с библиотекой.

В 1916 году в библиотеке в качестве швейцара работала Мария Петровна Кузьмина — бывшая ткачиха кружевной фабрики Гивартовского в Хамовниках. Активистка Третьего женского клуба, функционировавшего в 1913 году в Хамовническом районе, М. П. Кузьмина была известна широкому кругу активных участников рабочего движения как надежный и преданный рабочему делу товарищ и служила связующим звеном для ряда партийных работников. Ее помощь была особенно ценна для нелегально проживающих в окрестностях Москвы «на дачном положении», а их, к слову сказать, скопилось в это время изрядное количество. «Гоголевка» для многих подпольщиков служила тогда частенько гостеприимным перепутьем, где, к тому же, у М. П. Кузьминой можно было получить необходимую, подчас чрезвычайно актуальную партийную информацию.

С библиотекой-читальней им. Гоголя, как уже говорилось, в 1916 году были связаны и большевики Военнопромышленного завода [1].

в) Благушинская земская публичная библиотека-читальня (1908—1917 гг.)

Еще более значительную роль, чем городская библиотека-читальня имени Н. В. Гоголя, сыграла в жизни московской организации большевиков Благушинская земская публичная библиотека-читальня. Преимущество ее заключалось в том, что вся ее работа опиралась на общественность, носила массовый характер.

Структура земских публичных библиотек-читален в Московском уезде определялась уставом, принятым в 1906 г. Московским уездным земским собранием и зарегистрированным Московским губернским об обществах и союзах присутствием. Главные положения этого устава, являвшегося, несомненно, детищем революции 1905 года, сводились к следующему: управление и заведование библиотекой находится в руках самих читателей. Годовые подписчики образуют из себя так называемое Библиотечное общество, которое в лице общего собрания своих членов управляет делами библиотеки, а для непосредственного заведования ею избирает совет и ревизионную комиссию. Библиотека — платная, причем плата не должна превы-

[1] Шепелева Т. и Горелик П. Из истории борьбы московских большевиков в годы империалистической войны. — «Пропагандист», 1936, № 16, стр. 27.

шать 3 рублей в год. Земство рассматривает и утверждает устав библиотеки, ассигнует субсидию Библиотечному обществу и посылает своего представителя в совет библиотеки [1].

Организация дела в этой библиотеке-читальне была, как видим, основана на принципах общественного самоуправления и довольно широкого привлечения самого населения, что выгодно отличало ее от московских городских библиотек-читален, управление которыми осуществлялось чисто административным путем. Это обстоятельство, несомненно, значительно облегчило более интенсивное и разностороннее использование этого культурно-просветительного учреждения для революционной работы.

Открытая Московским уездным земством в 1908 году Благушинская публичная библиотека-читальня стала, особенно с 1911 года, одним из крупных центров общественной жизни всего Благуше-Лефортовского района, объединявшим передовых рабочих района. Библиотека располагала хорошо подобранным фондом социально-экономической и политической литературы. Все организуемые библиотекой культурные мероприятия — лекции, концерты, спектакли — пользовались неизменной популярностью среди трудового населения района и горячей поддержкой передовых рабочих. В частности, Благушинское районное отделение профессионального союза металлистов «Единение» в 1915—1916 гг. работало в тесном контакте с Благушинской земской библиотекой и всемерно поддерживало все ее массовые мероприятия.

В октябре 1910 года библиотека была закрыта губернатором. Возобновление ее деятельности он разрешил при условии полного закрытия трех ее отделов — исторического, общественно-экономического и философского, состоявших из 377 книг. После закрытия библиотеки губернатор поручил специально командированному чиновнику произвести просмотр ее книг. Среди 2 500 подвергшихся осмотру книг обнаружены были: «Аграрный вопрос» Каутского, «Земля и капитализм» Зака, роман «Рыцари труда» Либкнехта, оказавшиеся изъятыми из обращения в порядке чрезвычайной охраны и распоряжений полиции. Кроме того, среди разных лично принадлежавших библиотекарю книг, находившихся в особом ящике в чулане, найдены были некоторые запрещенные издания [2].

Библиотекарь А. Д. Сладкопевцев по требованию губернатора был уволен, но библиотеку земской управе удалось отстоять. Губернатор, рассмотрев список книг, разрешил возоб-

---

[1] Латухина М. Л. О земских публичных библиотеках в Московском уезде. — В кн.: Труды 1-го Всероссийского съезда по библиот. делу. сост. в С.-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г. Спб, 1912. Ч. 2, стр. 159—160. П-ков С. Земские публичные библиотеки и библиотечные общества Московского уезда. — «Русские ведомости», 1911, № 147, 28 июня.

[2] «Русские ведомости» 1910, № 260, 11 ноября; № 261, 12 ноября.

новить деятельность библиотеки при условии исключения 149 книг. Вопрос этот был затронут в докладе управы на сессии уездного земского собрания в ноябре 1911 года, и последнее поручило управе на основании мотивированного объяснения совета библиотеки возбудить ходатайство перед губернатором об оставлении в библиотеке всех 149 книг.

Полицейская репрессия не уменьшила размаха работы библиотеки. Наоборот, в 1911—1912 гг., в обстановке начинавшегося подъема рабочего движения, роль библиотеки как культурного центра, ведущего разностороннюю массовую работу, стала возрастать и усиливаться. Одновременно ширилась и углублялась вокруг и под прикрытием этого культурно-просветительного центра организационная и пропагандистско-агитационная работа большевиков, которые все настойчивее и увереннее распространяли свое влияние на рабочее население района, искусно используя все легальные возможности.

Выдающуюся роль в развертывании подпольной большевистской работы вокруг Благушинской библиотеки сыграл Петр Петрович Щербаков, в течение ряда лет самоотверженно работавший в Лефортовском районе и отдавший свою жизнь за дело пролетарской революции во время октябрьских боев 1917 г. при штурме Алексеевского военного училища в Лефортове.

Особенно большую роль в развитии революционной работы сыграла Благушинская библиотека в годы первой мировой войны. Лефортовские большевики сумели использовать совет библиотеки в качестве своеобразного дискуссионного клуба, выдвинувшего в первые месяцы войны ряд активных большевистских агитаторов против империалистической войны.

4. Библиотекарь-большевик Ольга Ивановна Чачина

Говоря о библиотечной работе в Москве, необходимо вспомнить о мало известной нашим советским библиотекарям Ольге Ивановне Чачиной, которая показала подлинное мастерство в сочетании политической и просветительной работы, в использовании нелегальных и легальных ее форм.

Участие в народническом кружке учащихся в Нижнем-Новгороде в конце 80-х годов XIX в., занятия на Бестужевских высших женских курсах в Петербурге, работа в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» — таков жизненный путь Ольги Ивановны в ранней молодости.

В начале 90-х годов прошлого века О. И. Чачина служила в книжном складе А. М. Калмыковой, что позволяло ей одновременно вести большую нелегальную партийную работу. Напротив склада находилась ее квартира, в которой хранилась нелегальная литература. Партийные товарищи приходили в склад А. М. Калмыковой и по паролям получали от О. И. Ча-

О. И. Чачина. 1911 г.

чиной нелегальную литературу, которую она приносила из своей квартиры. То, что служащая склада легальной литературы приносила в склад пачки каких-то книг, долгое время не вызывало подозрения у сыщиков. В 1897 году Ольга Ивановна была арестована и выслана из столицы в Казань под гласный надзор полиции; там она работала в Казанской социал-демократической организации и снова была арестована, после чего в 1899 году выслана в Уфу, где сблизилась с Н. К. Крупской.

По окончании срока ссылки Ольга Ивановна возвратилась в Нижний-Новгород и работала с 1901 по 1904 г. в первом Нижегородском комитете РСДРП. В 1904 году — снова арест и высылка из Нижнего-Новгорода, затем подпольная работа в Москве и в Курске, а с осени 1905 года — опять Нижний-Новгород, где она оставалась до 1908 года.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова-Кржижановская, С. П. Невзорова-Шестернина, Н. А. Семашко, А. И. Пискунов, Я. М. Свердлов, А. М. Горький, М. И. Ульянова — вот перечень партийных товарищей, в идейном сотрудничестве с которыми вырос и окреп этот скромный и самоотверженный боец большевистской партии.

Нужно отметить, что в годы жизни на легальном положении в Нижнем-Новгороде Ольга Ивановна работала в качестве библиотекаря в библиотеке Всесословного клуба и продолжала библиотечную работу после переезда в Москву, где в начале 1909 года стала заведовать вновь открывшейся городской библиотекой-читальней имени Гоголя. В эту работу О. И. Чачина вложила весь свой богатый организаторский опыт, всю свою любовь к людям.

В своей работе Ольга Ивановна всегда проявляла большую инициативу, самостоятельность и настойчивость. Ярким проявлением этих качеств было открытие ею в январе 1914 года детского отделения в библиотеке имени Гоголя без предварительного разрешения городской управы.

Ольга Ивановна сумела создать в Гоголевской библиотеке сплоченный, дружный, четко работающий коллектив и сверх того обеспечить возможность использования библиотеки в целях партийной работы, от которой она не отрывалась даже в самой неблагоприятной обстановке. Она всегда стремилась подбирать работников с учетом их идейного облика.

Мария Ильинична Ульянова следующим образом характеризует О. И. Чачину: «Как человек, Ольга Ивановна была поразительно скромной, доброй и отзывчивой. Как-то теплее и легче на душе становилось от взгляда ее ласковых глаз, от ее искренности и задушевности. Всегда готовая оказать товарищам всякую помощь, она пользовалась их большой любовью и уважением, и как-то само собой выходило, что к ней обращались за разными услугами. Сколько нелегальных свиданий

устраивалось в ее маленькой квартирке при библиотеке, кому только из товарищей Ольга Ивановна не давала у себя приюта и ночлега...»[1].

Ярким свидетельством неутомимости Ольги Ивановны в области партийной работы может служить тот факт, что в 1913 году напряженную деятельность по организации библиотеки им. Гоголя, которой она заведовала, она сочетала с большой работой в Третьем женском клубе, сыгравшем большую роль в жизни Московской организации большевиков.

После Великой Октябрьской социалистической революции О. И. Чачина работала сначала в Московском отделе народного образования, а затем была назначена первой заведующей подотделом массовых библиотек Народного комиссариата просвещения (по переезде его в Москву).

24 апреля 1919 года сыпной тиф унес в могилу этого самоотверженного, стойкого и преданного пролетарскому делу товарища, немало потрудившегося и на библиотечном фронте[2].

* *
*

В одном из пунктов резолюции VI (пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 г. «О характере и организационных формах партийной работы» было сказано: конференция находит, что:

«...3) необходима возможно бо̀льшая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих...

...5) кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной практической работе: распространению нелегальной социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.»[3].

---

[1] Ульянова М. И. Памяти старого друга. — «Правда», 1919, № 89, 27 апр.

[2] Об О. И. Чачиной см.: Ульянова М. И. Памяти старого друга. — «Правда», 1919, № 89, 27 апр.; Лалаянц И. Х. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 гг. — «Пролетарская революция», 1929, № 1(84); Семашко Н. А. Казанская с.-д. группа в 1899—1901 гг. — «Пути революции» (Казань), 1922, № 2; Заломов П. А. Воспоминания. Курск, 1939; Заломова В. А. Наша семья. Воспоминания. — «Звезда», 1938, № 11; Сосинхина Л. М. Из прошлого детской библиотеки «Памяти 1905 г.» (Москва). — «Красный библиотекарь», 1937, № 10; Фадеев В. П. Образование Нижегородской организации РСДРП (1901—1904 гг.). — В кн.: Ученые записки Горьковского гос. университета. Вып. 13. Горький, 1947.

[3] Шестая Всероссийская (пражская) конференция РСДРП. Прага. 5—17 (18—30) января 1912 г. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7-е. М., Госполитиздат, 1953, стр. 277.

Сделанный выше далеко не полный обзор деятельности московских большевиков по использованию библиотек в целях нелегальной партийной работы показывает, что московские большевистские организации правильно восприняли, энергично и довольно успешно осуществляли решения Пражской конференции в этой области.

Московские легальные рабочие организации имели, несомненно, большое значение в деле выращивания большевистских рабочих кадров, в формировании пролетарской интеллигенции и воспитании революционной пролетарской сознательности.

Вспоминая жизнь московского пролетариата в предреволюционные годы, конкретно ощущаешь, как все эти разнообразные ручейки пролетарского творчества и рабочей самодеятельности, направленные крепкой рукой большевистской партии, сливаясь вместе, подготовляли ту могучую силу, которая в октябре 1917 года разрушила старый, отживший капиталистический мир на одной шестой части земного шара.

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор И. П. Хованский.

Корректоры: Е. С. Гудкова, Л. П. Васильева.

А02994. Подп. к печ. 24/VIII 1955 г. Объем $10^1/_8$ печ. л. + 4 вклейки, 12 уч.-изд. л. Формат $60 \times 92^1/_{16}$. Зак. 747. Тираж 10.000 экз. Цена 4 р. 80 к.

Типография Библиотеки имени В. И. Ленина.

іки,
0 к.

Цена 4 р. 80 к.